ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

МАМЕДОВ Руслан Шакирович

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ИРАКА В ПОСТСАДДАМОВСКИЙ ПЕРИОД (2003-2020 гг.)

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода).

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
Доктор исторических наук,
профессор,
Сапронова Марина Анатольевна

Москва – 2021

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ИРАКА В ПОСТСАДДАМОВСКИЙ ПЕРИОД (2003-2020 гг.)

Оглавление

Введение 4
ГЛАВА 1. Механизмы взаимодействия племенных, этнических и конфессиональных групп в Ираке: исторический аспект 32
1.1. Управление вилайетами в составе Османской империи. Роль традиционных институтов (суфийских тарикатов) в государственных структурах 32
1.2. Оформление британцами представительства ключевых элитных групп в подмандатный период. 40
1.3. Политическая элита в баасистский период. Выдвижение тикритцев в период правления Парти арабского социалистического возрождения (ПАСВ) 45
1.5. Подход С.Хусейна и родственных ему кланов в области государственного управления 52
1.6. Раскол суннитских кланов и укрепление вертикали власти 55
1.7. Проблема взаимоотношений саддамовского режима с шиитами 59
ГЛАВА 2. Государственное строительство постсаддамовского Ирака в условиях американской оккупации 64
2.1. Оккупационные органы управления и приход к власти новой политической элиты Ирака в 2003-2005 гг. 64
2.2. Специфика избирательного процесса (2003-2005 гг.). Закон об управлении государством Ирак в переходный период 68
2.3. Конституция 2005 г. – юридическая основа формирования новой государственности и правящей элиты 73
2.4. Парламент 2005 г.: партийный, этнический и конфессиональный состав. Победа шиитского блока 76
ГЛАВА 3. Избирательный процесс и формирование государственных структур (2005-2020 гг.) 85
3.1. Укрепление юридической базы новой власти и ее использование новой элитой для борьбы с оппонентами 85
3.2. Парламентские выборы 2010 г., 2014 и 2018 гг.: борьба этноконфессиональных групп за представительство и новое соотношение сил в органах власти 90
3.3. Процесс формирования правительства и усиление политической борьбы за ключевой пост во властной архитектуре – должность премьер-министра... 101
3.4. Проблема суннитского представительства в органах власти. ИГИЛ и радикальная суннитская оппозиция новой политической элите 113

ГЛАВА 4. Динамика партийного строительства: внутриконфессиональная консолидация и расколы 125
4.1. Объединенная иракская коалиция: формирование и дезинтеграция шиитского блока 125
4.2. Эволюция курдских партий и их представительство в федеральных органах власти 132
4.3. Процесс преодоления курдского сепаратизма. Курдские элиты и референдум 2017 г. 135
4.4. Образование суннитских партий и раскол их коалиций. Необходимость включаться в светские блоки 144
ГЛАВА 5. Неформальные элементы формирования политической элиты. Мухасаса и роль внешнего фактора 151
5.1. Принцип «мухасаса» – неформальный элемент формирования государственных структур 151
5.2. Кланы, лидирующие в политических партиях и движениях. Основные иракские семьи, их роль в элитных группах 161
5.2.1. Семьи Аляуи и Чалаби: финансовые ресурсы, связи с Западом и светский подход для постсаддамовского Ирака 163
5.2.2. Семьи Ааль Садр и Ааль Хаким: история и положение в постсаддамовском Ираке 169
5.2.3. Семьи Барзани и Талабани: история борьбы и оформления интересов 181
5.2.4. Племена северо-востока страны и проблемы включения в постсаддамовскую структуру элит. На примере семей Ас-Сулейман (Дулайм) и аль-Явар (Шаммар) 186
5.3. Роль религиозных институтов в политическом процессе и их влияние на политические элиты 196
5.4. Аль-Хашд аш-Шаабий между Наджафом и Тегераном. Новые элементы в военно-политическом измерении 205
Заключение 213
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 218
Приложение № 1. 256
Приложение № 2. 257
Приложение № 3. 258
Приложение № 4. 259
Приложение № 5. 260
Приложение № 6. 265

Введение

Ближний Восток продолжает оставаться в фокусе внимания специалистов различного профиля ввиду истории региона, его стратегического положения, значительных запасов углеводородов, перманентной нестабильности и конфликтогенности. Современный этап ближневосточной истории характеризуется «хрупкостью» политических режимов, жесткой региональной конкуренцией, вмешательством внешних сил.

Система региональной безопасности на Ближнем Востоке в постбиполярный период подверглась серьезной эрозии. Причем сам вопрос определения региона и географических границ системы региональной безопасности продолжает сохранять свою актуальность. Эта проблема налагается на кризис государственности, влияющий как на субрегиональный, так и на региональный и глобальный уровни. В этих условиях стоит отметить, что с 1990-х гг. крупнейшим игроком в сфере безопасности на Ближнем Востоке фактически стали США. С утратой ориентира в лице СССР элитам ближневосточных государств приходилось перестраиваться и искать свое положение без возможности «игры» между двумя крупными полюсами. В отношении Ближнего Востока американцы стали опираться на несколько принципов и подходов, ключевым из которых стала «смена (неугодных) режимов». Так заполнялся «вакуум влияния» после распада СССР.

Одним из ключевых государств с «неугодным» для США режимом стал Ирак. Комплекс причин и событий привели США и ведомую ими коалицию к вторжению в Ирак и свержению президента страны Саддама Хусейна, что привело не только к подрыву регионального баланса сил, но и к усугублению кризиса государственности Ирака. Собственно, сам кризис государственности был связан в том числе с кризисом элит. Переход к новым элитам Ирака проходил в условиях оккупации и региональной неопределенности. При этом само формирование новой политической элиты Ирака в постсаддамовской период хотя и зависело от политики оккупантов, но как испытывало на себе региональное влияние, так и обладало внутренней динамикой.

Актуальность

Актуальность темы диссертационного исследования связана потребностью в осмыслении современных путей развития арабских стран, поскольку регион Ближнего Востока продолжает переживать трансформационные процессы. Сохраняется проблема поиска идентичности и модели государственного устройства, адекватного меняющейся геополитической конфигурации. Этот поиск (его динамика, итоги, политическая конструкция и т.д.) связаны с процессом формирования нового правящего класса – политической элиты.

В общем комплексе фундаментальных проблем современности проблема власти, правящей элиты, ее природы, социального характера, эффективности и легитимности вышла на ведущие позиции. Существует множество определений элиты; в данной же работе автор следует за российским исследователем Дукой А.В. и под «элитой» будет понимать «совокупность персон, занимающих стратегические позиции в обществе или в его какой-нибудь подсистеме, позволяющие им принимать кардинальные решения, в том числе по поводу распределения и потребления общественных благ»[1].

Элита принимает решения, влияющие на всю политическую систему и политический процесс в обществе, серьезная роль отводится элите и в принятии внешнеполитических решений. В этой связи отдельные исследователи отмечают важность того, чьи интересы продвигает элита той или иной страны, особенно в контексте глобализационных процессов. Так, российский элитолог Г. К. Ашин подчеркивал, что «глобализация неизбежно ставит вопрос о соотношении глобальных и национальных элит, интернациональной и национальных культур, о проблеме патриотизма элит. Нынешние элитологи, вслед за К. Лэшем, ставят вопрос о “восстании элит” (может быть, следует говорить об “измене элит”) своим народам»[2]. Для Ирака данная ситуация актуальна, т.к. процесс становления новой

[1] Дука А.В. Теоретические проблемы в исследованиях властных элит // Журнал социологии и социальной антропологи. 2008. №1. С.50.
[2] Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность: монография / Г.К. Ашин. МГИМО МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 273.

элиты проходил в условиях оккупации со стороны США и поддерживающих их сил.

Пример Ирака показателен и особенно интересен тем, что формирование новой элиты происходило на фоне политического и межконфессионального конфликта и в условиях американской оккупации, а затем – в условиях противостояния и борьбы с террористическими группировками. Кроме того, становление новой иракской государственности и новой элиты иракского общества шло одновременно с региональными трансформационными процессами, характеризовавшимися глобальным и региональным противостоянием различных центров силы и оказывавшими, в свою очередь, воздействие на внутриполитические процессы в Ираке.

Вторжение в 2003 г. коалиционных сил во главе с США в Ирак привело к насильственному прерыванию процесса государственного развития. Деятельность американской администрации и оккупационного органа – Временной коалиционной администрации Ирака – усилили межконфессиональные противоречия в этой стране. Несмотря на то, что в Ираке провозглашались демократические принципы, наличие пестрого в этноконфессиональном и социальном отношении общества, разрушение и резкий отход от институтов существовавшего до 2003 г. политического режима негативно сказались на будущем Ирака. Вскрылись проблемы перехода с авторитарного типа управления государством к провозглашаемым демократическим принципам формирования государственного аппарата. Не в последнюю очередь это было связано с этноконфессиональным составом населения Ирака. Особую роль в постсаддамовском государственном строительстве Ирака играла политика новой элиты (справедливее было бы их назвать «элитами», поскольку эти группы лиц правящего класса до сих пор остаются разрозненными).

Процесс изучения становления и эволюции политической элиты в Ираке приобретает актуальность и в контексте продолжающегося воздействия региональных и внерегиональных держав на внутриполитические процессы

отдельных арабских государств на фоне борьбы в них т.н. «фундаменталистского» и «демократического» проектов.

Объект исследования

Объектом данного исследования является политическая элита Ирака и взаимоотношения властных групп.

Предмет исследования

Предмет исследования – внутренние и внешние факторы, влияющие на процесс формирования политической элиты и взаимоотношения властных групп. Зависимость формирования политической элиты Ирака и строительства новых государственных институтов от региональных и мировых процессов в период после свержения президента Ирака С. Хусейна 2003 г. до разрешения очередного политического кризиса и занятия поста премьер-министра М. аль-Казыми в 2020 г.

Цель исследования

Цель данного исследования заключается в проведении комплексного анализа эволюции правящей элиты Ирака в период 2003-2020 гг. и выявлении принципов рекрутирования и взаимодействия властных групп.

Основные **задачи** исследования:

- рассмотреть исторический аспект формирования политической элиты Ирака;
- изучить процесс формирования новой элиты Ирака в условиях американской оккупации (в период деятельности Временной коалиционной администрации и Временного правительства Ирака);
- проанализировать механизмы рекрутирования в политическую элиту и проследить эволюцию юридической базы ее формирования;
- рассмотреть динамику электорального процесса и представительства в парламенте отдельных этноконфессиональных групп в период 2005 – 2020 гг.;
- проследить динамику партийного строительства и определить соотношение интеграции представителей политических сил курдов, арабов-суннитов и арабов-шиитов (в т.ч. изначально оппозиционных к новой элите) в политическое

пространство Ирака;

- определить неформальные элементы формирования политической элиты в рамках постсаддамовской политической системы;
- определить роль внешних сил, влияющих на взаимодействие правящих элит Ирака; выявить агентов влияния, связанных с внешними силами семейными /идеологическими /материально-экономическими связями.

Хронологические рамки диссертационного исследования

Хронологические рамки исследования определяются 2003-2020 гг. В 2003 г. США и их союзники вторглись в Ирак и свергли президента Саддама Хусейна, находившегося у власти с 1979 по 2003 гг. Эти события положили начало процессам дебаасификации и декларируемой демократизации, которые стали проводить с различной степенью успеха руководимая американским дипломатом Полом Бремером Временная коалиционная администрация и Временное правительство Ирака во главе с Айядом Аляуи (1 июня 2004 г. – 7 апреля 2005 г.). Данная работа изучает историю формирования элиты с 2003 г. по 2020 г. Для уточнения отдельных аспектов проводился исторический экскурс в предыдущий этап политического развития страны.

Обзор использованных источников и литературы и степень научной разработанности темы

В такой формулировке данная тема не получила достаточного освещения в научной литературе. Кроме того, на момент написания данной диссертации продолжают отсутствовать обобщающие работы по истории Ирака постсаддамовского периода на русском языке. В отечественной науке также отсутствуют монографии, которые раскрывали бы сущность и основные закономерности функционирования политической системы и элит Ирака после 2003 г., но существует множество работ по отдельным аспектам современной иракской истории и политики.

Работа базируется на нескольких группах **источников**:

1. *Иракская конституция 2005 г., документы ООН*

Необходимым представляется использование документов ООН (в т.ч. докладов Миссии Организации Объединенных Наций по оказанию содействия Ираку (МООНСИ)), иракской конституции 2005 г.[3], анализ содержания (в т.ч. принятия и реализации) которой позволяет выявить основные направления и формальные принципы взаимодействия политических элит иракского общества.

2. *Официальные документы Временной коалиционной администрации, правительства, парламента*

Важными источниками являются приказы Временной коалиционной администрации Пола Бремера (главным отправным пунктом становятся Приказ № 1[4] и Приказ №2 Временной коалиционной администрации Пола Бремера о дебаасификации страны (роспуске партии «Баас», государственных институтов и структур)). Анализ этих документов особенно важен в историческом контексте их принятия и влияния на происходящие в стране события. Это необходимо для дальнейшего определения и раскрытия взаимозависимости между оккупационными органами, их действиями в Ираке и первыми органами «новой власти», конфликтного взаимодействия сторон/реакции со стороны свергнутой власти и т.д. Официальные документы, выпущенные Временной коалиционной администрацией (в количестве 100 Приказов) и Временного управляющего совета, были собраны и приведены в работе С. Тальмона в 2013 г.[5] Отдельно стоит отметить ряд законов о выборах, принятых в парламенте, которые позволяют сделать определенные выводы об эволюции избирательного законодательства и рекрутирования в политическую элиту[6].

---

[3] Конституция Ирака 2005 г. (دستـور جمهـورية العـراق) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета представителей (парламент) Ирака. 2005. Режим доступа: https://ar.parliament.iq/العراقي-الدستور/ (дата обращения: 18.12.2017).

[4] The Coalition Provisional Authority Order № 1: De-Ba'athification of Iraqi Society". The Coalition Provisional Authority. 16.05.2003. [Electronic resource]. Mode of access: http://www.iraqcoalition.org/regulations/20030516_CPAORD_1_De-Ba_athification_of_Iraqi_Society_.pdf (last visited: 09.10.2017).

[5] Talmon, S. The Occupation of Iraq: The Official Documents of the Coalition Provisional Authority and the Iraqi Governing Council. London: Bloomsbury Publishing PLC, 2013.

[6] См. Закон о выборах № 16 от 2005 г. (ред. от 5.10.2005) (2005 لسنة (16) قانون الانتخابات رقم) [Электронный ресурс] // Wiki.dorar. 2005. Режим доступа: http://wiki.dorar-aliraq.net/iraqilaws/law/19502.html. (дата обращения: 16.12.2018).

3. Заявления религиозных деятелей и политических лидеров

Приведены послания одних из самых влиятельных политических и духовных лидеров Ирака, таких как великий аятолла Али ас-Систани[7], Муктада ас-Садр[8] и др.

4. Интервью, которые проводил автор

Приведены интервью автора с экспертами, среди них директор программы Ближнего Востока и Северной Африки Международной кризисной группы Й. Хилтерман[9], старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН К. Труевцев[10], научный директор Zenith Council (Германия) и специалист по конституционному развитию Ирака Н. Наим[11], научный сотрудник Международного центра исследований радикализации Департамента военных исследований Королевского колледжа Лондона И. Рудольф[12], эксперт и бывший сотрудник миссии ООН по содействию Ираку (МООНСИ), пожелавший остаться неназванным[13]. Кроме того, прилагаются записи автора со встречи с членом Патриотического союза Курдистана, пожелавшего остаться неназванным[14].

Закон № 26 от 2009 г. по изменению закона о выборах № 16 от 2005 г. (2005 لسنة (16) قانون تعديل قانون الانتخابات رقم). [Электронный ресурс] / Официальный сайт Совета представителей (парламент) Ирака. 2005. Режим доступа: http://arb.parliament.iq/archive/2009/12/28/قانون-تعديل-قانون-الانتخابات-رقم-16-لسن/ (дата обращения: 18.12.2018) и др.

[7] Заявление ас-Сайида Али ас-Систани (долгой ему жизни) в Наджафе о последних событиях в сфере безопасности в провинции Найнава (на араб. بيان صادر من مكتب سماحة السيد السيستاني - ظلّه دام - في النجف الأشرف حول التطورات الأمنية الأخيرة في نينوى محافظة) // Официальный сайт Его Высокопреосвещенства ас-Сайида Али аль-Хусейна ас-Систани. 2006. Режим доступа: http://www.sistani.org/arabic/statement/24906/ (дата обращения: 21.03.2018).

[8] Лидер Сайид Муктада ас-Садр (да сохранит его Аллах) издал важное заявление об иракской народной революции и приверженности сохранения и продолжения реформ, и отсутствии их поддержки со стороны людей слабых духом (на араб. الصدر مقتدى القائد السيد سماحة (الله أعزه) حرفها وعدم مسارها على مستمرة لتبقى الاصيلة العراقية الشعبية الاصلاح ثورة حول مهما بياناً يصدر الضعيفة النفوس أصحاب قبل من) // Официальный сайт ас-Сайида Муктады ас-Садра. 20.04.2016. Режим доступа: http://jawabna.com/index.php/permalink/8863.html (дата обращения: 28.04.2018).

[9] Интервью автора с директором ближневосточной программы Международной кризисной группы Й. Хилтерманном по переписке. Брюссель-Москва. 2019 г. Перевод с английского языка.

[10] Интервью автора со старшим научным сотрудником Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН К.М. Труевцевым. Москва. 2019 г.

[11] Интервью с научным директором Zenith Council (Германия) Насифом Наимом в Москве, 2019 г. Перевод с английского языка.

[12] Интервью с научным сотрудником Международного центра исследований радикализации Департамента военных исследований Королевского колледжа Лондона Инной Рудольф. Москва-Лондон (видеосвязь). 2019 г. Перевод с английского языка.

[13] Интервью с экспертом, бывшим сотрудником миссии ООН по содействию Ираку (МООНСИ) в Багдаде (Ирак). 2019 г. Перевод с английского языка.

[14] Записи автора со встречи в Эрбиле (Ирак) с членом Патриотического союза Курдистана, пожелавшего остаться неназванным. 2017 г. Перевод с арабского языка.

Литературу по данной теме также можно разбить на несколько блоков:

1. **Обобщающие работы, рассматривающие иракский кризис в контексте международных отношений, региональных трансформаций и политического ислама.** Этим вопросам посвящены в основном ряд трудов Е.М. Примакова[15], В.В. Наумкина[16], И.Г. Игнатенко[17], В.В. Куделева[18], И.Д. Звягельской[19], Я. Лустика[20], Р.Г. Ланды[21], М. Бердаля и А. Сурке[22], Аль-Ансари А. бу А.[23] и др. В них отражены проблемы урегулирования конфликта в условиях разделенного общества, происхождения политического ислама и исламизма в целом, взаимосвязи ислама и государства.
2. **Исследования по вопросам теории и методологии элитологии.** Тема данной диссертации предполагает использование как исторических, так и элитологических подходов. Несмотря на то, что «формирование элиты» несет в себе содержание исторического процесса, сам объект исследования может рассматриваться также в контексте элитологии. В классическом понимании элита – меньшая часть общества, обладающая наибольшим влиянием на принятие влияющих на общество решений. В этом плане классики элитологии, как В. Парето (среди других классиков – Г. Моска[24],

---

[15] Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М.: Изд-во Российская газета, 2012.

[16] Наумкин В.В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 1. С. 66–96.

Его же. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов // Восток. 2006. №1. С. 65 – 87.

Его же. Курдская головоломка Ближнего Востока (На примере Ирака) // Мировая экономика и международные отношения РАН. Т. 63, №5, 2019. С. 76-87.

[17] Игнатенко А.А. Ислам и политика. М.: Институт религии и политики, 2004.

Его же. Халифы без халифата. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988.

[18] Куделев В.В. «Аль-Каида» и война в Ираке // М.: Институт Ближнего Востока, 2009.

[19] Звягельская И.Д. Конфликты на Ближнем и Среднем Востоке: тенденции и игроки // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: История и современность. 2017. №3.

[20] Lustick I. Stability in deeply divided societies: Consociationalism versus control // World Politics. 31 (3), 1979. Pp. 325–44.

[21] Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М.: Институт Ближнего Востока, 2005.

[22] Berdal M. and Suhrke, A. The Peace In Between: Post-War Violence and Peacebuilding. NY-London: Routledge, 2012.

[23] Аль-Ансари А. бу А. Понятие гражданского государства в западной и исламской мысли: Сравнительное изучение некоторых конститутивных текстов (на араб. **مفهوم الدولة المدنية في الفكر الغربي والإسلامي (دراسة مقارنة لبعض النصوص التأسيسية)**). Эрбиль: Арабский центр разработок и политических исследований, 2014.

[24] Mosca G. The Ruling Class. New York: McGraw Hill Book company, 1939.

Р. Михельс[25]), рассматривали общество, как систему, а элиту – как ее часть[26]. Таким образом, изучение элиты, в т.ч. иракской, требует рассмотрения той политической системы, в рамках которой функционируют имеющиеся элементы и институты общества. Интерес к этой теории на Западе вновь актуализировался с работами Дж. Хигли и его соавторов[27], где в основу исследований лег вопрос о связанности типа и стабильности режимов с единством или разобщенностью элит. Так, согласно Дж. Хигли, «разъединенные элиты чаще всего рождаются при формировании независимых национальных государств, в которое, как правило, вовлечены некоторые элитные группировки, силой подавляющие и подчиняющие другие фракции»[28]. Теоретические аспекты изучения элит развивал также Р. Патнэм. Он выделял три подхода к рассмотрению элит – позиционный, репутационный и анализ принятия решения[29]. Сегодня изучением элит на Западе занимаются и многие другие исследователи.

Российская элитология получила свое развитие в конце 1980-х – начале 1990-х гг., поскольку рос интерес к тому, что крупнейший отечественный элитолог Г.К. Ашин позднее обозначил как «науку об элитах и элитном, о высшем слое в системе социально-политической стратификации…»[30]. Вклад в российскую элитологию также внесли М.Н. Афанасьев[31], О.В.

---

[25] Michels R. Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. Translated into English by Eden Paul and Cedar Paul. New York: The Free Press. 1915.

[26] Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 14.

[27] Elites Crises and the Origins of Regimes / ed. by M.Dogan, J. Higley. Lanham: Rowman and Littlefield Publishers, 1998; Higley J. Elite Foundations of Liberal Democracy / J. Higley, M. Burton. Lanham: Rowman and Littlefield Publishers, 2006; Хигли Дж. Элиты, массовые группы и пределы политики: методология и практика сравнительного анализа // Сравнительная политика. 2010;1(1). С. 50-72.

[28] Хигли, Д. Демократия и элиты / Д. Хигли // Полития. М.: 2006. № 2 (41). С. 26.

[29] Наронская А.Г. Концептуальные подходы к изучению политических элит (мировой и отечественный опыт) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. - 2019. - Т. 14, № 1 (185). С. 90. См. также: Putnam R.D. The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1976. Pp. 242.

[30] Ашин Г.К. Элитология в системе общественных наук // Общественные науки и современность. 2003. № 4. С. 124-134.

[31] Афанасьев М.Н. Правящие элиты и государственность посттоталитарной России: Курс лекций. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996.

Гаман-Голутвина[32], А.В. Дука[33], А.В. Понеделков[34], В.П. Мохов[35], П.Л. Карабущенко[36], А.П. Кочетков[37], О.В. Крыштановская[38], Н.Ю. Лапина[39], А.К. Магомедов[40], А.М. Старостин[41] и др. Большинство исследований российских специалистов, однако, посвящены исследованиям различных аспектов элиты в России. Существуют и работы, анализирующие элиты других государств, среди которых для данной диссертации наиболее важными представляются восточные.

Отечественные исследователи предпочитают отмечать неприменимость западных концепций к изучению элит восточных государств. В этом плане интересен сборник «Элиты стран Востока» под редакцией А. Ю. Другова, Н. П. Малетина, О. В. Новаковой[42], где ряд авторов на конкретных страновых примерах показали уникальность элитообразования восточных государств. Институтом востоковедения РАН была опубликована коллективная монография «Многоликая элита Востока. Том 1»[43]. Стоит также отметить исследования по прибалтийским (работы В.А. Смирнова[44]) и постсоветским государствам, где особое внимание авторы уделяют клановому фактору в элите, например, в трудах А.А.

---

[32] Гаман-Голутвина О. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2006. Гл. 6.1. Ее же. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. №2. 2016. с. 38-73. Ее же. Политические элиты: эволюция теоретических концепций. М.: РАГС, 1996. 416 с.

[33] Дука А.В. О подходах к анализу властных элит // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. СПб., №3, 2012. Его же. Теоретические проблемы в исследованиях властных элит // Журнал социологии и социальной антропологи. 2008. №1.

[34] Понеделков А. В. Политико-административные элиты России. Ростов-на-Дону, 2005.

[35] Мохов В.П. Элитизм и история. Проблемы изучения советских региональных элит. Пермь, 2000.

[36] Карабущенко П.Л. Антропологическая элитология. М. ; Астрахань : АстрФ МОСУ (АСИ), 1999.

[37] Кочетков А.П. Демократия и элиты. М.: ПрофЭко, 2009. с. 176.

[38] Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. С. 280–283. Ее же. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С.51-65.

[39] Лапина Н.Ю. Региональные элиты России / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион. пробл. М., 1997. 63 с.; Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор / РАН. ИНИОН. М., 2000. 198 с.

[40] Магомедов А.К. Политическая элита российской провинции // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 4. С.72-79.

[41] Старостин А.М. Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России. Ростов-н/Д.: СКАГС, 2003. 365 с.

[42] Гевелинг Л.В. Формирование элит и контрэлит в условиях меняющейся политической реальности (контуры теоретической модели) // Элиты стран Востока: сборник статей / под ред. А.Ю. Дугова и др. М., 2011. С. 6-7.

[43] Многоликая элита Востока. Том 1: коллективная монография / отв. ред. Е.М.Астафьева; Ин-т востоковедения РАН. Москва.: ИВ РАН, 2020.

[44] Смирнов В.А. Политические элиты в малых странах: вопросы теории. М.: РОССПЭН, 2017.

Казанцева[45], И.А. Сафранчука[46], Д.Б. Малышевой[47], И.Д. Звягельской[48] и др. В 2000 г. был издан сборник, посвященный непосредственно анализу элит ближневосточного региона, «Политическая элита Ближнего Востока». В целом, труды авторов сборника также поддерживают идею о необходимости применения иных подходов, отличающихся от западных либерально-демократических ценностей или «советских классово-идеологических догм»[49]. Примечателен рост исследовательского интереса в России к теме элит в многосоставных обществах Ближнего Востока, что отражается в том числе и в защите диссертаций по смежным тематикам (например, диссертация М.Ф. Аль-Двани «Политическая элита в социальной структуре Республики Йемен»[50]).

3. **Работы, посвященные истории Ирака в новейшее время.** Российскими и зарубежными исследователями немало внимания уделялось истории Ирака новейшего времени, например, в работах Л.Н. Котлова[51], Б.М. Данцига[52], В.В. Львова[53], Г.И. Мирского[54], Л. Блейдс[55], А. Кязыма[56], Ч. Триппа[57]. Одной из последних работ такого рода является фундаментальная

---

[45] Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия / А.А.Казанцев. М.: МГИМО-Университет, 2008. 382 с.
Его же. Политические элиты и перспективы эволюции политических систем Узбекистана и Казахстана / А.А. Казанцев, Ш.Д. Содиков // Ежегодник Института международных исследований. М.: МГИМО-Университет, 2014. Выпуск 1 (7). С. 116-124.

[46] Казанцев А.А., Сафранчук И.А. Клановый фактор в политической жизни Кыргызстана // Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии. 2014. № 1(34).

[47] Малышева Д.Б. Политические процессы в постсоветской Центральной Азии [Текст] / Д. Б. Малышева // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 3. С. 36-52.

[48] Звягельская И.Д. Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении. М.: «Аспект Пресс», 2018. 224 с.

[49] Политическая элита Ближнего Востока (сборник статей) // Институт изучения Израиля и Ближнего Востока и ИВ РАН. М., 2000. 176 с.

[50] Аль-Двани М.Ф. Политическая элита в социальной структуре Республики Йемен: диссертация на соискание степени канд. соц. наук: 22.00.04. Санкт-Петербург, 2016.

[51] Котлов Л.Н. Национально-освободительное восстание 1920 г. в Ираке. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1958.

[52] Данциг Б. М. Ирак в прошлом и настоящем. АН СССР, Ин-т народов Азии. М.: Изд-во вост. лит., 1960.

[53] Львов В.В. Современная политическая элита Ирака: а есть ли будущее? // Политическая элита Ближнего Востока. М., 2000.

[54] Мирский Г.И. Ирак в смутное время 1930-1941 гг. М.: Изд. восточной литературы, 1961.
Его же. Армия и политика в странах Азии и Африки. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1970.

[55] Blaydes L. State of Repression. Iraq under Saddam Hussein. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2018.

[56] Kadhim A. Reclaiming Iraq: The 1920 Revolution and the Founding of the Modern State. Austin: University of Texas Press, 2012.

[57] Tripp Ch. A History of Iraq. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

монография Н.В. Степановой[58] по истории Ирака XX в. Автор в хронологической последовательности анализирует исторические этапы развития страны с начала XX в., исследует социально-экономическое и социально-политическое положение Ирака со времен его образования как национального государства до периода президентства С. Хусейна (Н.В. Степанова уделяет внимание и этноконфессиональной политике Багдада в 1990-е гг.).

Важными в этом контексте представляются также смежные работы по истории Османской империи и британской оккупации и мандата в Ираке, позволившие обозначить преемственность государственности и вскрыть связи современных элит с элитами более раннего периода. Так, были привлечены труды М.С. Мейера[59], Г. Четинкая[60], Р.Р. Фабаля[61], Д.А. Фромкина[62], К. Гудвина[63], М.А. Аль-Амина[64], Х. Аль-Муфти[65], А.М. Ас-Саляби[66], Ф.А. Зухейр[67]. Среди перечисленных работ можно выделить монографию Г. Четинкая – исключительное исследование о последних десятилетиях Османского Ирака конца XIX – начала XX вв. Этот труд написан на основе данных центральных Османских архивов и проливает свет на политику и администрирование Ирака в османский период,

---

[58] Степанова Н.В. История Ирака. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2016.

[59] Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.

[60] Çetinsaya G. The Ottoman Administration of Iraq, 1890-1908. Soas/Routledge Studies on the Middle East, 2011.

[61] Fabal R.R.O. The British Administration of Iraq and Its Influence on the 1920 Revolution. Master Thesis. University of Oslo. 2015.

[62] Fromkin D. A Peace to End All Peace: The Fall of the Ottoman Empire and the Creation of the Modern Middle East. New York: Holt Paperbacks, 2001.

[63] Goodwin K. The Tanzimat and the Problem of Political Authority in the Ottoman Empire: 1839-1876. Rhode Island: Honors Projects Overview, 2006.

[64] Аль-Амин М.А. Организация «Аль-Ахали»: происхождение, идеология и ее роль в иракской политике 1932-1946 гг. (на араб. جماعة الأهالي: منشؤها، عقيدتها، ودورها في السياسة العراقية 1932-1946.). Бейрут: Арабский институт исследований и публикаций, 2001.

[65] Аль-Муфти Х. Ирак между двумя эпохами: Ясин аль-Хашеми и Бакр Сидки (на араб. العراق بين عهدين: ياسين الهاشمي وبكر صدقي). Рас-аль-Хайма, 1990.

[66] Ас-Саляби А.М. Османское государство. Факторы возвышения и причины распада. (на араб. الدولة العثمانية عوامل النهوض وأسباب السقوط). Порт-Саид, 2000.

[67] Зухейр Ф.А. Абдул Хусейн Чалаби, его жизнь и политическая роль в истории Ирака 1876-1939 (عبذ احلسني اجلليب حَاته ودوره السَّاسّ يف تاريخ العرام 1876-1939) // Журнал факультета основного образования Университета Аль-Мустансирийя. Том 25, №105. 2019.

раскрывая особенности социального, культурного и политического развития составивших впоследствии Ирак территорий.

4. **Работы, в которых раскрываются отдельные аспекты социально-политического развития Ирака.** Среди них труды А.А. Алиева[68], А.М. Васильева[69], А.А. Данилова[70], Д.Р. Жантиева[71], В.П. Кириченко[72], И.Х. Миняжетдинова[73], А.Д. Манафовой[74], А.К. Ситдиковой[75], К.М. Труевцева[76], Ю.Н. Зинина[77], Й. Хилтерманна[78], М. Хаддури и Е. Гариба[79], А.А. Аляуи[80], Ф. Алааддина[81], Ф. Хаддада[82] и др. Особого внимания заслуживают работы Х.Х. аль-Карауи[83] и А. Кязыма[84], раскрывающие роль религиозного (прежде всего, шиитского) фактора в политической жизни Ирака. Хотелось

---

[68] Алиев А.А. Иран vs Ирак. История и современность. М.: МГУ, 2002.

[69] Васильев А.М. Война в Ираке: региональные и глобальные последствия // Вестник РАН. 2004. Т.74. № 1.

[70] Данилов Л.Л. Тенденции и перспективы постконфликтного урегулирования в Ираке // Иракский кризис. Международный и региональный аспект. Под ред. Е.С.Мелкумян. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003.

[71] Жантиев Д.Р. Суфии в иракском сопротивлении (2003-2011) // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 13, №4. 2011. 35.

Его же. «Армия Махди» в Ираке: формирование и развитие // Вестник московского университета. Серия 13: Востоковедение. №4, 2012.

[72] Кириченко В. Трансграничная конфессиональная общность и национальное государство: шииты и власть в Ираке в годы правления Саддама Хусейна (1979-2003) // Россия и мусульманский мир. 2015. № 11 (281). С. 112.

[73] Миняжетдинов И.Х. «Балканизация Ирака»: факторы воспроизводства и распространения политического насилия // Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). М.: Институт востоковедения РАН, 2015.

[74] Манафова А.Д. Нефтяная политика Ирака, 2003-2016 гг. М.: Институт Ближнего Востока, 2017.

[75] Ситдикова А.К. Баасистский режим Ахмеда Хасана Аль-Бакра в Ираке (1968 - 1979 гг.): автореферат диссертации ... кандидата исторических наук: 07.00.03: Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, 2015.

[76] Труевцев К.М. Волнения в Ираке: продолжение арабской весны или новая политическая реальность? // Российский совет по международным делам. 13.11.2019. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/volneniya-v-irake-prodolzhenie-arabskoy-vesny-ili-novaya-politicheskaya-realnost/ (дата обращения: 02.02.2020).

[77] Зинин Ю.Н. Ирак после парламентских выборов 2010 года: этно-цивилизационный срез // Вестник МГИМО Университета. 2011.

[78] Hiltermann J.R. Elections and Constitution Writing in Iraq, 2005. Middle East at the Crossroads, 2006.

[79] Khadduri M., Ghareeb E. War in the Gulf, 1990-91: The Iraq-Kuwait Conflict and Its Implications // Oxford University Press, 1997.

[80] Allawi A.A. The Occupation of Iraq: Winning the War, Losing the Peace. USA: Yale University Press, 2007.

[81] Alaaldin F. Iraq's New Dawn: A New Government and A New Political Reality // Fikra Forum. The Washington Institute for Near East Policy. 11.05.2020. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.washingtoninstitute.org/fikraforum/view/Iraq-Kadhimi-government-parliament-prime-minister (last visited: 13.05.2020).

[82] Haddad F. Understanding Iraq's Hashd al-Sha'bi State and Power in Post-2014 Iraq // The Century Foundation. 5.03.2018. [Electronic resource]. Mode of access: https://tcf.org/content/report/understanding-iraqs-hashd-al-shabi/?session=1 (last visited: 29.02.2020).

[83] Al-Qarawee H.H. Sistani, Iran, and the Future of Shii. Clerical Authority in Iraq. Crown Center For Middle East Studies. Middle East Brief № 105, 2017.

Id. The 'formal' Marjaʿ: Shiʿi clerical authority and the state in post-2003 Iraq // British Journal of Middle Eastern Studies, 46:3, 2019. Pp: 481-497.

[84] Kadhim A. The Hawza and Its Role in Post-War Iraq. Boston: Institute for Iraqi Studies, Boston University, 2012.

бы также отметить ряд исследований плеяды специалистов Ближневосточного центра Лондонской школы экономики, как и Международного центра исследований радикализации на базе департамента военных исследований Королевского колледжа Лондона, среди которых труды Т. Доджа[85], Р. Мансура[86], И. Рудольф[87], Ф. Абдельджаббара[88] (последний широко известен социологическими исследованиями Ирака и независимо от Лондонской школы экономики), посвященные современной политической системе Ирака, ее трансформации и влиянию негосударственных акторов.

5. **Работы, посвященные курдам и курдскому фактору в развитии Ирака.** Курдский вопрос в Ираке анализируется во многих исследованиях, среди которых стоит выделить работы В.В. Наумкина[89], Д.С. Голубева[90], Н. Мосаки[91], К.В. Вертяева[92] и С.М. Иванова[93], О.И. Жигалиной[94], М.

[85] Dodge T. Iraq: From War to a New Authoritarianism. London: International Institute for Strategic Studies, 2013.
Его же. State and society in Iraq ten years after regime change: the rise of a new authoritarianism // International affairs. 2013. Pp. 241-257.
Его же. Iraq and Muhasasa Ta'ifia; The External Imposition of Sectarian Politics // The Foreign policy Centre. 12.11.2018. [Electronic resource]. Mode of access: https://fpc.org.uk/iraq-and-muhasasa-taifia-the-external-imposition-of-sectarian-politics/ (last visited: 01.02.2019).
[86] Mansour R. The Sunni Predicament in Iraq. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2016. Его же. Iraq's 2018 government formation: unpacking the friction between reform and the status quo. LSE Middle East Centre report. London: Middle East Centre, LSE, 2019.
[87] Rudolf I. From Battlefield to Ballot Box: Contextualising the Rise and Evolution of Iraq's Popular Mobilisation Units. London: ICSR. King's College London. 31.05.2018.
[88] Abdul Jabar F. The Iraqi protest movement: from identity politics to issue politics. LSE Middle East Centre papers series (25). London: LSE Middle East Centre, 2018.
Его же. Abdul Jabar F. The Shi'ite movement in Iraq. London: Saqi Books, 2003.

[90] Голубев Д.С. Проблемы и перспективы суверенизации Иракского Курдистана // Мировое развитие. Выпуск 18. Большой Ближний Восток в мировой экономике и политике. М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 15.
[91] Мосаки Н.З. Курдистан и курдский вопрос в политике Запада и России (90-е годы XX века – начало XXI века). М.: Институт Ближнего Востока, Институт востоковедения РАН, 2011.
[92] Вертяев К.В., Иванов С.М. Курдский национализм. История и современность / Институт востоковедения РАН. М.: Ленанд, 2015.
[93] Вертяев К.В., Жигалина О.И., Иванов С.М. Политические процессы в курдских ареалах стран Западной Азии (Ираке, Турции, Сирии, Иране). М.: Институт востоковедения РАН, 2013.
[94] Жигалина О.И. Мулла Мустафа Барзани. Исторический портрет. М.: Институт востоковедения РАН, 2013.

Бройнессен[95], М. Эппеля[96], М. Ихсана[97], М. Лизенберг[98], Д.Л. Филипс[99], М.Р. Ахмада[100], М. Чарунтаки[101].

6. **Работы, рассматривающие разные аспекты политической элиты Ирака**

6.1. **Юридическая база.** Юридические аспекты рекрутирования элит, электорального процесса и истории конституционного развития Ирака раскрыты в трудах М.А. Сапроновой[102], Т.Р. Хайруллина и А.В. Коротаева[103], Х. Ар-Рикаби[104], А. Атуф[105].

6.2. **Конфессиональное влияние на состав элит.** Истории и усилению роли элит шиитской части иракского общества в политической жизни Ирака и его региональных связей посвящены труды Н.А. Беренковой[106], Н.А. Филина[107], С.Г. Люсина[108], Ф. Аджами[109], Я.

---

[95] Bruinessen M. The Qadiriyya and the lineages of Qadiri shaykhs in Kurdistan / Mullas, Sufis, and Heretics: The Role of Religion in Kurdish Society. Istanbul: Isis Press, 2000. Pp. 213-230

[96] Eppel M. Kurdish Leadership in Post-Saddam Iraq: National Challenges and Changing Conditions // Iraq Between Occupations: Perspectives from 1920 to the Present (edited Baram A., Rohde A., Zeidel R.). New York: Palgrave Macmillan, 2010.

[97] Ihsan M. Nation Building in Kurdistan: Memory, Genocide and Human Rights. London and New York: Routledge, 2017.

[98] Leezenberg M. Religion among the Kurds. Between Naqshbandi Sufism and IS Salafism / The Kurdish Question Revisited. Amsterdam: Amsterdam School for Cultural Analysis (ASCA), 2017. Pp. 33-46.

[99] Phillips D.L. The Great Betrayal: How America Abandoned the Kurds and Lost the Middle East. London, New York: I.B. Tauris and Co. Ltd, 2019.

[100] Ахмад М.Р. Курдское движение в Ираке. Роль барзанистов на пути к самоуправлению 1918-1968 гг. (на араб. الحركة الكردية في العراق). Амман: Дар аль-Муатаз, 2014.

[101] Чарунтаки М. Курды и американская внешняя политика: международные отношения на Ближнем Востоке с 1945 года (на араб. الكرد والسياسة الخارجية الأميركية: العلاقات الدولية في الشرق الأوسط منذ 1945). Бейрут: Дар аль-Фараби. 2013.

[102] Сапронова М.А. Арабский восток: власть и конституции. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001.
Ее же. Иракская конституция в прошлом и настоящем (Из истории конституционного развития Ирака). М.: Институт Ближнего Востока, 2006.

[103] Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Конституция Ирака 2005 года и принципы ислама // Ислам в современном мире. № 2. 2017.

[104] Al-Rikabi H. Reforming the Electoral System in Iraq. Baghdad: Al-Bayan Center for Planning and Studies, 2017.

[105] Атуф З. Партийная практика в Ираке после 2003 года... реальность и вызовы. (на араб. التجربة الحزبية في العراق بعد 2003 الواقع والتحديات..). Идрак Центр исследований и консультаций, 2018.

[106] Беренкова Н.А. Особенности шиитских транснациональных движений в арабских странах Ближнего Востока // Религия и общество на Востоке. ИВ РАН Вып. 2. 2018. С. 113-135.
Ее же. Феномен шиитского активизма в Ливане и его влияние на международные отношения Ближнего Востока (1967-2013 гг.): диссертация на соискание степени канд. ист. наук: 07.00.15. Н. Новгород, 2015.

[107] Филин Н.А., Пилоян М.Г. Аятолла Али Систани: новые возможности старой школы шиитского религиозного наставничества // Общенациональный научно-политический журнал «Власть». 2015, № 2. С. 133-137.

[108] Люсин С.Г. Роль шиитского движения в общественно-политической жизни современного Ирака // Арабский мир в конце XX века. Материалы I-ой конференции арабистов Института востоковедения РАН. М., 1996.

[109] Ajami F. The Vanished Imam: Musa al Sadr and the Shia of Lebanon. Itacha and London: Cornell University Press, 1986.

Дая[110], М. Кочран[111], В. Насра[112], Н. Рафаэли [113], А. Саули[114], С. Шмитд[115], Р. Шанахан[116], А. Кордесмана[117].

6.3. **Племенная специфика.** Анализ племенной структуры арабского общества, роли влиятельнейших семей племен в политическом процессе и их места в правящей элите приведен в исследованиях А.Р. Аганина[118], О. Дауда[119], А. Барам[120], Дж. Хана[121], И.Х. Саади[122]. Стоит выделить «Исследование о сущности иракского общества»[123] выдающегося иракского социолога А. аль-Варди и «Энциклопедию племен Ирака» А. Аль-Азауи аль-Махами[124], масштабный труд, который был использован в данной диссертации для анализа положения тех или иных семейств в племенных структурах Ирака.

6.4. **Отношения между элитой и обществом.** Вопросы маргинализации, дискриминации и радикализации раскрываются в работах В.А.

---

[110] Dai Ya. Transformation of the Islamic Da'wa Party in Iraq: From the Revolutionary Period to the Diaspora Era // Asian and African Area Studies, 7 (2), 2008.

[111] Cochrane M. The Fragmentation Of The Sadrist Movement. Washington: Institute For The Study of War, 2009.

[112] Nasr V. The Shia Revival: How Conflicts Within Islam Will Shape the Future. New York: Norton, 2006.
Его же. Review of Joyce N. Wiley, The Islamic Movement of Iraqi Shiʿas (Boulder, Colo.: Lynne Rienner, 1992) // International Journal of Middle East Studies, Vol. 25, № 4. 1993. Pp.718-719.

[113] Raphaeli N. Understanding Muqtada al-Sadr // Middle East Quarterly. 2004. Vol.11. № 4. P. 33-42.

[114] Saouli A. Sectarianism and political order in Iraq and Lebanon // Studies in Ethnicity and Nationalism Journal, Vol. 19, № 1, 2019. Pp. 67-87.

[115] Schmidt S. Shia-Islamist political actors in Iraq. Who are they and what do they want? Copenhagen: Danish Institute for International Studies, 2008.

[116] Shanahan R. From Tyre to Tehran: Transnational Links amongst Lebanese Shi'a Clerical Families // Journal of Shi'a Islamic Studies, 6 (3), 2013.

[117] Cordesman A. H. Sadr and the Mahdi army: Evolution, Capabilities, and a New Direction. Washington: 2008.
Его же. Withdrawal From Iraq: Assessing the Readiness of Iraqi Security Forces. Washington, D.C.: The Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2009.

[118] Аганин А.Р. Племена и кланы Иорданского Хашимитского Королевства. М.: Институт Ближнего Востока. 2013. 2-е изд., испр. и доп.; Его же. Племена Сирийской пустыни и долины Евфрата. М.: Институт Ближнего Востока, 2018. И др.

[119] Дауд О. Иракские племена: от Саддама Хусейна до Дэвида Петрэуса // Социальная антропология во Франции. XXI век / Под ред. Елены Филипповой и Бориса Петрика. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2009.

[120] Baram A. Neo-Tribalism in Iraq: Saddam Hussein's Tribal Policies 1991–96 // International Journal of Middle East Studies. Vol. 29, № 1,1997. Pp. 1-31.

[121] Khan J. The Iraqi Tribal Structure. Background and Influence on Counter-Terrorism // Perspectives on Terrorism. Vol 1, № 1. 2007.

[122] Саади, И.Х. Правящая политическая элита в Ираке 1958-2014 гг. «Исследование тенденций и целей» (на араб. النخبة السياسية الحاكمة في العراق1958-2014 "دراسة في التوجهات والاهداف") // Университет Нахрейн. 2015. [Электронный ресурс]: http://www.nahrainuniv.edu.iq/ar/node/4495. (дата обращения: 20.04.2018).

[123] Аль-Варди А. Исследование о сущности иракского общества (на араб. ورقة في طبيعة المجتمع العراقي). Аль-Ахрам, 1965. С. 15.

[124] Аль-Азауи аль-Махами А. Энциклопедия племен Ирака (на араб. موسوعة عشائر العراق). Бейрут: ад-Дар аль-Арабийя лиль-Маусуат, 2005. Изд. 1, ч. 2.

Кузнецова[125], Т.А. Махмутова[126], Г.В. Лукьянова[127], Е.А. Степановой[128], А.В. Федорченко и А.В. Крылова[129], Х. Абу Ханийи и М. Абу Руммана[130], Х. Аль-Хашими[131], Н.Сигара[132].

Данные работы в своей совокупности дают представление о развитии политического процесса в Ираке, однако остаются пробелы в исследовании, касающиеся непосредственно изучения рекрутирования элит, роли отдельных семей в современном иракском обществе, отдельных формальных и неформальных элементов функционирования политической системы.

Научная новизна данного диссертационного исследования определена следующими положениями:

- в условиях отсутствия обобщающих крупных работ на русском языке по истории Ирака постсаддамовского периода раскрыт процесс формирования политической элиты в историческом контексте;
- для выявления особенностей рекрутирования политической элиты Ирака впервые проведен анализ юридической базы, избирательного законодательства постсаддамовского Ирака;
- прослежена динамика партийного строительства, выявлены этапы взаимодействия и расколы как между, так и внутри этноконфессиональных групп;

---

[125] Кузнецов В.А. Истоки и движущие силы вооруженного экстремизма и радикализации на Ближнем Востоке (на региональном уровне и на примере Туниса) // Пути к миру и безопасности. № 1 (52) Спецвыпуск: Проблемы терроризма, насильственного экстремизма и радикализации (российские и американские подходы). 2017.

[126] Махмутов Т.А. Конвенциональные и неконвенциональные формы проявления политических последствий маргинализации в современной России: диссертация на соискание степени канд. полит. наук: 23.00.02. Уфа, 2006.

[127] Лукьянов Г.В. Политическая география «ДАИШ»: экспансия как стратегия выживания [Электронный ресурс] // Группа стратегического видения «Россия - исламский мир». 29.08.2019. Режим доступа: https://russia-islworld.ru/eksperty/politiceskaa-geografia-dais-ekspansia-kak-strategia-vyzivania-stata-grigoria-lukanova/ (Дата обращения: 21.11.2019).

[128] Степанова Е.А. ИГИЛ и транснациональный исламистский терроризм // Пути к миру и безопасности. №2. 2014.

[129] Федорченко А.В., Крылов А.В. Феномен «исламского государства» // Вестник МГИМО-Университета. № 2 (41). 2015. С. 174-183.

[130] Абу Хания Х., Абу Румман М. Организация «Исламское государство»: суннитский кризис и борьба за глобальный джихад (на араб. تنظيم الدولة الإسلامية: الأزمة السنية والصراع على الجهادية العالمية). Амман: My'accaca Фридрих Ейберт, 2015.

[131] Аль-Хашими Х. Организация ДАИШ в 2018 г. Иракский кейс. (на араб. تنظيم داعش عام 2018 - العراق أنموذجا). Центр международных и стратегических исследований по выработке политики, 2018. Стамбул.

[132] Cigar N. L. Al-Qaida, the tribes, and the government: lessons and prospects for Iraq's unstable. Quantico, VA: Marine Corps University Press, 2011.

- автором определены ключевые семьи во властных элитах, и показана их устойчивость в политической системе Ирака, несмотря на трансформацию ассоциированных с ними политических партий и движений в периоды кризисов;
- выявлены связи постсаддамовских элит Ирака, ключевых семей во властных группах с их предками (элитой монархического периода, традиционной религиозной элитой). Прослежены их связи с региональными и внешними силами;
- определен неформальный элемент – принцип «мухасаса» – взаимодействия властных групп в рамках постсаддамовской политической системы. Проанализирован религиозный институт «марджаийя» и его влияние на правящие элиты и постсаддамовскую политическую систему.

Теоретическая и методологическая основа исследования

Автор диссертации исходит из того, что «формирование элиты» несет в себе содержание исторического процесса. В этом плане исследование выполнено в первую очередь в лоне исторической науки. Данное исследование опирается на **принцип историзма**. Учет конкретно-исторических условий, при которых происходило изменение и развитие процесса, приобретает особое значение ввиду отсутствия литературы на русском языке, посвященной общим историческим фактам и событиям в Ираке постсаддамовского периода. Сами факты и события важны в своей связи с другими объектами исторического процесса, а при его анализе необходима детерминированность в отношениях между прошлым и настоящим с сохранением роли исторического контекста[133].

Как замечает российский исследователь О.В. Гаман-Голутвина «разработка историко-политических аспектов процессов элитообразования в целом стала важным этапом развития элитологии»[134]. В этом контексте нам интересно именно то, что междисциплинарность допускает использование в историческом

[133] Арзамаскин Ю.Н. Принципы историзма в научном исследовании // Журнал армия и общество. 2011. № 3 (27). С. 7-11.
[134] Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. 2016, №2.

исследовании методов политической науки, социологии и элитологии (о значении и путях сближения истории и элитологии – литература по элитологии представлена выше (в обзоре источников и литературы) – можно также найти в работах Карабущенко П.Л.[135]). В данной работе предпринята попытка рассмотрения элит как функциональных групп. При этом выбор в пользу функционального типа анализа иракской элиты представляется полезным благодаря «возможности анализа, включая сравнительный, властных групп разного типа и функционирующих в обществах разного уровня развития и различных культур»[136].

В диссертации рассмотрены формальные, институциональные основы рекрутирования элиты и проанализировано избирательное законодательство, как и итоги электоральных процессов. Однако во многом такой технический подход к анализу рекрутирования элиты имел некоторые содержательные упущения. Для выявления особенностей этого процесса в иракских условиях в диссертации была предпринята попытка вскрыть неформальные элементы взаимодействия правящих элит[137]. Важным преимуществом данного подхода является комплексность характера динамики процесса, образующегося продвигающими собственные альтернативы решений политическими акторами. Даже при поверхностном анализе процессов в Ираке становится очевидным серьезное влияние связки официальных и неофициальных акторов (групп интересов) на реализацию решения, принятого на государственном уровне. Данное исследование представляет тенденции исторического процесса, на основе чего возможно формулирование рекомендаций практического характера.

Методы исследования:

1. Историко-описательный метод (нарративный)

Нарративный метод позволяет провести сбор фактов, уставить цепь событий

[135] Карабущенко П.Л. Введение в элитологию истории // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2006. № 5(34). С. 34.
[136] Дука А.В. О подходах к анализу властных элит // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. СПб., 2012. №3.
[137] Смирнов В.А. Политические элиты в малых странах: вопросы теории. М.: РОССПЭН, 2017.

и выявить причинно-следственные связи, что важно для анализа исторических условий процесса формирования политической элиты Ирака.

2. Историко-сравнительный метод

Историко-сравнительный метод базируется на нахождении сходств и отличий, проведении аналогий. Метод позволяет на базе собранных источников и фактов проследить тенденции и явления в политической жизни Ирака постсаддамовского периода. Для данного исследования ключевым является сопоставление исторических условий при формировании политической элиты Ирака в 2003 г. и впоследствии ее развития;

3. Историко-системный метод

Изучение истории политической элиты и эволюции государственной власти затрагивает проблемы политического процесса в целом. Властные отношения и политические решения воплощаются в политических институтах, что основывается на теории государства, эволюции институтов и т.д. Таким образом, объект исследования являет собой целостную, сложную и динамическую систему, взаимодействующую с внешней средой и испытывающую ее воздействие. В этом контексте представляется целесообразным обратиться к используемым при анализе политических процессов методологическим подходам, среди которых стоит выделить системный подход. Он применительно к данному историческому исследованию носит специально-научный характер.

4. Специализированные методы

В диссертации проведен **сравнительный анализ документов** (избирательного законодательства, официальных заявлений канцелярий духовных лидеров). Учитывая особый интерес к Ираку после 2003 г. в экспертно-аналитической среде, представлялось важным применение метода **опроса экспертов** как в России, так и за рубежом (отдельные моменты интервью с ними включены в работу). Кроме того, ввиду ограниченного числа работ, посвященных непосредственно политической элите Ирака, положительную роль в исследовании сыграло использование имеющихся в СМИ интервью с заметными политическими

деятелями Ирака (в развитие исследовательской тематики в будущем видится полезным интервьюирование политических лидеров Ирака в рамках полевых исследований).

Отличительной чертой Ирака постсаддамовского периода можно назвать вариативность иракских медиа – как государственных, связанных с самыми разными, зачастую оппозиционными друг другу политическими силами, так и частных. При этом телевидение продолжает оставаться ключевым источником информации в этой стране. Тем не менее информатизация общественной жизни позволяет провести сравнительный анализ материалов различных политических сил без опоры на телевизионный формат. Качество репрезентации не страдает ввиду того, что основные политические силы Ирака активно пользуются и представляют свои позиции на связанных с ними интернет-ресурсах.

Теоретическая и практическая значимость работы.

Диссертация посвящена теоретико-практической проблеме (политическая элита, конфессиональные отношения Ирака, выявление структуры взаимоотношений). В этой связи данное исследование представляет как теоретическую, так и практическую ценность. Теоретическая значимость складывается из того вклада, которое данное историческое исследование вносит в изучение элит восточных стран, принципов взаимодействия групп внутри правящей элиты, а также построения государственности в рамках сложных и многосоставных обществ. Анализ формальных и неформальных элементов рекрутирования в иракскую элиту позволяет проследить общую направленность развития политической системы. Кроме того, иракский пример может быть полезен для изучения других ближневосточных государств, сталкивающихся с подобными проблемами государственности и отношениями как между властными группами, так между властью и населением. Практическая ценность данного исследования заключается в том, что ввиду отсутствия специализированной литературы по новейшей истории Ирака на русском языке, работа впервые представляет и раскрывает основные этапы исторического процесса и формирования

политической элиты этой страны в постсаддамовский период. В работе прослеживается эволюция взаимоотношений социальных групп Ирака при широком использовании иностранной литературы на английском и арабском языках. Раскрытие системы взаимоотношений внутриполитических акторов в Ираке и их связи с региональными и внерегиональными силами, наряду с определенными выводами данной работы будут полезны для формулирования практических рекомендаций для МИД РФ, Совета безопасности РФ, Министерства экономического развития РФ по продвижению интересов России в Ираке и регионе. Результаты исследования могут также быть использованы в учебном процессе в рамках курсов «История арабских стран» и др., стать основой для углубленного научного изучения политического процесса современного Ирака.

Стоит отметить, что автор диссертации исходит из логики необходимости помещения вопроса формирования политической элиты Ирака в исторический контекст развития иракской государственности. В соответствии с этим диссертация выстроена в логике рассмотрения формирования и трансформации иракской элиты через изучение исторических принципов взаимодействия элит, государственного строительства, избирательного процесса, партийного представительства и неформальных элементов политической системы.

Структура диссертации соответствует цели и задачам исследования и представлена введением, пятью главами, заключением, приложением, списком использованных источников и литературы. Каждая глава подразделена на тематические параграфы.

В первой главе работы рассматривается исторический аспект формирования иракской элиты с периода последних десятилетий Османского Ирака и образования иракского государства под британским мандатом до свержения президента Ирака С. Хусейна в 2003 г. Показаны механизмы взаимодействия племенных, этнических и конфессиональных групп в Ираке. Отдельное внимание уделяется подходам правящих элит монархического и республиканского периодов к управлению

государством, взаимоотношениям баасистов и руководящих в партии тикритских кланов с другими политическими силами и населением страны.

Вторая глава посвящена государственному строительству постсаддамовского Ирака после американской оккупации с 2003 г. по 2005 г. Решается задача изучения процесса формирования новой элиты Ирака в период деятельности Временной коалиционной администрации и Временного правительства Ирака. Выявлено влияние процесса дебаасификации на политический процесс. Отдельное внимание уделено двум ключевым событиям – принятию конституции и выборам 2005 г., — задавшим направление дальнейшему строительству иракской государственности.

В рамках **третьей главы** приведен анализ избирательного процесса и формирования государственных структур Ирака в 2005-2020 гг. Автор уделет внимание эволюции избирательного законодательства с 2005 по 2020 гг. Данная глава раскрывает вопросы формальных механизмов рекрутирования в политическую элиту. Показана динамика электорального процесса и борьба политических сил за ключевой пост новой государственной архитектуры – премьер-министра, который, однако, зависим от формальных и неформальных групп влияния. Отдельно раскрывается процесс маргинализации и радикализации разделенной суннитской общины, влиявший на формирование иракской государственности.

Четвертая глава посвящена динамике партийного строительства, истории политических партий и движений и этноконфессиональной мобилизации. В этой главе определяется соотношение интеграции представителей политических сил курдов, арабов-суннитов и арабов-шиитов в политическое пространство Ирака. Дана оценка формированию и дезинтеграции крупных этноконфессиональных блоков в период до и после избирательных циклов. Показаны внутренние расколы по линии этноконфессиональных групп шиитов, суннитов и курдов (в последнем случае особое внимание уделено референдуму в Иракском Курдистане 2017 г.).

Пятая глава раскрывает неформальные элементы формирования политической элиты Ирака в рамках постсаддамовской политической системы. Отдельное внимание уделено принципу «мухасаса таифийя». Определена роль внешних сил, влияющих на взаимодействие правящих элит Ирака. Представлена история и роль ключевых семей правящих элит Ирака и прослежены их внутренние отношения и отношения с внешними силами. Показана роль религиозных институтов в политическом процессе и их влияние на политические элиты.

В заключении представлены общие выводы в соответствии с поставленными задачами. Работа снабжена приложениями, которые иллюстрируют итоги выборов в парламент Ирака с 2005 по 2018 гг; приведены биографии премьер-министров и интервью автора с экспертами по истории и конституционному развитию Ирака.

Положения, выносимые на защиту по итогам данного исследования:

1. политическая элита Ирака (2003-2020 гг.) или ее б*о*льшая часть проистекает из недопускавшейся к участию в политическом процессе оппозиции (контрэлиты) режиму С. Хусейна. Эта контрэлита была разделена на внутреннюю и внешнюю. Внешняя, в свою очередь, дробилась на кланы, ориентированные на страны их проживания до 2003 г. (Иран, Великобритания, США и др.). В условиях оккупации и начавшегося процесса дебаасификации к власти пришли бывшие в оппозиции Саддаму Хусейну лица, в т.ч. проживавшие до этого за рубежом, став в основе формирования нового принципа рекрутирования иракской элиты;
2. развитие избирательного законодательства при сохранении межконфессионального недоверия, элементов дебаасификации и политики дискриминации со стороны правительства не помогали решить вопрос интеграции суннитской части элиты в правовом поле. Изменение избирательного законодательства обозначило тренд на большую репрезентативность и прозрачность, как следствие, к 2020 г. наметилось ограничение влияния части «внешней» постсаддамовской элиты. Тем не

менее реально ощутимых изменений в элите так и не произошло, несмотря на эволюцию законодательства и общественный запрос;

3. динамика партийного строительства показала, что политическая элита не способна создавать жизнеспособные политические объединения и нацелена на собственное обогащение. Стремление к оформлению крупных этноконфессиональных блоков в правовом поле — шиитского, курдского и суннитского — сменялось периодом полураспада этих коалиций после выборов и распределения основных государственных постов;
4. большую роль в формировании новой элиты по-прежнему продолжают играть неформальные инструменты, которые были взяты за основу для взаимодействия между собой разрозненными оппонентами режима С. Хусейна еще в 1990-е гг. Ключевым элементом постсаддамовской политической системы стал принцип «мухасаса таифийя» или принцип этноконфессиональных квот, при котором политические посты и ресурсы распределяются в соответствии с долей этноконфессиональной группы в общем составе населения. Считается, что этноконфессиональная дезинтеграция была заложена в систему введением этого принципа;
5. этноконфессиональные группы дробились на политические партии (позднее процесс оформился в партийную мухасасу – мухасаса хизбийя), которые направлялись кланами – конгломератом семей, составивших новую правящую элиту – внутри каждого из этноконфессиональных блоков. Религиозный институт «марджаийя» оказывает влияние на всю постсаддамовскую политическую систему и правящие элиты, стабилизирует ее, особенно в периоды кризисов.

Апробация. Отдельные результаты диссертационного исследования были апробированы:

а) в публикациях автора в научных рецензируемых журналах, индексируемых в международных базах (Web of Science), а также журналах из перечня ВАК, общим объемом 3,9 п.л.:

1. Мамедов Р.Ш. Особенности политического развития Ирака в 2003—2020 годах: формирование новой элиты / Р.Ш. Мамедов, М.А. Сапронова // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 357—370. (0,8 п.л.)
2. Мамедов Р.Ш., Морозов В.А. Влияние санкций ООН и США на политическую элиту Ирака // Вестник МГИМО Университета. — 2020. — Т. 13. — № 1. — С. 129-146. (0,8 п.л.)
3. Мамедов Р.Ш. Ирак. Формирование государственных институтов. Долгий путь к национальному примирению (2005-2018) // Азия и Африка сегодня. — 2018. — № 11. — С. 62-67. (0,7 п.л.)
4. Мамедов Р.Ш. Формирование политической элиты современного Ирака: американский и иранский факторы // Международная жизнь. — 2019. — № 11. — С. 58-65. (0,8 п.л.)
5. Мамедов Р.Ш. Внешняя помощь Ираку: обещания доноров и компромисс политических элит // Азия и Африка сегодня. — 2020. — № 3. — С. 59-64. (0,8 п.л.)

б) в других публикациях автора по рассматриваемой проблематике:

1. Мамедов Р.Ш. Дебаасификация иракского общества и изменение политического статуса суннитов (2003-2004 гг.) // Сборник статей по материалам студенческих научно-практических конференций по востоковедению (Меликсетовские чтения). М.: ОЧУ ВО «ММА», 2017. С. 59-68;
2. Мамедов Р.Ш. Негосударственные и иррегулярные вооруженные формирования в сирийско-иракской конфликтной зоне // Мировое развитие. Выпуск 18. Большой Ближний Восток в мировой экономике и политике. Отв. ред.: Ю.Д. Квашнин, Н.В. Тоганова. М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 27-33;
3. Мамедов Р.Ш. После «Халифата»: перспективы российско-иракских отношений: рабочая тетрадь №46/2018; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2018;

4. Катона В., Мамедов Р.Ш. Системные интересы России в Арабском Машрике: нефть и газ Ирака и Сирии: рабочая тетрадь 48/2019; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2019;
5. Мамедов Р.Ш. Иракские силы безопасности: сложный путь к институциональному восстановлению // В кн.: Армии и безопасность на Ближнем Востоке и в Северной Африке / Сост.: Р. Ш. Мамедов, Т. А. Махмутов, О. А. Пылова. М.: НП РСМД, 2019. С. 64-70;

в) в ходе выступлений и дискуссий в рамках международных научных конференций:

1. Международная научная конференция «Большой Ближний Восток в мировой политике и экономике», организованная ИМЭМО РАН. Москва, Россия, 21 апреля 2017 г. Доклад: «Негосударственные и иррегулярные вооруженные формирования в сирийско-иракской конфликтной зоне»;
2. Международная конференция «Ирак и его соседи: вызовы и возможности для новой региональной стабильности» под патронажем его преосвященства аятоллы Аль-Факиха Сейида Хуссейна ас-Садра и премьер-министра Ирака Аделя Абдель Махди. Мероприятие было организовано Багдадским международным центром исследований и миростроительства в сотрудничестве с фондом «Кандид» и EGDR. Багдад, Ирак. 19–20 января 2019 г. Секция 4. Доклад: «Iraq after Daesh: Role of Global Actors»;
3. III Съезд молодых востоковедов России и стран СНГ, организованный администрацией главы Республики Башкортостан, Институтом востоковедения РАН, Башкирским государственным университетом, Уфимским федеральным исследовательским центром РАН. Уфа, Россия, 25-27 сентября 2019 г. Доклад: «Влияние внешней помощи на поведение политических элит в Ираке в постигиловский период»;

4. XII Конвент Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) «Мир регионов vs. регионы мира». Москва, Россия, 21-22 октября 2019 г. Доклад: «Ирак после победы над “Исламским государством”: взаимовлияние внутриполитической обстановки и внешней помощи»;
5. XIV Конференция арабистов, организованная Институтом востоковедения РАН и Восточным факультетом ГАУГН. Москва, Россия, 27 ноября 2019 г. Доклад: «Протесты октября-ноября 2019 г. и рост националистических настроений в современном Ираке».

в) в многочисленных комментариях, которые автор предоставлял различным аналитическим порталам и СМИ, среди них Российский совет по международным делам (РСМД), Al-Monitor (США), журнал «Нефть и капитал», газета «Коммерсантъ», News.ru, Радио.Спутник, РБК, Международный дискуссионный клуб «Валдай», МИА «Россия сегодня» и др.

ГЛАВА 1. Механизмы взаимодействия племенных, этнических и конфессиональных групп в Ираке: исторический аспект

1.1. Управление вилайетами в составе Османской империи. Роль традиционных институтов (суфийских тарикатов) в государственных структурах

Ирак – одна из наиболее пестрых в социальном и этноконфессиональном плане стран, процесс формирования которой проходил при глубокой разделенности общин, геополитическом противостоянии внешних сил и их перманентном вмешательстве в дела государственных образований на его территории. Это внешнее вмешательство исторически влияло на формирование иракского общества, особенно наслаиваясь на традиционную для него внутреннюю дихотомию городской и бедуинской культур с определенными и различными наборами ценностей[138].

Принято считать, что страна делится на три основные социальные группы: арабов-шиитов, проживавших преимущественно на юге, арабов-суннитов – в западных и северных районах, и курдов-суннитов – на северо-востоке. При этом меньшинства – такие как христианская и иудейская общины – также традиционно имели особое влияние на протекавшие социально-политические процессы. В Ираке исторически проживали арабы, курды, туркманы, персы, ассирийцы, армяне, халдеи, евреи, йезиды, сабеи и др.[139] Поиск компромиссов между этими этническими группами осложнялся не только религиозной разделенностью, но и состоянием структуры их общин. До сих пор для Ирака принципиальное значение имеет положение племенных образований, представленных по всей территории Ирака, а для политического процесса этот фактор по-особому важен на северо-западе страны (но также и в южной и центральной части). Племенное население страны традиционно подразделялось на кочевников, полуоседлых и оседлых.

---

[138] Аль-Варди А. Исследование о сущности иракского общества (на араб. ورقة في طبيعة المجتمع العراقي). Аль-Ахрам, 1965. С. 15.

[139] Степанова Н.В. История Ирака. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. С. 20.

Собственно, для понимания формирования элиты в Ираке представляется целесообразным проанализировать социально-политическое положение этих территорий в период до выделения Ирака в самостоятельную политическую единицу (т.е. в период его пребывания в составе Османской империи). Краткий исторический экскурс необходим и ввиду отношения современной элиты Ирака к традиционным институтам устройства общества, выстраивавшимся веками. Само понятие «Ирак» появляется в VIII в. у арабских географов в основном для обозначения центральной и южной части современного Ирака на территории между реками Тигр и Евфрат[140]. Эти территории в экономическом отношении так и не оправились и не вернули свои возможности времен монгольского завоевания Аббасидского Халифата в середине XIII в.

Османская империя установила свою власть над Багдадом в 1534 г. Во многом в османской Порте Ирак считался необходимой зоной для обеспечения ее безопасности, имея ввиду постоянные войны с Сефевидской империей. Османский Ирак даже оказывался под контролем Сефевидского Ирана с 1623 по 1638 гг., когда окончательно не перешел под власть османов согласно Зухабскому мирному договору 1639 г. С 1534 до 1831 гг. Ирак в разные периоды административно представлял собой четыре эялета (провинции) – Багдад, Шахризор (населенные курдами северо-восточные районы), Мосул, Басра. Тем не менее в основном власть центра была слаба и даже номинальна. Так, курды во многом пользовались автономией, поскольку обеспечивали для османов безопасность на восточных рубежах Империи и противостояли сефевидам (такой опыт автономного управления курдов при османах многое проясняет в аргументации современной курдской политической элиты). Назначавшиеся из Стамбула для урегулирования сепаратизма в отдаленных районах Османской империи мамлюки, по сути, стали со временем не просто автономными, но почти независимыми правителями в

[140] Tripp Ch. A History of Iraq. Cambridge: Cambridge University Press. 2000. P. 8.

Ираке. Этот период в истории назван мамлюкским правлением в Ираке (1704-1831 гг.)[141].

В течение XVII – начала XVIII вв. эйялеты управлялись достаточно автономно, что позволило стабилизировать обстановку и восстановить экономические возможности. Мамлюки почти самостоятельно противостояли Сефевидской империи, подавляли восстания, установили контроль над племенами. Однако были и периоды открытого неповиновения Порте[142]. С 1831 г. Стамбул смог вернуть себе прямой контроль над провинциями и реорганизовал административное управление, ликвидировав эялеты и создав три вилаята – Багдад, Мосул и Басру. Причем если решение Порты по Мосулу было понятно ввиду ряда факторов, то Басра хотя и получала больше прав, но все же не могла преодолеть зависимость от Багдада. Российский дипломат и исследователь начала XX в. Александр Адамов в своем известном историко-этнографическом труде по Ираку отмечал: «впервые Бассорский вилаят был выделен из Багдадского пашалыка в 1875 г. и передан в управление Насыру Паше, знаменитому Мунтефикскому шейху из рода Саадун за участие в покорении Эль-Хассы»[143]. Затем вилайят снова подпал под влияние Багдада. Для самой Османской империи было критически важным иметь отдельные корпуса своей армии на этих территориях, что позволяло Порте выступать в качестве основного гаранта безопасности трёх периферийных вилайятов, граничивших с региональным конкурентом – Сефевидской империей, и контролировать их.

Уже в самой Османской империи были заложены черты структурного кризиса управления Ираком, поскольку административные единицы зачастую могли обретать широкую автономию. К XIX в. Османская империя стремилась преодолеть структурный кризис за счет преобразований и реформ. Этот процесс

---

[141] Родригес А.М. Новая история стран Азии и Африки. XVI-XIX вв. Часть 3. Учебник для студ. высш. учеб. заведений / [А. М. Родригес и др.]; под ред. А. М. Родригеса: в 3 ч. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2010. Ч.3. С. 48.

[142] Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 5.

[143] Адамов А. Ирак Арабский. Бассорский Вилайет в его прошлом и настоящем. С.-Петербургъ: Типография главного управления Уделов, 1912. С.2.

был назван «Танзимат» (упорядочение), и он проходил в различных провинциях в разное время в период 1839-1876 гг.[144] Ключевыми участниками проведения реформ в Ираке считаются назначенный наместником султана в Багдаде, Мосуле и Басре Мехмет Намик-паша (1851-1852 гг. и 1861-1867 гг.) и входивший в османскую бюрократическую элиту губернатор Багдада Мидхат-паша (1869-1872 гг.)[145]. Итоги танзимата были довольно противоречивыми, однако стоит отметить, как они отразились на вилайятах Багдад, Мосул и Басра.

Сами вилайяты в своем социально-экономическом измерении во многом были связаны с разными экономическими центрами. Так, Мосул в основном имел контакты с центральной Анатолией и Сирией, Багдад в экономическом отношении взаимодействовал с Ираном, а Басра – со странами Залива и Индией. Во второй половине XIX в. советники султана уделяли особое внимание инфраструктурным проектам в Ираке, считая, что регион очень богат в аграрном отношении, а железная дорога позволила бы увеличить объем торговли и усилить безопасность. От чиновников в Стамбул поступали сообщения с предложением объединить три вилайята в одно образование с усилением роли *вали* (губернатора провинции), что позволило бы последнему реализовать реформы, провести регистрацию населения, создать необходимые карты, извлекать больше налогов в казну. Для получения б***о***льших доходов с провинции необходимо было проводить реформы, в том числе земельную. Кроме того, решение вопроса человеческих ресурсов, которые были бы заняты в сельском хозяйстве, натыкалось на другую проблему – неурегулированность племенного вопроса[146]. Одной из ключевых задач, которую старались решить османские власти, стала задача перевода племен и бедуинов в состав оседлого населения. Предложения осуществить этот процесс путем распределения среди каждой из этих групп наделов (в основном из принадлежащих самому султану земель), казалось, были обречены на провал. Тем не менее эти

[144] Ас-Саляби А.М. Османское государство. Факторы возвышения и причины распада. (на араб. الدولة العثمانية عوامل النهوض وأسباب السقوط). Порт-Саид, 2000. С. 708.
[145] Goodwin, K. The Tanzimat and the Problem of Political Authority in the Ottoman Empire: 1839-1876. Rhode Island: Honors Projects Overview, 2006. C. 39.
[146] Çetinsaya G., 2011. The Ottoman Administration of Iraq, 1890-1908. Soas/Routledge Studies on the Middle East. P. 72.

полумеры достигли одного важного результата в вопросе социального устройства племен – происходил слом их традиционной иерархии. Передавая земли в собственность шейхам племен, власти, по сути, создавали класс землевладельцев, где шейх становился не первым среди равных, а возвышался над членами своего племени. Последние оказывались в подчиненном положении крестьян, работавших на земле помещика. С этого момента шейхи становились ближе к власти, поскольку подобными правами их одарила именно власть. Британцы впоследствии развили этот процесс и использовали верхушки племен в своих интересах для подавления идущих «снизу» (и от духовенства, и в результате раскола элит) восстаний[147].

Одна из задач заключалась в ограничении влияния религиозного образования, в то время как предполагалось развитие государственного. С перспективой на десятилетие это позволило бы османам сформировать лояльные им провинциальные элиты. Благодаря продвижению государственного образования, у нижнего и среднего классов иракского общества появилась возможность включения в османскую систему подготовки кадров. Реформа в сфере образования в той или иной степени привела к определенного рода результатам, когда иракцы получили возможность обучаться в Стамбуле. Студенты из бедных семей или среднего класса, как правило, поступали в Военную Академию Стамбула, в то время как выходцы из более высоких кланов поступили в Школу Юриспруденции и Гражданской администрации. Так, выпускники Военной Академии Стамбула конца XIX вв. сыграли важную роль в формировании политической элиты Ирака в подмандатный период и позднее. Среди тех, кто занимал высокие посты в Османской империи и затем в Ираке – министр войны и великий визирь Махмуд Шевкет Паша (1856-1913 гг.), глава генерального штаба после 1908 г. Хади Паша Фаруки, неоднократный премьер-министр и министр обороны Ирака Джафар аль-Аскари (1885-1936 гг.) и 14-кратный премьер-министр Ирака с 1930 по 1958 гг. Нури Саид (1888-1958 гг.)[148]. Большинство

[147] Котлов Л.Н. Национально-освободительное восстание 1920 г. в Ираке. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1958. С. 81.
[148] Çetinsaya G., 2011. The Ottoman Administration of Iraq, 1890-1908. Soas/Routledge Studies on the Middle East. P. 18.

государственных чиновников Ирака в период 1921-1958 гг. были выпускниками обозначенных стамбульских учебных заведений. К ним стоит добавить и Школу племен, созданную для сыновей племенных шейхов в 1892 г. в Стамбуле – еще одна мера на пути к консолидации социально разделенных провинциальных элит.

Сложность композиции иракского общества предполагала необходимость решения вопроса по еще одному традиционному социальному институту для Ирака – суфийскому тарикату[149]. В контексте реформ XIX в. советниками султанов даже предлагалось установить жесткий контроль за суфийскими тарикатами и религиозными деятелями во многом из-за их участия, как считалось этими советниками, в интригах, влиявших на процесс принятия решений. Влияние этих суфийских организаций на население складывалось веками[150], в том числе и во времена нахождения Ирака под управлением властей Османской империи в качестве трех вилайятов – Мосула, Багдада и Басры. Так, если тарикаты Рифаийя и Кадырийя конкурировали за влияние среди арабского населения в османских провинциях Басра и Багдад, то Накшбандийя и Кадырийя присутствовали также и в курдских районах[151]. Стоит упомянуть, что два ключевых курдских клана – Барзанджи из Сулеймании и Талабани из Киркука – принадлежали Кадырийскому тарикату. Многие из поднятых вопросов – в том числе племенной и суфийский факторы – требуют глубокого осмысления и анализа, поскольку позволяют оценить влияние внутрииракских традиционных институтов с их собственной иерархией на представительство в формализованных и официальных институтах управления и формирование элиты.

Шейхи суфийских тарикатов входили в провинциальные элиты, но их влияние могло выходить далеко за рамки административных границ. Нередко они становились почитаемыми гостями в Стамбуле. Еще со времен султана Сулеймана

---

[149] Суфийский тарикат – религиозная и духовная школа в мистическом направлении ислама, которой присуще объединение группы лиц вокруг наставника, развитие духовных практик, следование правилам мистических упражнений и образу жизни.

[150] Мамедов Р.Ш. Суфизм как социально-политический регулятор жизни восточных регионов арабо-мусульманского мира X-XV вв. // Восточные общества: традиции и современность. Материалы II съезда молодых востоковедов стран СНГ. М. - Баку, 2014 С. 604-616.

[151] Çetinsaya G., 2011. The Ottoman Administration of Iraq, 1890-1908. Soas/Routledge Studies on the Middle East. P. 13.

I, который в 1534 г. завоевал Багдад, установилась особая связь между суфийскими шейхами и османским султаном или халифом, что гораздо более важный титул для мусульман. Ключевым союзником для османов в Багдаде была влиятельнейший суннитский суфийский тарикат Кадырийя во главе с кланом аль-Гайлани[152]. Шейхи тариката Кадырийя имели титул «накиб аль-ашраф» (звание, причислявшее его носителей к потомкам пророка Мухаммада, почитаемым в вопросах веры и знатокам генеалогии курайшитов), пользовались широким признанием и авторитетом у населения, чем обеспечивали его верность османским султанам. Так, накиб аль-ашраф, шейх суфийского тариката Кадырийя в Багдаде Абд ар-Рахман аль-Гайлани был до последнего лоялен османскому султану. Однако многое изменила Первая мировая война и фактически отделение Ирака от Османской империи в 1918 г. по ее итогам. Впоследствии Абд ар-Рахман аль-Гайлани занял пост первого премьер-министра Ирака при ставленнике британцев, короле хашимите Фейсале I[153]. Этим аль-Гайлани обеспечил относительную легитимацию со стороны традиционных элит новым институтам государственности и некоторую стабильность в подмандатном британцам Ираке.

В свою очередь в элитных раскладах накиб аль-ашраф Басры был шейхом другой влиятельной на юге страны суфийской тарики Рифаийя. Именно представители Рифаийя в вилайяте обладали фундаментальным политическим и экономико-финансовым влиянием и возможностями. Человеком, занимавшим эту позицию в предшествовавшие первой мировой войне годы, был Сейид Раджаб, близкий османским властям. Тем не менее ключевым игроком в политическом процессе стоит назвать активного сына накиба, служившего на разных постах, в том числе в качестве члена османского парламента – Талиба-пашу (1868-1929). У Талиба-паши были весьма противоречивые отношения с османскими властями. Считается, что до Первой мировой войны он продвигал идеи арабского национализма. Талиб-паша, среди других известных арабских деятелей, поддержал

[152] Nieuwenhuis T. Politics and Society in Early Modern Iraq: Mamluk Pashas, Tribal Shayks, and Local Rule Between 1802 and 1831. The Hague/Boston/London: Springer My Copy UK, 1982. P. 72.
[153] Kadhim A., 2012. Reclaiming Iraq: The 1920 Revolution and the Founding of the Modern State. Austin: University of Texas Press. P. 12.

состоящую из преимущественно арабов националистическую организацию «Аль-Ахд» (основана в 1913 г.) в Ираке[154]. Среди арабов из провинций Ирака в Аль-Ахд в разное время входили молодые офицеры османской армии – будущая иракская элита монархического периода – Ясин аль-Хашими, Нури Саид, Джафар аль-Аскари, Джамиль аль-Мидфаи и др.[155] Тем не менее когда в 1914 г. началась Месопотамская кампания и британские войска прибыли в Басру,., Талиб-паша был сослан в Британскую Индию. Он получил возможность вернуться через пять лет, однако к тому моменту британцы выбили после ожесточенного сопротивления османские войска из Басры, Багдада (март 1917 г.), а затем и Мосула (ноябрь 1918 г.)[156], который по так называемому соглашению Сайкса-Пико должен был стать французской подмандатной территорией (и никогда ей не стал). При этом официальное отчуждение Мосула в 1926 г. в пользу подмандатного Англии Ирака «турки считали и продолжают считать исторической несправедливостью»[157], хотя и не выносят этот вопрос на международную повестку дня.

Реальность последних лет османского Ирака была такова, что города были отделены от племенных районов страны, в то время как внутри них самих они делились на махалла по религиозным, конфессиональным, этническим и племенным принципам[158]. Молодые османские офицеры из части арабского населения иракских провинций постепенно развивали идеи арабского национализма и требовали для себя равных прав. Многие из них служили в армии Хашимитов, поднявшейся при поддержке британцев против власти Османской империи. Ставший королем Сирии ранее руководитель арабского восстания сын шерифа Мекки Хусейна Фейсал I так и не смог отстоять свою власть в Дамаске и был разбит французами. Многие из офицеров, состоявших у Фейсала на службе,

---

[154] Tripp Ch., 2000. A History of Iraq. Cambridge: Cambridge University Press. P. 27.
[155] Fromkin D., 2001. A Peace to End All Peace: The Fall of the Ottoman Empire and the Creation of the Modern Middle East. New York: Holt Paperbacks. P. 176.
[156] Scholvin S. Clashing geopolitical visions: Iraq from the first world war to the 1958 revolution // Revista Română de Geografie Politică. 2011. P. 161.
[157] Дружиловский С.Б. Влияние иракского кризиса на урегулирование курдской проблемы в Турецкой Республике // Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века. М.: Институт Ближнего Востока, 2006. С. 144.
[158] Çetinsaya, G. 2011. The Ottoman Administration of Iraq, 1890-1908. Soas/Routledge Studies on the Middle East. P. 13.

были родом из Ирака. Это во многом определило в будущем поддержку Фейсалу, когда британцы предложили его на трон новообразованной иракской монархии.

1.2. Оформление британцами представительства ключевых элитных групп в подмандатный период.

С одной стороны, отсутствие эффективного управления территориями после завоевания бывших трех провинций Османской империи британцами, а с другой стороны, попытка прямого британского управления (что не удалось и османам) и тяжелое социально-экономическое положение в них при усиленной налоговой нагрузке, привело к череде восстаний 1919-1920 гг. Не помог британцам и их опыт в Индии. Напомним, что многие служившие в Индии британские офицеры были переведены в Ирак для администрирования Месопотамии. Позиция британского комиссара Арнольда Вильсона заключалась в силовом управлении этими территориями в случае необходимости[159]. Помимо состоявшей из в основном арабо-суннитских офицеров националистической «Аль-ахд аль-иракий» («Иракский завет»), на первый план стало выходить более религиозное с доминированием шиитского элемента антиимпериалистическое движение «Харас аль-истикляль» («Страж независимости»). После обнародования решения конференции Сан-Ремо 1920 г. о передаче Британской империи мандата на управление Басрийским, Багдадским и Мосульским вилаятами начались массовые движения[160]. В 1920 г. шиитский религиозный лидер аятолла Сейид аш-Ширази издал фетву с осуждением британского правления[161]. В восстании 1920 г., однако, приняли участие как шииты, так и сунниты. Масштабные восстания в итоге были подавлены британцами при коллаборации с ними части племенных лидеров и элит. Тем не менее огромные затраты материальных и человеческих ресурсов при подавлении движения 1920 г. подвели Британию к пониманию необходимости

---

[159] Fabal R.R.O. The British Administration of Iraq and Its Influence on the 1920 Revolution. Master Thesis. University of Oslo. 2015. P. 78.

[160] Котлов Л. Н. Национально-освободительная борьба народов Ирака накануне восстания 1920 г. // Очерки по истории арабских стран. М., 1959.

[161] Scholvin S. Clashing geopolitical visions: Iraq from the first world war to the 1958 revolution // Revista Română de Geografie Politică. 2011. P. 161.

непрямого управления Ираком. Это решение было принято на конференции британских Верховных комиссаров на Ближнем Востоке в марте 1921 г. Верховным комиссаром в Ирак был направлен Перси Кокс, чья команда сумела добиться формирования первого исполнительного органа Ирака – государственного совета. Государственный совет состоял из председателя – накиба Абд ар-Рахмана аль-Гайлани и министров: внутренних дел – Сеийда Талиба-паши, финансов – Сассуна Эфенди Хескеля, юстиции – Хасана Эфенди Пачахджи, обороны – Джафара Паши аль-Аскари, вакфов – Мустафы Эфенди Алуси, общественных работ – Мухаммада Эфенди Фадиля, коммерции – Абделя Латифа Паши Мандиля. Кроме того, в этот период «шейхов стали выбирать в парламент, привлекали к государственным должностям, они участвовали в муниципальном управлении»[162].

Таким образом британцы оформили представительство ключевых элитных групп, чем обеспечили себе их лояльность. Ирак получил независимость в 1932 г., но продолжал быть связанным с Британией договором 1930 г. Согласно этому договору, Британия получала возможность размещать свои войска и использовать иракскую территорию в качестве транзита, а также обеспечила контроль за нефтяной промышленностью Ирака[163]. Г.И. Мирский отмечал, что в этот период «элитой общества был класс крупных землевладельцев. Ключевые политические посты монополизировала багдадская суннитская феодально-бюрократическая верхушка (связанная с британцами – прим. автора). Основная масса населения Центрального и Южного Ирака принадлежала к шиитам, и богатые шейхи крупных шиитских племен, добиваясь политического равенства с суннитами, часто выступали против правительства»[164]. Но согласно Г.И. Мирскому, даже не это было основным внутренним противоречием в стране: «…младшие офицеры, будучи, как и в других арабских странах, в основном выходцами из мелкобуржуазной среды,

[162] Афанасьев А.В. Шейхи шиитских племен и британские мандатные власти в Ираке. Проблема взаимоотношений (1918-1932 гг.) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия "Гуманитарные и социальные науки". 2013. №51. С. 191.
[163] Treaty of alliance between His Majesty in respect of the United Kingdom and His Majesty the King of Iraq Baghdad, 30 June 1930. Приводится в приложении # 4 по Tarbush, M.A. The Role of the Military in Politics: A Case Study of Iraq to 1941. Boston: Kegan Paul International. 1982.
[164] Мирский Г. И. Армия и политика в странах Азии и Африки. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1970. С. 140.

разделяли, как правило, оппозиционные взгляды интеллигенции в отношении феодально-бюрократического режима…Поскольку он (режим – прим. автора) опирался на Англию, ненависть к нему, естественно, приобрела характер антианглийских настроений и побуждала к борьбе против засилья британского империализма. Англичане создали иракскую армию, но тем самым они создали инструмент борьбы против собственного господства в Ираке»[165].

По-настоящему ключевым моментом для истории Ирака стал октябрь 1936 г., когда настроенные антибритански восставшие офицеры иракской армии во главе с генералом курдского происхождения Бакром Сидки захватили власть в стране[166]. Для того, чтобы избежать репрессий, пробритански ориентированные иракские элиты (Ясин Хашими, Нури Саид и др.) бежали из Ирака. Король Гази I согласился на условия восставших офицеров о формировании нового правительства во главе с Хикметом Сулейманом (кроме прочего, участвовал в оппозиционной и подпольной до того организации «аль-Ахали» (Массы))[167], разделявшим взгляды Б. Сидки. Тем не менее не прошло и года, как Бакр Сидки был убит в Мосуле, что подорвало позиции вынужденного впоследствии уйти в отставку премьер-министра Х. Сулеймана. По сути, армия впервые вмешалась в политический процесс в Ираке, совершив военный переворот (впервые и среди стран Ближнего Востока в Новое время). Тем не менее она не смогла показать себя как политического игрока, способного реализовать социально-экономические программы, чем и воспользовались правящие верхи в лице приближенной к монарху старой пробританской бюрократии. Несмотря на то, что в последующее десятилетие армия вновь оказалась в подчиненном положении, со временем тренд влияния армейских структур на политический процесс вновь усилился.

---

[165] Мирский Г. И. Армия и политика в странах Азии и Африки. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1970. С. 141.

[166] Валиахметова Г. Н. Концессия в Басре и установление монополии ИПК в нефтяном производстве Ирака, 1936-1938 гг. // Уральское востоковедение. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. Вып. 4. С. 203.

[167] Аль-Амин М.А. Организация «Аль-Ахали»: происхождение, идеология и ее роль в иракской политике 1932-1946 гг. (на араб. جماعة الأهالي: منشؤها، عقيدتها، ودورها في السياسة العراقية 1932-1946.). Бейрут: Арабский институт исследований и публикаций. 2001. С. 135.

После убийства Б. Сидки и смещения Х. Сулеймана премьер-министром стал бывший османский офицер времен Первой мировой войны, дезертировавший из армии османов и поддержавший арабское националистическое восстание Джамиль аль-Мидфаи. Тем не менее реальная власть все более переходила в руки «четверых полковников» (араб. العقداء الأربعة), более известных в зарубежной, англоязычной литературе, как «золотая четверка» – группы иракских офицеров, приверженных панарабской идеологии (Салах ад-Дин ас-Сабах, Камиль Забиб, Махмуд Салман и Фахим Саид)[168]. Все члены золотой четверки служили офицерами в османской армии. Они участвовали в арабском восстании и затем воевали на стороне эмира Фейсала в Сирии, перед тем как влились в иракскую армию уже изгнанного из Сирии и ставшего королем Ирака Фейсала.

В 1941 г. «золотая четверка» организовала и поддержала антибританский военный переворот, когда вместо Нури Саида премьер-министром был назначен Рашид Али аль-Гайлани. Двумя годами ранее пробританское правительство Нури Саида разорвало отношения с нацистской Германией. Считается, что во многом переворот проявился ввиду стремления «золотой четверки» получить полную независимость для Ирака от Британии (без ограничений, сохранившихся после 1932 г.), воспользовавшись условиями Второй мировой войны. Исследователи отмечают также связь про-немецких и антибританских настроений иракских офицеров с прибытием в Ирак накануне переворота членов антибританского палестинского арабского восстания[169]. Ключевой прибывшей в Ирак фигурой называли также великого муфтия Иерусалима Хадж Амина аль-Хусейни. Операция британских войск разгромила иракские силы, в результате чего «правительство национальной обороны» Рашида Али аль-Гайлани просуществовало только с 1 апреля до 31 мая 1941 г. В условиях вакуума власти 1-2 июня 1941 г. до прихода британских сил в Багдаде были совершены еврейские погромы – фархуд – которые считаются началом миграции евреев из Ирака. Стоит отметить, что евреи стали

[168] Аль-Муфти Х. Ирак между двумя эпохами: Ясин аль-Хашеми и Бакр Сидки (на араб. العراق بين عهدين: ياسين الهاشمي وبكر صدقي). Рас-аль-Хайма. 1990. С. 160.
[169] Иса М. Палестина и Его Высокопреосвященство Великий Муфтий Хадж Амин аль-Хуссейни. (на араб. فلسطين وسماحة المفتي الأكبر الحاج أمين الحسيني). Амман. 1998. С. 233.

массово покидать Ирак после принятия «Закона о денатурализации» 1950 г. История этого процесса достаточно противоречива. Считается, что там, где их имущество не было конфисковано, их заставляли продавать его по низким ценам. Считается, что этот факт позволил шиитским коммерсантам занять позиции еврейских коммерсантов и активнее вовлекаться в экономические и политические дела страны[170].

Ирак стал республикой в 1958 г. Полковники и будущие лидеры страны Абдель Карим Касем (1914-1963) и Абдель Салям Ареф (1921-1966) осуществили военный переворот и упразднили монархию. Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ) (1968-2003), уже с 1963 г. участвовавшая в политическом управлении страной, свергла военный режим и пришла к власти в Ираке в 1968 г. под панарабскими лозунгами, сохранив секуляристские начала своей идеологии, и установила авторитарный режим правления. Такое развитие событий скорее подпадает под логику ослабления армии и выхода на первый план спецслужб[171] (во главе которой к тому моменту стоял будущий президент С. Хусейн). Впоследствии в ст. 37 иракской конституции было прописано, что революцию в 1968 г. возглавил Совет революционного командования (СРК). СРК стал высшим органом власти в государстве, председатель которого избирался из числа его членов (не более 12 человек) и автоматически становился президентом страны и верховным главнокомандующим вооруженными силами (с июля 1979 г. им был Саддам Хусейн)[172]. Несмотря на запрет других политических сил, ПАСВ в этот период создавала видимость взаимодействия с иными политическими партиями, например, в 1974 г. был основан подконтрольный ей Прогрессивный национальный фронт[173].

---

[170] Roston A. The Man Who Pushed America to War: The Extraordinary Life, Adventures, and Obsessions of Ahmad Chalabi. Nation Books; First Edition, 1st Printing edition. 2008. P.12.

[171] Сурков Н.Ю. Харизматическое лидерство в условиях Ближнего Востока и Северной Африки в XXI веке: региональная специфика и перспективы эволюции феномена // Вестник МГИМО-Университета. 2020; №13 (2). С. 138.

[172] Сапронова М.А. Арабский восток: власть и конституции. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2001. С. 131.

[173] Metz H.C. Iraq: A Country Study. Federal Research Division // Library of the U.S. Congress. 1990. P. 302.

Для периода подмандатного Ирака можем отметить, что неоднородность, сложность и отсутствие универсальной структуры общества не позволяли его консолидировать. Идеи британцев об опоре на традиционные основы общества для «консолидации и консервативной модернизации» при чужеродном для населения монархе со временем встретили сопротивление ввиду того, что «традиционный глубокий внутренний раскол общества был воспроизведен на новом витке истории с еще большей сложностью»[174]. Анализируя построение самого иракского общества и его историю со времен обретения реального суверенитета, иракский исследователь ат-Тамими отмечает важность для иракских лидеров того периода коммунистического примера в 1950-1960-е гг.[175] Иракскими элитами использовались только мобилизационные методы форсированной индустриализации, за счет чего достигалось и создание, и укрепление иракской нации**.** Однако отсутствие опоры на традиционные модели общества приводило к кризисам.

1.3. Политическая элита в баасистский период. Выдвижение тикритцев в период правления Парти арабского социалистического возрождения (ПАСВ)

После 1960-х гг. политическая элита Ирака включала в себя в основном баасистов, и во время первого их прихода во власть уже сформировался ключевой костяк будущей элиты. Согласно мнению В.В. Львова, «среди соперничающих групп выделилась военная группировка, состоящая из лидера заместителя главнокомандующего вооруженными силами и министра обороны Хардана ат-Тикрити, премьера Тахера Яхья, бригадира Рашида Муслиха, министра внутренних дел и военного генерал-губернатора и вице-президента Республики Ахмеда Хасана аль-Бакра. Все они состояли в Военном бюро Баас и происходили из племени аш-Шияша, за исключением аль-Бакра, который был родом из благородного

[174] Львов В.В. Современная политическая элита Ирака:а есть ли будущее? // Политическая элита Ближнего Востока. М., 2000. С. 112.

[175] Ат-Тамими М.З.М. Политическая и капиталистическая элита иракского государства в период 1968-2003 гг. (на араб. ١٩٦٨-٢٠٠٣ النخبة السياسية ورأسمالية الدولة العراقية). Багдад: Университет аль-Мустансирийя, 2013. С. 29.

тиркитского рода аль-Бегат»[176]. Баасист Ахмад Хасан аль-Бакр впоследствии возглавил революцию 17 июля 1968 г., свергнув президента Абдель Рахман Арефа и близкого нассеристским идеям премьер-министра Тахера Яхъя. Немаловажной оказалась ситуация вокруг сторонников А. аль-Бакра по этому военному перевороту А.Р. ан-Найефа и А.Р. Ад-Дауда, которых А. аль-Бакр позднее отстранил, что позволило ему консолидировать власть. Приближенные А. аль-Бакру лица встали во главе партии «Баас» – руководящей до 2003 г., включая выходца из его же клана Саддама Хусейна.

Возвышение офицеров-тикритцев объясняется их переселением и компактным проживанием в Багдаде, а также прохождением подготовки в Королевской Военной Академии еще в монархический период. Их продвижению способствовал проживавший в Мосуле и имевший семейные связи с Тикритом Маулюд Мухлис, влиятельнейший приближенный короля Фейсала I. Ввиду ослабления других групп в армии (военные роялисты ослабели с уходом монархии, выходцы из Мосула с уходом Касема и серией неудач) офицерский корпус испытывал доминирование тикритцев. К 1970 г. партия «Баас» эволюционировала в сторону большего числа суннитов в ее руководстве (80%) при лидирующей роли офицеров из Тикрита. Это объяснялось во многом и тем, что тикритизация офицерского корпуса шла рука об руку с тикритизацией партии[177]. Сама иракская армия теряла то влияние на политический процесс, которое у нее было ранее, уступая место спецслужбам. Выделение из числа тикритцев С. Хусейна обозначило апогей усиления роли спецслужб. В результате предпринятых С. Хусейном усилий Вооруженные силы страны не представляли серьезной угрозы гражданской власти, так как преданные представители спецслужб заполнили государственные органы[178]. В Ираке была создана разветвленная система органов безопасности со сложной структурой, при этом подход заключался в прямом подчинении лишь высшему руководству отдельных командований самостоятельных подразделений

[176] Львов В.В. Современная политическая элита Ирака:а есть ли будущее? // Политическая элита Ближнего Востока. М., 2000. С. 113.
[177] Там же. С. 114.
[178] Армии на современном Востоке / под ред. Д.В.Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 48.

вооруженных сил и военизированных организаций[179]. При этом интересна оценка в различиях между родственниками, президентами-баасистами А. аль-Бакром и С. Хусейном. А.К. Ситдикова отмечает, что «десятилетие президентства А.Х. аль-Бакра было достаточно мирным и созидательным в истории рассматриваемого государства… сравнивая период правления Ахмеда Хасана аль-Бакра и Саддама Хусейна мы можем констатировать осторожный и выверенный характер внешней политики А.Х. аль-Бакра и авантюрные внешнеполитические действия Ирака в период правления С. Хусейна (ирано-иракская война, захват Кувейта и др.)»[180].

Относительно стабильное сосуществование пестрого в социальном отношении общества объяснялось подчеркиванием в риторике их общей арабской и иракской идентичности, а также в целом светским характером государственного режима. Главным вопросом, беспокоившим все без исключения правительства Ирака, был курдский. Процессы в стране конца XX в. вскрыли внутренние противоречия такого сложного государственного образования как Ирак. При этом этноконфессиональные проблемы, бывшие относительно затушеванными до периода санкций международного сообщества – в Ираке он назван «периодом блокады», – усугубились[181].

За вторжением иракских войск в Кувейт 2 августа 1990 г. в январе-феврале 1991 г. последовала военная операция многонациональных сил (МНС) во главе с США (Вторая война в Персидском заливе) по мандату ООН по его освобождению (включавшая в себя две стадии операции: «Щит пустыни», или размещение войск МНС в Саудовской Аравии, и «Буря в пустыне», наземно-воздушная часть операции; выделяют еще и «Меч Пустыни» – непосредственно наземную операцию по вытеснению иракской армии из Кувейта с занятием и части территорий

---

[179] Ахмедов В.М. Армия в политическом процессе на Ближнем и Среднем Востоке // Политические системы и политические культуры Востока. Под ред. профессора А.Д. Воскресенского. 2-е изд. перераб. и доп. М.: АСТ: Восток—Запад, 2007. С. 403.

[180] Ситдикова А.К. Баасистский режим Ахмеда Хасана Аль-Бакра в Ираке (1968 - 1979 гг.): автореферат диссертации ... кандидата исторических наук: 07.00.03: Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, 2015.

[181] Мамедов Р.Ш., Морозов В.А. Влияние санкций ООН и США на политическую элиту Ирака // Вестник МГИМО-университета. 2020. № 13 (1). С. 135.

Ирака)[182]. Решение Саддама Хусейна аннексировать Кувейт вызвало жесткую реакцию мирового сообщества и осуждение со стороны Совета Безопасности ООН. Мировым сообществом были введены экономические санкции.

Потерпевшая неудачу на кувейтском направлении внешняя политика президента Ирака Саддама Хусейна в купе с тем фактом, что страна не успела оправиться от изнурительной и опустошительной ирано-иракской войны (1980-1988 гг.), привела к общему ухудшению социально-экономической составляющей жизни общества, что вылилось в восстания в феврале-апреле 1991 г. в различных частях страны. Стала формироваться политическая оппозиция режиму. Так, в марте 1991 г. сначала светские представители шиитов и курдов встретились в Бейруте для того, чтобы обсудить вопрос отстранения ПАСВ от власти. В октябре был создан исполнительный совет Иракского национального конгресса (ИНК) во главе со светским шиитским банкиром Ахмадом Чалаби, который затем стал одной из ключевых фигур в свержении режима в 2003 г.[183] Однако эта оппозиция, хоть и была зонтичной организацией, не обладала серьезными ресурсами и возможностями для успешного координирования своих действий по противостоянию иракской ПАСВ[184]. Другой имевшей контакты с британской МИ-6 и американским ЦРУ организацией можно назвать образованную в 1991 г. партию «аль-Вифак» или «Иракское национальное согласие» (ИНС). Она состояла в основном из бежавших офицеров иракской армии, в то время как во главе работы структуры стал проживавший в Лондоне бывший партийный деятель Баас Айяд Аляуи (стал временным премьер-министром Ирака после свержения С. Хусейна в 2003 г.). ИНС получала поддержку США и сделала ставку на организацию военного переворота, однако ее попытки осуществить подобное – самая серьезная операция была проведена в 1996 г. – пресекались контрразведкой С. Хусейна[185].

---

[182] Валецкий О.В., Гирин А.В., Маркин А.В., Неелов В.М. Уроки Ирака. Тактика, стратегия и техника в Иракских войнах США / Центр стратегической конъюнктуры // М.: Издатель Воробьев А.В. 2015. С. 212.

[183] Khadduri, M., Ghareeb, E. War in the Gulf, 1990-91: The Iraq-Kuwait Conflict and Its Implications // Oxford University Press. 1997. P. 190.

[184] Там же.

[185] Чарунтаки М. Курды и американская внешняя политика: международные отношения на Ближнем Востоке с 1945 года (на араб. العلاقات الدولية في الشرق الأوسط منذ 1945: الكرد والسياسة الخارجية الأميركية). Бейрут: Дар аль-Фараби. 2013. С. 406.

Сами восстания начала 1990-х гг. не стали стихийными и массовыми в полном смысле этих слов, а социальная база была разнородна. В нее входили различные политические силы, в т.ч. коммунисты, исламисты, секуляристы, иные панарабские партии и отдельные личности, равно как и на этноконфессиональном уровне это были шииты, курды, ассирийцы, туркманы. Выступления начались через два дня после завершения операции Коалиции во главе с США в Насирии и Басре на юге страны (отмечается, что не без их поддержки) и распространились на Наджаф и Кербелу – в этих священных городах к восставшим присоединились тысячи последователей Верховного совета исламской революции в Ираке (ВСИРИ – см. ниже).

Одновременно с шиитским югом на севере страны произошло восстание курдов[186]. На подавление этих движений были отправлены верные С. Хусейну войска и отдельные суннитские племена. При этом американцы и их союзники установили две бесполетные зоны над территорией Ирака для обеспечения безопасности шиитов на юге и курдов на севере. Однако если восстание в южной части страны иракским войскам удалось быстро подавить, то на севере применение военной силы привело к сотням тысяч беженцев и гуманитарной катастрофе. Была принята резолюция ООН № 688 (1991), которая запрещала вести боевые действия на территориях, населенных иракскими шиитами и курдами.

1.4. Политическая оппозиция в республиканском Ираке. Усиление шиитов

Контекст образования оппозиционных правительству Ирака в 1980-е и 1990-е гг. сил требует определения части религиозной элиты страны и уточнения иранского фактора. В 1980-1988 гг. была развязана ирано-иракская война (или Первая война в Персидском заливе)[187]. Только получивший пост президента Ирака Саддам Хусейн видел в произошедшей в Иране исламской революции угрозу иракской государственности, как и нежелание иметь регионального соперника после бегства иранского шаха (среди причин войны называется и желание

[186] Khadduri M., Ghareeb E. (1997) War in the Gulf, 1990-91: The Iraq-Kuwait Conflict and Its Implications // Oxford University Press. P. 190.
[187] Rajaee F. The Iran-Iraq War: The Politics of Aggression // University Press of Florida. 1993. P. 259.

воспользоваться сложившейся ситуацией, захватить часть территории Ирана и его нефтяные месторождения). В этот период С. Хусейн проводил четкую арабскую националистическую линию внутри страны, направленную против иранцев. Тем не менее уже в начале войны стали слышны и были использованы в риторике как масс, так и властей этноконфессиональные различия, что вело к определенного рода дискриминации шиитского населения страны.

Мнение части шиитского населения Ирака о дискриминации со стороны правительства привело к возникновению и развитию шиитских политических сил, изначально бывших маргинализированными. Среди них в первую очередь стоит упомянуть созданную в 1950-е гг. и затем запрещенную правительством Ирака партию исламского призыва (Даава). Ее идейный вдохновитель и влиятельнейший шиитский богослов М. Б. ас-Садр открыто поддержал исламскую революцию в Иране и призвал следовать иранскому примеру. Это привело к восстаниям в священном для шиитов городе Наджаф. Считается, что по решению властей во главе с С. Хусейном были арестованы, а затем и расстрелены как М.Б. ас-Садр, так и известная своей религиозной ученостью и поддержкой идей ас-Садра его сестра – А. ас-Садр. Так оппозиционное движение обрело мучеников, до сих пор особо почитаемых в стране. С 1980-х гг. само иракское государство становилось все более подозрительным к своему шиитскому населению и проводило акции репрессий, что только расширяло базу недовольных режимом шиитоцентричных движений[188].

Руководство Исламской Республики Иран того времени рассчитывало на широкую поддержку шиитов Ирака. Однако все же массово этого не происходило, и арабы шииты выступили на стороне иракского правительства, сражались в составе иракской армии до самого завершения войны в 1988 г.[189] Генеральная линия Саддама Хусейна заключалась в том, чтобы «сплотить нацию на основе идеологии иракского патриотизма»[190], хотя и в зависимости от необходимости

[188] Hashemi N., Postel D. Sectarianization: Mapping the New Politics of the Middle East // Oxford University Press. 2017. P. 320.
[189] Дружиловский С.Б.Трансформация внешнеполитического курса Ирана. Влияние трансформации на российско-иранские отношения // Обозреватель. Observer. №3 (326). 2017. С. 27.
[190] Кириченко В. Трансграничная конфессиональная общность и национальное государство: шииты и власть в Ираке в годы правления Саддама Хусейна (1979-2003) // Россия и мусульманский мир. 2015. № 11 (281). С. 112.

режим мог использовать разные инструменты продвижения своего видения для влияния на массы. Отмечается, что несмотря на превалирование в высшем командовании и в высших эшелонах власти Ирака суннитов, армия и ее низшие и средние чины на три четверти состояли из шиитов, что подтверждает приверженность иракских шиитов своей нации[191]. «Стоит указать, что среди восьми высших руководителей Ирака, членов Совета революционного командования при С. Хусейне, в 1988 г. было три араба-шиита, три араба-суннита, один араб-христианин и один курд (см. Таблицу № 1). Региональный командный совет партии Баас в большинстве состоял из шиитов. За время войны число офицеров шиитов возрастало»[192].

Тем не менее именно в период ирано-иракской войны были заложены основы для дальнейшей подрывной деятельности против С. Хусейна внутри Ирака. Так, например, уже в 1982 г. в Иране для борьбы с баасистским режимом С. Хусейна был создан Верховный совет исламской революции в Ираке (далее ВСИРИ). ВСИРИ возглавляли представители части религиозной элиты страны – известная иракская семья шиитских священнослужителей аль-Хаким. Они вели деятельность, направленную на свержение С. Хусейна с начала 1980-х гг. Тогда же, в 1982 г., после начала ирано-иракской войны лидером ВСИРИ аятоллой сейидом М. Б. аль-Хакимом в Иране при его поддержке было основано военное крыло ВСИРИ «Бригады Бадр» (позднее более известное как «Организация Бадр») из числа перебежчиков, изгнанников и беженцев. Стоит отметить, что после свержения С. Хусейна в 2003 г. ВСИРИ в коалиции с Партией исламского призыва обрели власть в стране. «Организация Бадр» также сыграла заметную роль в истории политики и системе безопасности Ирака, когда после 2003 г. ее члены вливались в Министерство внутренних дел и спецслужбы.

[191] Metz, H.C. Iraq: A Country Study. Federal Research Division // Library of the U.S. Congress. 1990. P. 302.
[192] Там же.

1.5. Подход С.Хусейна и родственных ему кланов в области государственного управления

С 1991 г. во внутренней политике С. Хусейн все более опирался на родные для него тикритские кланы (в основном были представлены племенем аль-Байджат, из которого происходил сам С. Хусейн и бывший до него президентом А.Х. аль-Бакр), лояльных ему людей и поощрял племенные структуры. Зачастую исследователи видят в этом процессе усиление клановой солидарности, которую может объяснять до сих пор актуальная теория арабского мыслителя XIV в. Ибн Хальдуна об «асабиййи» – корпоративном духе, направленном на обретение и сохранение власти[193]. Если оценивать общий, теоретический аспект, то «циклическая динамика Ибн Халдуна раскрывается как постоянно возобновляемый поиск подлинного авторитета, который в отсутствие пророка замещается выдвигаемым из среды самой асабийной группы патриархальным или харизматическим лидером, превращающимся в наследственного автократического правителя и исчерпывающего асабийу своей группы, что приводит к завершению цикла и создает условия для захвата власти новой асабийей»[194]. В иракских условиях мы можем предположить, что формирование постсаддамовской элиты было элементом усиления новой асабийи (или новых асабий), в то время как при С. Хусейне паралелльно происходила деградация и паралич принятия политических решений, когда почти все механизмы властвования оказались завязанными на одном человеке, а главным мерилом профессионализма стала лояльность лидеру. Именно в этот период верхи активнее использовали исламский дискурс.

Традиционными моделями организации иракского общества можно назвать племенные (ашаирийя), семейные (аилийя) и конфессиональные (мазхабийя) отношения[195]. После свержения монархии новые власти в Ираке действительно

---

[193] Hourani A.H., Ruthven, M. A History of the Arab peoples. Cambridge, Massachusetts :Harvard University Press, 2002. P. 460.

[194] Алексеев И.Л. Династическая автократия и конкурентный трайбализм в средневековом мусульманском обществе: взгляд Ибн Халдуна // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2016. № 1. С. 97.

[195] Ат-Тамими М.З.М. Политическая и капиталистическая элита иракского государства в период 1968-2003 гг. (на араб. النخبة السياسية ورأسمالية الدولة العراقية ١٩٦٨-٢٠٠٣). Багдад: Университет аль-Мустансирийя, 2013. С. 31.

стремились если не игнорировать, то ослаблять роль этих традиционных моделей, но затем, во втором периоде правления (в основном после 1991 г.) Саддама Хусейна на них стали опираться. Процесс опоры на традиционные институты не был связан с потенциалом к развитию, который они в себе могли нести (мы относимся с сомнением, но не отрицаем такую возможность, особенно в условиях хаоса). Это было сделано для поддержания полудееспособной элиты. Иракские исследователи отмечают, что слабость институтов вела к усилению значения решений лидера с опорой на три основных внутренних столпа власти: партия (руководящая партия «Баас»), военная организация (армия и спецслужбы), семейная и племенная организация. В свою очередь, основным мерилом рекрутинга элиты являлась лояльность лидеру именно из этих трех страт общества – партийных и армейских товарищей самого С. Хусейна, членов его семьи, клана и племени (и ближайших к ним племен)[196].

В 1996 г. на территории Курдистана, который фактически был свободен от саддамовского управления, началась борьба между Демократической партией Курдистана (ДПК) и Патриотическим союзом Курдистана (ПСК), что дало возможность С. Хусейну вмешаться и разгромить противников. Американцы в ответ провели операцию «Удар в пустыне», что сдержало С. Хусейна от дальнейшего наращивания насилия. В контексте ирано-иракской войны 1980-1988 гг. С. Хусейн использовал арабскую националистическую и антииранскую риторику, а не антишиитскую[197]. Лиза Блейдс отмечает, что в течение ирано-иракской войны «иракская правящая элита пыталась определить и перенаправить идентичность в качестве функции политических потребностей режима в тот момент. Фокус был на продвижении иракской арабской идентичности с целью подчеркнуть различия между арабо-говорящим мусульманским и иранским персидским населением»[198]. Сделано это было с целью привлечения финансовой и

[196] Ат-Тамими М.З.М. Политическая и капиталистическая элита иракского государства в период 1968-2003 гг. (на араб. ١٩٦٨-النخبة السياسية ورأسمالية الدولة العراقية ٢٠٠٣). Багдад: Университет аль-Мустансирийя, 2013. С. 33.
[197] Luomi M. Secterian Identities or Geopolitics? The Regional Shia-Sunni Divide in The Middle East // The Finnish Institute of International Affairs. 2008. P. 60.
[198] Blaydes L. State of Repression. Iraq under Saddam Hussein // Princeton University Press. 2018. P. 85.

материально-технической поддержки арабских государств, в основном монархий Залива, и на внутриполитическом направлении, чтобы сохранить лояльность шиитов Ирака, хотя и руководство страны стало относиться к ним с недоверием. В результате, эта война не только повлияла на арабо-иранские отношения, но и наметила будущие тенденции во внутриконфессиональных связях в самом Ираке[199]. После войны перед партией «Баас» еще стоял вопрос о переменах в сторону демократического устройства страны и либерализации, рассматривался вопрос о более свободных СМИ. Однако вторжение в Кувейт и восстания на юге и севере Ирака поставили точку в этих дискуссиях. После войны в Заливе 1991 г. произошло общее смещение с арабского националистического дискурса на исламский националистический с примесью племенного наследия. При этом в 1990-х гг. С. Хусейн проводил жесткий курс по отношению к курдам и шиитам, поскольку вера в их лояльность была расшатана восстаниями[200]. Проводились систематические убийства, зачастую нацеленные на определенных иракских шиитских духовных лиц. Ввиду ухудшающейся социально-экономической ситуации С. Хусейн принял решение опереться на традиционные структуры иракского общества (этноконфессиональные группы, племена) и через них проводить те или иные, зачастую ставшими уже простейшими, услуги населению, что продолжалось с 1991 до 2003 гг.

Кувейтский кризис 1991 г. повлек за собой изменения внутренней политики С. Хусейна, что привнесло новые аспекты и в динамику отношений правительства с населением. При этом Ирак находился в состоянии блокады – наложенных на него ООН санкций, не позволявших извлекать выгоды из торговли на мировом финансовом рынке, ограничивших доступ к технологиям, приведших к развитию теневого сектора и контрабанды, а также массовой миграции активного населения из страны. Все это также приводило к репрессиям и лишало часть элиты доступа к распределению ставших ограниченными ресурсов, что вело к усилению

[199] Luomi M. Secterian Identities or Geopolitics? The Regional Shia-Sunni Divide in The Middle East // The Finnish Institute of International Affairs. 2008. P. 60.
[200] Ibid.

находившихся в изгнании оппозиционных сил, особенно при обретении ими внешних доноров.

В иракских реалиях элита взяла курс на удовлетворение запросов и нужд суннитского населения, которое стало традиционным элементом опоры режима, и в то же время оказалась способна не допустить критического уровня всеобщего недовольства путем предоставления части простейших услуг. Последнее стало возможным и ввиду включения регуляции режимом управления экономикой. В период кризисов иракские власти осуществляли меньшее вмешательство в экономику, что приводило к выживанию населения и относительному накоплению капитала. Однако как только С. Хусейн был убежден, что угрозы миновали, государство снова переходило к жесткому контролю[201].

1.6. Раскол суннитских кланов и укрепление вертикали власти

Для преодоления кризисных ситуаций С. Хусейн использовал фасадные уступки, что отражалось и на его кадровой политике. Например, после завершения боевых действий и последовавшего подавления шиитских восстаний в марте 1991 г. С. Хусейн назначил премьер-министром политика шиитского происхождения С. Хаммади. С. Хаммади, ставший соратником С. Хусейна по партии «Баас» ещё с 1940-х г., учился в Дамасском университете, окончил магистратуру в Американском университете Бейрута и получил докторскую степень по экономике университета Висконсин-Мэдисон (США) в 1956 г. Этим назначением С. Хусейн стремился показать свою политическую гибкость после Кувейтского кризиса. Однако через шесть месяцев после того, как приверженный либерализации Хаммади стал высказываться о реформах и демократии, он был отстранен (по другой версии – ушел с поста по причине проблем со здоровьем)[202]. На его место С. Хусейн назначил другого шиита – высокопоставленного политического деятеля

[201] Clawson P. How Has Saddam Hussein Survived? Economic Sanctions, 1990-93 // National Defense University. 1993. P. 97.

[202] International Herald Tribune. Saddam's ally, former Iraqi Baath party leader and prime minister, dies. 2007. Режим доступа: https://web.archive.org/web/20070320031800/http://www.iht.com/articles/ap/2007/03/16/africa/ME-GEN-Iraq-Obit-Hammadi.php (дата обращения 20.05.2019).

М. Х. аз-Зубейди (премьер-министр Ирака с 1991 по 1993 гг.). Аз-Зубейди также принимал участие в подавлении восстания на шиитском юге страны после того, как коалиция во главе с США разгромила иракскую армию в 1991 г. Хотя, конечно, основную скрипку в этом деле играл наиболее лояльный С. Хусейну человек, ответственный за внутренние репрессии и депортации – А. Х. аль-Маджид из родственной президенту семьи Ааль Абу Насер. В эти годы А.Х. аль-Маджид занимал посты министра внутренних дел (1991 г.) и министра обороны (1991-1995 гг.). Таким образом, если в социально-экономической сфере С. Хусейн мог приглашать к управлению технократов, то вопросы безопасности и консультации президента находились в руках его тикритского клана и приближенных к нему представителей партии с самого начала их восхождения к власти.

США в свою очередь использовали не только экономический, но и военные инструменты давления на Багдад. Ирак жил в перманентной военной угрозе со стороны американских сил, чьи тактические операции разрушали инфраструктуру страны и подрывали стабильное функционирование государственных структур (например, американские авианалеты на Багдад, операция «Лиса в пустыне» 1998 г.). Все эти события тяжело отражались на состоянии иракского общества, в котором весь этот период подогревались социальные различия. К 2003 г. Ирак деградировал до экономически бедного этноконфессионально разделенного общества с усилением роли племенного фактора и исламской риторики во внутренней политике, связанного при помощи забюрократизированной системы управления ПАСВ и армии.

Американцы стремились не допустить возможность реализации финансовых схем через приближенных режиму и его элите лиц. Хотя это и ограничивало ресурсы элиты, но все же ключевым ударом по ней были санкции в отношении нефтяной отрасли, банковской сферы и запрет на морские перевозки[203]. Значимым показателем влияния санкций можно обозначить не только состояние иракского

[203] Нуреев Р.М., Бусыгин Е.Г. Экономические санкции: издержки и выгоды конфронтации // Terra Economicus, 2017. Т.15. №3. С. 69.

населения (гуманитарная ситуация ухудшалась год от года), но и сокращение ресурсов и раскол в элите. Примером раскола можно назвать скандал 1995 г., когда два зятя президента – Саддам Камиль и Хусейн Камиль – бежали с семьями в Иорданию (были женаты на дочерях Саддама – Ране и Рагад соответственно). Они одновременно были племянниками министра обороны Али Хасана аль-Маджида[204]. Находясь в Иордании, Хусейн Камиль заявил о своей готовности сотрудничать с Иракским национальным конгрессом, однако оппозиция в изгнании не стала вести с ним переговоры. Таким образом, проблемой стал не только подрыв клановых связей режима, но и высокопоставленный уровень и информированность самих бежавших. Хусейн Камиль занимал пост министра военной промышленности и был наиболее осведомленной о состоянии этой стратегически важной отрасли личностью, он знал в том числе о производстве вооружений, обладал информацией о состоянии программы оружия массового уничтожения.

Этот раскол произошел после восстания суннитских племен в начале 1995 г. и серьезных проблем в экономике страны. Особенно важным показателем шаткости режима стоит назвать восстания на традиционно лояльных С. Хусейну территориях, населенных суннитами. Так, с апреля по июль 1995 г. восстали представители мощной племенной конфедерации Дулайм. Позднее к ним присоединились племена Шаммар и Албу Нимр[205]. Движение расширились и стало называться «Союзом иракских племен», который 19 июня 1995 г. публично призвал к объединению усилий с находившимся в изгнании и поддерживавшемся до того американцами Иракским национальным конгрессом. Однако ввиду разразившихся ранее боевых действий между ДПК и ПСК американцы отстранились от принципиальной поддержки курдов и Иракского национального конгресса. Таким образом у С. Хусейна не было необходимости отвлекать силы на контролируемый курдами и ИНК север страны. Он смог сконцентрироваться на зонах проживания

[204] General Ali Hassan al-Majid // Independent. 2003.
Режим доступа: https://www.independent.co.uk/news/obituaries/general-ali-hassan-al-majid-36418.html (дата обращения 20.05.2019).
[205] Wurmser D. Tyranny's Ally: America's Failure to Defeat Saddam Hussein // Aei Press. 1999. P. 150.

суннитских племен. Поскольку представители племен Дулайм и Шаммар составляли костяк Республиканской гвардии и других сил безопасности режима, ему пришлось избирательно отнестись к подбору верных частей для подавления восстания. К концу июня ему удалось справиться с этой задачей, в т.ч. и при помощи верных его сыновьям частей добровольческой милиции «Федайин Саддам».

Ввиду экономических и внутриполитических проблем С. Хусейн взял на себя пост премьер-министра и начал изменения в правительстве. Ситуация для некогда всемогущего министра обороны Али Хасана аль-Маджида ухудшилась еще до побега его племянников. В июле 1995 г. С. Хусейн отстранил его от должности[206]. Ранее в мае того же года С. Хусейн снял с поста министра внутренних дел своего единоутробного брата Ватбана Ибрахима ат-Тикрити, назначив его на символический пост советника президента[207]. Тем не менее другой единоутробный брат С. Хусейна Сабави Ибрахим ат-Тикрити продолжал оставаться во главе Управления общей разведки Ирака[208]. Сам С. Хусейн в том же году провел прямые выборы президента Ирака, очевидно, считая необходимым после череды провальных событий консолидировать таким образом свою власть. Он победил с результатом в 99% на выборах, которые не были признаны мировым сообществом.

Несмотря на консолидацию ключевых позиций в структурах безопасности в руках представителей «тикритского» клана, С. Хусейн все же не отказывался от своих соратников по партии «Баас». Так, архитектором внешней политики Ирака был христианин-халдей из Мосула, вице-премьер Т. Азиз. На протяжении долгих лет вице-премьер курдского происхождения Т. Ясин Рамадан назывался «экономическим царем» Ирака[209]. Двумя другими ключевыми созидателями экономической политики были министр нефти К. Тахер аль-Урайби и министр торговли Х. Али[210]. Технократы были инструментально полезны президенту в его

[206] Cordesman A.H. Iraq: Sanctions And Beyond. New York: Perseus, 1997. P. 416.
[207] Baram A. Turmoil in Iraq: The Regimes #2 Defects. Middle East Quarterly, 4(2). 1995. Pp. 15-21.
[208] Cordesman A.H. Iraq: Sanctions And Beyond. New York: Perseus, 1997. P. 416.
[209] CIA Directorate of Intelligence. Iraq's Tikritis: Power Base of Saddam Hussein. 1987. Режим доступа: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP88T00096R000400540002-8.pdf (дата обращения 20.05.2019).
[210] Ibid.

диалоге с международным сообществом и привлекались в качестве показательных жестов. Особенно это проявилось во время необходимости подготовки к соглашению и реализации программы «нефть в обмен на продовольствие» 1996 г.

Во время начала реализации программы происходили изменения как в раскладе иракской элиты, так и в международных отношениях. Иракцы, включая главного переговорщика Ирака в ООН А. Амира аль-Анбари, надеялись, что начало действия программы станет первым шагом к постепенному снятию эмбарго. Хотя это было маловероятно, присутствовало общее понимание того, что соглашение обозначило новый этап в отношениях между Ираком и международным сообществом. На то, что ситуация претерпевала изменения, указывали назначения на высокие посты в период 1995-1996-х гг. Именно в 1996 г. в иракскую политику возвращается бывший премьером с марта по сентябрь 1991 г. С. Хаммади. Он стал спикером иракского парламента, обладая богатым политическим опытом, служа в различных министерствах, включая Министерство нефти и иностранных дел. Ранее С. Хаммади уже занимал пост спикера парламента с 1983 по 1990 гг. С 1996 г. и до свержения С. Хусейна он оставался спикером иракского парламента и считался одним из основных претендентов на президентство, хотя был отодвинут сыновьями С. Хусейна из-за своих реформистских взглядов.

1.7. Проблема взаимоотношений саддамовского режима с шиитами

Разворачивавшиеся в конце 1990-х и начале 2000-х гг. в шиитской среде события совсем не добавляли власти устойчивости и авторитета. Трения между шиитскими религиозными элитами Ирака и режимом С. Хусейна продолжались. В 1999 г. после убийства авторитетного шиитского религиозного деятеля М. Садика ас-Садра – считается, что за этим стоял режим С. Хусейна – в районе Ирака Саддам-сити развернулись серьезные демонстрации, названные «Иракским восстанием». Оно запомнилось также как «интифада Садра» и шиитское восстание 1999 г. Столкновение между восставшими шиитами, среди которых был замечен отряд военизированной организации «Бадр», и армией продолжались с 18 февраля до

конца апреля. Оно также распространилось на юг страны. Тем не менее восстание в итоге было подавлено[211].

В 2001 г. внезапно скончался великий аятолла С. Хусейн Бахр аль-Улюм. Его погребение в тот же день вызвало подозрение в том, что религиозный деятель погиб не естественной смертью. Три других ключевых шиитских религиозных лидера – аятоллы аль-Буруджирди, аль-Гарави и ас-Садр – были убиты в 1998-1999 гг. Незадолго до своей смерти Бахр аль-Улюм отказался выразить поддержку сыну С. Хуссейна Кусею Хусейну в его назначении на пост главы регионального командования партии «Баас» на принадлежащем Удею Хусейну телеканале. Отказ был мотивирован игнорированием властями призывов Б. аль-Улюма освободить из заключения шиитских религиозных ученых.

Начиная с 1980-х гг. и усиливаясь в 1990-е гг. оппозиция в изгнании (или контрэлита) испытывала все большее влияние и доминирование со стороны курдских этноцентричных и шиитских конфессиональноцентричных политических сил. Лица в оппозиции, считавшие необходимым сохранение гомогенизованности и централизованности видения иракского национализма, чем далее, тем более уступали позиции этноконфессионально заряженным политическим силам[212].

В октябре 1998 г. палата представителей и сенат США приняли Закон об освобождении Ирака (Iraq Liberation Act, ILA). Этот документ стал основополагающим в определении американской политики. Закон предписывал, что «политикой США должна стать поддержка усилий по отстранению режима во главе с С. Хусейном от власти в Ираке и содействие появлению демократического правительства для замены этого режима»[213]. Он был подписан президентом США Биллом Клинтоном и ставил своей целью поддержку оппозиционных властям Ирака сил. Согласно Закону, президент мог предоставить помощь «иракским демократическим оппозиционным организациям» в размере до 97 млн долл. Уже

[211] Raphaeli N. Understanding Muqtada al-Sadr // Middle East Quarterly. 2004. Vol.11. № 4. P. 33-42.
[212] Hashemi N., Postel D. Sectarianization: Mapping the New Politics of the Middle East // Oxford University Press. 2017. P. 320.
[213] USA Public Law 105–338. “U.S. Congress Iraq Liberation Act of 1998.” of 31.10.1998.

16 декабря 1998 г. Б. Клинтон авторизовал операцию «Лиса в пустыне» – четырехдневные бомбардировки по Ираку. В феврале 1999 г. президент США обозначил следующие оппозиционные группы для оказания помощи согласно Закону: Иракское национальное согласие, Иракский национальный конгресс, Исламское движение Иракского Курдистана, Демократическая партия Курдистана, Движение за конституционную монархию, Патриотический союз Курдистана и ВСИРИ. После событий 11 сентября 2001 г. эскалация вокруг Ирака продолжала нарастать. В 2002 г. в Конгрессе США прошел Закон, названный «Иракская резолюция 2002 г.». Иракская резолюция или «Резолюция по разрешению на применение военной силы против Ирака 2002 г.» (The Authorization for Use of Military Force Against Iraq Resolution of 2002), уполномочила президента США Дж. Буша мл. использовать Вооруженные силы США «так, как он считает необходимым и уместным», чтобы «защитить национальную безопасность Соединенных Штатов от постоянной угрозы, исходящей от Ирака, и обеспечить соблюдение всех соответствующих требований Организации Объединенных Наций».

Выводы:

Формирование политической элиты Ирака в период британского мандата 1920-х гг. происходило в глубоко разделенном обществе с сильными племенными традициями и приведенным внешними силами монархом – королем Фейсалом – представителем династии Хашимитов.

При этом англичане планомерно проводили начатую Османской империей политику по взаимодействию с ведущими кланами: в систему государственного управления включались представители влиятельных семей и шейхи суфийских тарикатов, а также бывшие османские офицеры (арабские националисты и соратники короля по событиям Первой мировой войны – представители суннитской общины).

Одновременно англичане умело играли на противоречиях между отдельными кланами, что позволяло им не допускать возвышения одного из них и держать

ситуацию под контролем. Широкие полномочия главы государства – короля (что было выгодно англичанам) – были закреплены первой конституцией страны 1925 г.

Постепенно свою позицию усиливали офицерские группы (суннитский сегмент общества), которые, вооружившись идеологией панарабизма, стали играть все более значимую роль в государственном управлении в период независимости Ирака. Позднее идеология баасизма (акцентировавшая «арабскую идентичность») размывала другие традиционные иракские идентичности и делала суннитское офицерство единственной управленческой элитарной группой.

В иракских реалиях элита взяла курс на удовлетворение запросов и нужд суннитского населения, которое стало традиционным элементом опоры режима, и в то же время оказалась способна не допустить критического уровня всеобщего недовольства, благодаря предоставлению части простейших услуг. Последнее стало возможным и ввиду включения регуляции режимом управления экономикой. В период кризисов иракские власти осуществляли меньшее вмешательство в экономику, что обеспечивало выживание населения и относительному накоплению капитала.

С приходом к власти Саддама Хусейна (и немного ранее) из этой элиты выделяется клановая прослойка – аль-Байджат и родственные ему тикритские кланы, которые, используя разветвленные партийные структуры, начинают распространять свое влияние на всю систему управления, становясь новой государственной элитой, сосредотачивая в своих руках экономические блага и держа под контролем другие группы иракского общества посредством служб безопасности и армии.

Центральным звеном такой системы управления становится фигура президента страны и главы ключевого органа управления Совета революционного командования – Саддама Хусейна, наделенного широкими конституционными полномочиями по управлению страной и сосредоточившего в своих руках основные ключевые посты в партии и государстве.

Политическая оппозиция, зарождавшаяся в этот период, была особенно представлена шиитским и курдским сегментами общества, и формировалась под влиянием внешних факторов. В 1990-е гг. оппозиционные группы за рубежом усиливали свои позиции.

ГЛАВА 2. Государственное строительство постсаддамовского Ирака в условиях американской оккупации

2.1. Оккупационные органы управления и приход к власти новой политической элиты Ирака в 2003-2005 гг.

Существенную роль в определении механизмов формирования новой иракской элиты, строительства институтов, избирательного процесса играла Временная коалиционная администрация (ВКА) – созданный в 2003 г. американцами оккупационный орган для управления Ираком во главе с американским дипломатом Полом Бремером.

Считается, что после интенсивных обсуждений вокруг будущей избирательной системы – а объявление демократических процедур было необходимым для принятия новой элиты оккупантами – новые иракские власти отказались от идеи проведения общеиракской конференции. В этих условиях так называемая временная конституция Ирака – «Закон об управлении государством Ирак в переходный период» – была принята только 8 марта 2004 г.[214] К моменту издания временной конституции уже были приняты указы ВКА (№1 и №2) по запрету партии «Баас», роспуску армии, спецслужб, других органов безопасности, а также созданы новые структуры, непосредственно влиявшие на будущие выборы и политический процесс в ближайшее десятилетие.

Вместо созыва национальной конференции 13 июля 2003 г. был основан консультативный орган при Временной коалиционной администрации – *Временный управляющий совет Ирака (ВУСИ),* состоявший из 25 членов, лидеров племен и политиков. Этноконфессиональный состав совета включал в себя 13 шиитов, 5 суннитов, 5 курдов (также суннитов), по одному представителю из общин туркман и ассирийцев.

Одной из особенностей Временного управляющего совета стало ежемесячное избрание нового председателя вплоть до передачи власти иракскому временному

[214] Сапронова М.А. Иракская конституция в прошлом и настоящем (Из истории конституционного развития Ирака). М.: Институт Ближнего Востока, 2006. С. 70.

правительству во главе с Айядом Аляуи в 2004 г. Данное решение было закреплено Резолюцией №6 ВУСИ, по которой председатели ВУСИ избирались его членами из числа следующих иракских политических деятелей: Ибрагим аль-Джаафари (шиит), Ахмад аль-Чалаби (шиит), Айяд Аляуи (шиит), Джалал Хисам ад-Дин ат-Талабани (курд, суннит), Абдель Азиз аль-Хаким (шиит), Аднан аль-Пачачи (суннит), Мохсен Абдель Хамид (суннит), Мухаммад Бахр аль-Улюм (шиит), Масуд Мустафа Барзани (курд, суннит)[215].

Этноконфессиональный состав перечисленных политических деятелей может многое сказать о первых днях постсаддамовского Ирака. Среди них было 5 шиитов, 2 суннита и 2 курда (также сунниты). При этом один из суннитов, бывший министр иностранных дел Ирака с 1965 по 1967 гг. Аднан Пачачи отказался занимать место председателя ВУСИ. Большинство перечисленных деятелей проживали в изгнании вне Ирака и находились в жесткой оппозиции С. Хусейну. Подобный расклад определялся не в последнюю очередь и тем, что до формирования данного органа представители иракских политических сил были обеспокоены контролем за отбором членов совета со стороны ВКА, которой в итоге пришлось учесть интересы шиитов. В ином случае существовала вероятность непризнания ВУСИ со стороны шиитских организаций и партий, что привело бы к конфликту между шиитами и ВКА[216]. Несмотря на то, что шиитский фактор проявился сильнее к концу XX в. и моменту вторжения американцев в Ирак, он был традиционным для Ирака. Исторически, как замечает Люсин С.Г., «социально-политический аспект шиитской проблемы в Ираке состоит в том, что здесь шииты традиционно занимали подчиненное положение, хотя и были большинством среди мусульман»[217]. После американского вторжения в межконфессиональных связях происходила трансформация – шедшая рука об руку с хаосом – как и менялись принципы и реализация процесса формирования органов власти.

---

[215] Talmon S. The Occupation of Iraq: The Official Documents of the Coalition Provisional Authority and the Iraqi Governing Council / S. Talmon. London: Bloomsbury Publishing PLC, 2013.

[216] McCarthy J. Iraq's Governing Council Assumes Broad Authority. Open Society Institute. Middle East and North Africa Initiatives. Central Eurasia Project // Iraq Revenue Watch. № 1. 2004. P. 2.

[217] Люсин С.Г. Роль шиитского движения в общественно-политической жизни современного Ирака // Арабский мир в конце XX века. Материалы I-ой конференции арабистов Института востоковедения РАН. М., 1996. С. 48.

Среди наиболее важных задач ВУСИ оказалось определение временных министров в стране и подготовка перехода к временному правительству и выборам в Национальное собрание. Министрам предписывалось быть подотчетными совету на регулярной основе. Совет также обладал правом снятия министров в случае утраты ими доверия[218]. Определение национального бюджета, его утверждение на 2004 г. также находилось в ведении ВУСИ, равно как и поправки в бюджет 2003 г.

Несмотря на то, что установление стабильности и безопасности было прераготивой оккупационных сил, ВУСИ также определял его как одну из своих основных задач. В условиях продвижения американцами «демилитаризации», предполагавшей «существенное преобразование военной элиты» времен С. Хусейна, и распада армии образца до 2003 г., считавшейся угрозой становления демократии в стране, резко усилились радикальные элементы[219]. Радикальные группировки угрожали и осуществляли покушения на убийства представителей новых властей. Насилие особенно нарастало в предвыборный период. Несмотря на присутствие в стране иностранного военного контингента, у членов ВУСИ существовало стойкое убеждение, что иракцы сами смогут быстрее восстановить порядок. Резолюцией №7 предписывалось создание комитета, ответственного за вопросы безопасности. На этом направлении Совету не удалось достигнуть реализации своего понимания происходящего, поскольку безопасность продолжала находиться в введении оккупантов на время переходного периода (и позднее)[220]. Тем не менее ВУСИ запрашивал у ответственного ВКА за подготовку местных полицейских кадров Бернарда Керика и командующего оккупационными войсками в Ираке генерала Рикардо Санчеса информацию об изменениях в сфере безопасности[221].

---

[218] McCarthy J. Iraq's Governing Council Assumes Broad Authority. Open Society Institute. Middle East and North Africa Initiatives. Central Eurasia Project // Iraq Revenue Watch. № 1. 2004. P. 4

[219] Давыдов А.А. «Продвижение демократии» во внешней политике США в начале XXI века: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2019. С. 132.

[220] McCarthy J. Iraq's Governing Council Assumes Broad Authority. Open Society Institute. Middle East and North Africa Initiatives. Central Eurasia Project // Iraq Revenue Watch. № 1. 2004. P. 5.

[221] Мамедов Р.Ш. Ирак по-американски. Дебаасификация иракского общества (2003-2004 гг.) [Электронный ресурс Российский совет по международным делам, 11.04.2018. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/irak-po-amerikanski-debaasifikatsiya-irakskogo-obshchestva-2003-2004-gg-/ (дата обращения: 22.09.2018).

Члены ВУСИ – новые власти – уже включали лиц, которые вошли в будущую политическую элиту Ирака. Сами по себе они во многом составляли бывшую оппозицию режиму Саддама Хусейна или контрэлиту Ирака до 2003 г. ВУСИ представлял широкий спектр политических и религиозных движений Ирака, тем не менее, со временем вскрылась несостоятельность данной структуры и принятых ею решений. Изначально предполагалось, что ВУСИ станет совещательным и консультативным органом при ВКА. Идея П. Бремера заключалась в создании некоего «политического совета». Однако американцам пришлось согласиться на «управляющий совет» в связи с нарастанием насилия в стране и все большим распространением антиамериканских настроений в обществе. Вскоре Временный управляющий совет стал определять повестку дня и активно вовлекаться в процесс принятия политических решений, в том числе в финансовой и экономической сферах (в это время проводились реформы), по вопросам образования, здравоохранения и формирования механизмов выборов. Пол Бремер обладал правом вето в отношении решений, вынесенных Временным управляющим советом (но обещал к нему не прибегать, кроме как в экстренных случаях)[222].

10 августа Пол Бремер предложил ВУСИ создать иракский совет по дебаасификации, отмечая, что «иракцы, а не ВКА, в лучшем положении продолжать дебаасификацию и осуществлять все необходимые изменения в ходе ее реализации». Подобное мнение оказалось неверным, как выяснилось позднее. В итоге около полумиллиона человек, наиболее подготовленные для управления партийные кадры Баас (включая технократов, необязательно разделявших идеологию партии), лишились возможности участия в любых выборах и занятия государственных постов в стране. Эти действия «довершили процесс маргинализации суннитов»[223].

Как уже было отмечено, рекрутирование новой иракской элиты проистекало из процесса формирования контрэлиты С. Хусейну в предшествовавший период.

---

[222] McCarthy J. Iraq’s Governing Council Assumes Broad Authority. Open Society Institute. Middle East and North Africa Initiatives. Central Eurasia Project // Iraq Revenue Watch. № 1. 2004. P. 5

[223] Звягельская И.Д. Конфликты на Ближнем и Среднем Востоке: тенденции и игроки // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: История и современность. 2017. №3. С.20.

Сама по себе контрэлита была разделена на внутреннюю и внешнюю, в то время как внешняя делилась на кланы, ориентировавшиеся на страны их прежнего базирования (западные или региональные, например, Иран).

Можно выделить три характеристики новых лидеров, пришедших в Ираке по итогам выборов 2005 г. Во-первых, большинство из них были новыми и неопытными людьми. Политическая мобильность и изменения в министерских постах продолжались с 2003 г.Такая степень постоянных изменений не позволяла новым, претендовавшим на технократизм лидерам набрать необходимый управленческий опыт. Во-вторых, эти новые иракские лидеры первых правительств в постсаддамовский период проживали вне Ирака. Внутрииракские политические силы, которые жили в Ираке при Саддаме Хусейне, оставались меньшинством в правящей элите на протяжении многих лет. Доминирование в первых иракских правительствах проживавших вне Ирака лидеров является показателем отсутствия согласованности и низкого уровня координации между ними и внутренними силами, но и их принятия оккупантами. В-третьих, эти новые лидеры почти всю свою «карьеру» вели борьбу против правления режима С. Хусейна. Этот факт подвёл к тому, что тем, кто так или иначе работал при С. Хусейне и в его правительствах, был запрещён доступ к властным ресурсам и позициям[224].

2.2. Специфика избирательного процесса (2003-2005 гг.). Закон об управлении государством Ирак в переходный период

Процесс дебаасификации стал ключевым моментом, повлиявшим на ход избирательного процесса в постсаддамовском Ираке. 3 сентября 2003 г. был создан Корпус гражданской обороны Ирака, служивший временным формированием для обеспечения безопасности и осуществления аварийно-спасательной службы[225]. В

[224] Marr Ph. Iraq's New Political Map // Special Report №179. Washington, DC: U.S. Institute of Peace. 2007. P.2.
[225] ТАСС-Досье. Вооруженные силы Ирака после 2003 года. Досье. // ИТАР-ТАСС. URL: http://tass.ru/info/1298164. 04.07.2014. (дата обращения: 07.12.2017)

тот же день ВУС заявил о формировании Высшей национальной комиссии по дебаасификации (ВНКД), главой которого стал Ахмад Чалаби, а его заместителем — тогда еще малоизвестный зарубежом член партии «Даава» Нури аль-Малики[226]. По сути, в ведении именно этой комиссии оказалось участие или неучастие в будущей политической жизни Ирака той или иной группы, партии, политической силы. Их деятельность оказалась жестче, чем предполагал П. Бремер, но несмотря на это (и на поступавшие сообщения о недовольствах и враждебности в отношении «дебаасификации» со стороны суннитов из регионов Найнава, Салах ад-Дин, Анбар[227]), он передал все полномочия по дебаасификации именно этой структуре[228].

Высшая национальная комиссия по дебаасификации, созданная в период президентства А. Чалаби, просуществовала восемь лет под его непосредственным руководством. В сентябре 2003 г. заместителем А. Чалаби стал его соратник, суннит по происхождению, Мисаль аль-Алуси. А. Чалаби и М. аль-Алуси, используя средства, выделенные первоначально на иракскую секретную разведывательную службу, наняли сотрудников и стали активно заниматься люстрацией баасистов. Комиссия создала комитеты по дебаасификации во всех министерствах, отменила предыдущие восстановления в правах со стороны ВКА отдельных групп населения, установила контроль за апелляционными процессами по данным делам. Решение комиссии по дебаасификации было объявлено окончательным[229].

С начала 2004 г. наметились трения в отношениях между ВНКД и ВКА, поскольку последняя готовилась передать все бразды правления в руки Временного правительства Ирака (с июня 2004 г.), которое предполагало бы замену ВНКД на иную структуру. Однако принятая ВУСИ 8 марта 2004 г. так называемая временная

---

[226] Dobbins J., Jones G. S. Runkle, B. Mohandas, S. Occupying Iraq: A History of the Coalition Provisional Authority. NY: Rand Publishing, 2009. P. 117.
[227] Ibid.
[228] Berdal M., Suhrke A. The Peace In Between: Post-War Violence and Peacebuilding. NY-London: Routledge, 2012. P. 140.
[229] Al-Saiedi A., Sissons M. A Bitter Legacy: Lessons of De-Baathification in Iraq. NY, Brussels: International Center for Transitional Justice, 2013. P. 13.

конституция Ирака – «Закон об управлении государством Ирак в переходный период» (ЗУГИПП)[230] – фактически обеспечила легальное основание для деятельности ВНКД[231].

1 июня 2004 г. в Багдаде было объявлено о роспуске Временного управляющего совета и создании Временного правительства Ирака (ВПИ). 9 июня 2004 г. была единогласно принята резолюция Совета Безопасности ООН по Ираку (№1546), одобрившая создание суверенного ВПИ и «график политического перехода Ирака к “демократическому государственному управлению”»[232]. Позднее, 28 июня свои полномочия ВПИ передала и Временная коалиционная администрация. Когда ВКА была ликвидирована, у ВПИ появилась возможность отказаться от присутствия коалиционных сил в стране. Однако эта возможность была формальной, в то время как американцы сохраняли свои позиции «на земле». Несмотря на сформированное правительство ситуацию в стране пытались контролировать американские военные структуры и сотни советников, от которых зависели принятие и ход реализации политических решений. Примечательно, что несмотря на ликвидацию оккупационной Временной коалиционной администрации, американцы сохранили бывшего генерального инспектора ВКА Стюарта Боуэна – в задачи которого входил независимый надзор за финансируемыми США программами восстановления Ирака, аудит и инспекции – в новой должности Специального генерального инспектора по восстановлению Ирака (*SIGIR*). Опубликованный в 2013 г. доклад *SIGIR* о действиях США по реконструкции Ирака с 2003 по 2012 гг. вскрыл, по выраженному на сайте американского *the Middle East Institute* мнению независимого эксперта Дэвида Алфера, «довольно мрачный перечень неудач и невыполненной работы»[233], и на

[230] Сапронова М.А. Иракская конституция в прошлом и настоящем (Из истории конституционного развития Ирака). М.: Институт Ближнего Востока, 2006. С. 70.
[231] Al-Saiedi A., Sissons M. A Bitter Legacy: Lessons of De-Baathification in Iraq. NY, Brussels: International Center for Transitional Justice, 2013. P. 14.
[232] Сапронова М.А. Иракская конституция в прошлом и настоящем (Из истории конституционного развития Ирака). М.: Институт Ближнего Востока, 2006. С. 84.
[233] Alpher D. Learning from SIGIR's Final Report on Iraq Reconstruction // the Middle East Institute. 12.06.2013. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.mei.edu/publications/learning-sigirs-final-report-iraq-reconstruction (last visited: 11.12.2017)

деле только подтвердил неэффективность расходования средств американских налогоплательщиков в плане иракской реконструкции, наличие большого числа коррупционных схем, злоупотребления, мошенничества и хищения. По отчету SIGIR, всего было потрачено более 60 млрд долл. с неясным выхлопом в контексте восстановления Ирака (который уже в 2014 г. погрузился в новый виток войны)[234].

Основной задачей ВПИ стало создание условий для проведения выборов в парламент, которому предписывалось сформировать уже постояннодействующее правительство страны. Один из членов ВУСИ Айяд Аляуи (светский политик из шиитов, находился в изгнании со времени правления Саддама Хусейна и, согласно различным данным, имел тесные связи с ЦРУ[235]) был назначен премьер-министром Ирака. Это стало возможным во многом именно благодаря его контактам с британцами и американцами. Президентом страны с более церемониальными функциями стал Шейх Гази Машааль Аджил аль-Явар (суннит).

В отсутствие конституции вся деятельность в стране регулировалась ЗУГИПП, которое прописывало 275 мест в парламенте, 25-процентную квоту мест для женщин и справедливое представительство для меньшинств. Правовые рамки избирательного процесса регулировались исключительно ЗУГИПП и отдельными указами ВКА (№ 92, 96 и 97). В соответствии с указом ВКА № 92 от 31 мая 2004 г., для проведения выборов в Ираке, надзору за ними и организацией был создан специальный избирательный орган – Независимая избирательная комиссия Ирака **(**НИКИ, позднее переименована в Независимую высшую избирательную комиссию**)**[236]. НИКИ получила полномочия выступать арбитром избирательных споров и могла налагать штрафы на политические организации за преступления, связанные с выборами. ЗУГИПП же предписывал проведение выборов в переходное Национальное Собрание Ирака до конца января 2005 г., техническим организатором с надзорными функциями за которыми стала НИКИ.

---

[234] Learning From Iraq: A Final Report from the Special Inspector General for Iraq Reconstruction // Global Securtiy.org. 03.2013. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.globalsecurity.org/military/library/report/2013/sigir-learning-from-iraq.pdf (last visited: 08.10.2017).

[235] BBC Profile. Iyad Allawi. [Электронный ресурс] // BBC Profile. 27.03.2010. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/3757923.stm. (дата обращения: 09.11.17).

[236] Allawi A.A. The Occupation of Iraq: Winning the War, Losing the Peace. USA: Yale University Press, 2007. P. 335.

Таким образом, образованный Временной коалиционной администрацией (подразделение Пентагона США) ВУСИ принял ЗУГИПП, который определял будущий механизм избирательного процесса для Ирака. Именно эта ситуация подвела к тому, что на выборах 2005 г. а) Ирак представлял собой единый избирательный округ б) места распределялись путем пропорционального представительства на основе национальных списков. Эксперт Майкл Рубин назвал такую систему ущербной для Ирака, поскольку парламентарии оказывались привязаны не к конкретному округу, а к партийным спискам. Вместо того, чтобы отвечать перед избирателями того или иного города, парламентарии должны были только оставаться лояльными партийным лидерам[237]. Кроме того, отказ от проведения выборов по нескольким округам мог привести (и привел) к отсутствию представительства меньшинств в некоторых районах страны. На выборах 2005 г. фиксировалось отсутствие механизма защиты прав этноконфессиональных меньшинств. При наличии локальных избирательных округов представительство меньшинств было бы возможно при любом раскладе, в рамках же единого национального округа риск потери прав оказался велик из-за недостаточного количества голосов в пересчете на проценты на национальном уровне.

Выделяют четыре основных компонента избирательной системы: вид избирательной системы; механизм распределения мест (математическая формула подсчета для распределения мандатов); число мандатов, приходящихся на данный округ; структура избирательного бюллетеня (голосование за партию по закрытым спискам или конкретного кандидата)[238]. Как было отмечено ранее, избирательная система Ирака в период выборов в Национальное собрание 2005 г. была основана на пропорциональном представительстве. Избирательный округ был единым – вся территория Ирака, в то время как список кандидатов от партий оставался закрытым, а сами избиратели голосовали в бюллетене только за партии. Это позволило партиям и их лидерам самим формировать списки во временный

[237] Rubin M. Iraq: Iraq's Electoral System: A Misguided Strategy [Электронный ресурс] // The Middle East Forum. 2004. Режим доступа: https://web.archive.org/web/20061214002339/http://www.meforum.org/article/634. (дата обращения: 15.12.2018)
[238] Al-Rikabi H. Reforming the Electoral System in Iraq. Baghdad: Al-Bayan Center for Planning and Studies, 2017. P. 5.

парламент страны. Для распределения мест использовался метод наибольшего остатка (или метод Хэйра-Нимейера).

275-местное Национальное собрание (НС) было избрано в условиях оккупации и согласно ЗУГИПП. Члены Национального собрания затем должны были избрать президента НС (или спикера), который не имел бы возможности голосовать, и двух его заместителей. Членам НС предписывалось выбрать президента государства, который вместе с двумя своими вице-президентами образовывал Президентский совет, в чьи полномочия входило ветирование любого решения НС. Тем не менее НС получал возможность обойти вето Президентского совета двумя третями голосов членов Национального собрания. Президентский совет назначал премьер-министра и его кабинет, все члены которого, как и сам премьер-министр, должны были быть утверждены Национальным собранием. Однако ключевой задачей НС стала подготовка проекта конституции Ирака.

2.3. Конституция 2005 г. – юридическая основа формирования новой государственности и правящей элиты

Согласно статье 2 ЗУГИПП, Национальное собрание должно было подготовить проект постоянной конституции Ирака не позднее 15 августа 2005 г., который в свою очередь должен был быть вынесен на референдум не позднее 15 октября 2005 г. Из состава членов НС был создан *конституционный комитет* (первоначально 55 человек, затем количество членов комитета было расширено за счет арабов-суннитов – бойкотировали выборы начала 2005 г., но их представительство было необходимо), председателем которого стал Хумам Хаммуди (шиит). Но даже конституционный комитет не смог согласовать все вопросы, включая моменты, касающиеся федерализма, и этот орган был заменен неформальной рабочей группой из 6 человек (Совет лидеров), который доводил условия новой конституции и завершил ее проект за три дня до референдума. В итоге в конституции существовали расплывчатые формулировки, которые

предполагали уточнения в виде принятия отдельных законов. Обозреватели отмечали, что такая спешка могла стать «бомбой замедленного действия», заложенной в основе государственного устройства страны[239].

Еще до референдума, 5 октября 2005 г. в «Официальной газете», был опубликован *«Закон о выборах № 16 от 2005 г.»*[240]. Согласно Ст. 1 Закона, его принятие предписывало порядок выборов в 1. Совет представителей; 2. Национальное собрание в случае применения пункта Е Ст. 61 ЗУГИПП; 3. Национальные парламенты регионов, советы провинций и местные советы, если Законом не указано иное. Одновременно «Закон о выборах» 2005 г. в конце текста прописывал отмену действовавшего ранее и принятого «в исторический период при особых обстоятельствах» Временной коалиционной администрацией «Указ № 96 от 2004 г.». Подписали этот новый Закон президент Ирака Джалял Талабани (курд) и два вице-президента Гази Аджиль аль-Явар (суннит) и Адель Абдель Махди (шиит). Тем не менее даже этот «Закон о выборах» был принят в условиях доминирования в стране положений ЗУГИПП и до принятия новой и постоянной конституции Ирака.

ЗУГИПП также предписывал принятие постоянной конституции на референдуме при условии, что за нее бы проголосовали большинство иракцев, при этом не более двух третей избирателей в любых из трех провинций Ирака высказались бы против ее принятия. Этим последним фактом во многом были недовольны шиитские политические силы, поскольку при недостаточном количестве голосов в населенных суннитами провинциях процесс был бы подорван. Конечно, это означало бы необходимость поиска компромиссов с суннитским населением, но новые власти находили пути для обхода этого время- и трудозатратного процесса в условиях сложных договоренностей даже среди самих шиитских политических сил. Две населенные арабами-суннитами провинции двумя третями голосов действительно проголосовали против. Но ЗУГИПП это

---

[239] Беленькая М. «Поспешная» конституция Ирака, или Бомба замедленного действия [Электронный ресурс] // РИА Новости. 09.08.2005. Режим доступа: https://ria.ru/20050809/41122261.html (дата обращения: 16.01.2019).

[240] Закон о выборах № 16 от 2005 г. (ред. от 5.10.2005) (на араб. 2005 لسنة (16) قانون الانتخابات رقم) [Электронный ресурс] // Wiki.dorar. 2005. Режим доступа: http://wiki.dorar-aliraq.net/iraqilaws/law/19502.html. (дата обращения: 16.12.2018).

допускал, и конституция была принята. Согласно процедуре, если бы проект конституции не был принят или Национальное собрание так и не смогло бы договориться, оно должно было бы быть распущено, что привело бы к последующим новым выборам в Национальное собрание (и/или еще большему насилию, чего опасались многие в Ираке, включая религиозного лидера шиитов Али ас-Систани).

Согласно утвержденной в *октябре 2005 г. постоянной конституции Ирака*[241], законодательная власть должна была состоять из двух элементов – Совета представителей и Совета Федерации. Совет представителей «состоит из определенного числа членов, образуемого в пропорции 1 представитель от 100000 иракских граждан… Они избираются посредством прямого тайного общего голосования». Но, как отмечалось ранее, Совет представителей издает закон, «регулирующий требования к кандидату, к голосующему и ко всем лицам, принимающим участие в выборах». Стоит отметить и запрет совмещения членства в Совете представителей с любой другой государственной должностью. Совет Федерации же должен был быть учрежден «с целью включить представителей от областей и административных округов, не объединенных в области». Для образования Совета Федерации двумя третями членов Совета представителей должен был быть принят закон, регулирующий устройство СФ. Но этот ключевой для любого государства федеративного типа орган в Ираке так и не был образован, что только добавило проблем с региональным представительством в центре.

Следуя международным стандартам, действующая иракская конституция от 2005 г. гарантирует избирательные права, как, например, в Ст. 20 конституции закрепляется право избирать и быть избранным[242]. Конституция предусматривает 25-процентную квоту мест для женщин в Совете представителей (СП) Ирака и

---

[241] Конституция Ирака 2005 г. (на араб. دستـور جمهـورية العـراق) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета представителей (парламент) Ирака. 2005. Режим доступа: https://ar.parliament.iq/العراقي-الدستور/ (дата обращения: 18.12.2017).

[242] Al-Rikabi H. Reforming the Electoral System in Iraq. Baghdad: Al-Bayan Center for Planning and Studies, 2017. P. 4

участие всех социальных групп населения[243]. Кроме того, в Ст. 47 конституции признается право за СП издать закон, который регулировал бы электоральный процесс, включая требования к избирателю и кандидату[244]. Это предполагает возможность изменения правил и процедуры электорального процесса парламентариями (чем они не раз пользовались). Первые выборы (согласно «*Закону об управлении государством Ирак в переходный в период» (ЗУГИПП)* в условиях отсутствия конституции) прошли в соответствии с пропорциональным типом избирательной системы, а избирательным округом считался весь Ирак (после принятия конституции 2005 г. все выборы проходили при делении Ирака на избирательные округа, каждый из которых соответствовал административно-территориальному делению Ирака – провинциям). Но избирательная практика «нового» Ирака испытывала влияние правил, привнесенных еще в оккупационный период.

2.4. Парламент 2005 г.: партийный, этнический и конфессиональный состав. Победа шиитского блока

До 2003 г. Ирак находился де-факто в условиях доминирования одной лидирующей партии – Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ/Баас). Другие политические силы Ирака могли существовать только в рамках специально созданной властями структуры – Прогрессивного национального фронта (ПНФ). Но ПНФ не был альтернативой Баас и находился под полным контролем властей. В этих условиях подпольно или за границей зарождались иные силы, которые не видели для себя места в рамках существовавшей, по сути, однопартийной модели для иракского государства.

Динамика электорального процесса в постсаддамовский период испытывала зависимость от двух ключевых факторов: запрета на деятельность бывшую при С. Хусейне руководящей партии Баас и усиления образованных вне правового поля

---

[243] Закон об управлении государством Ирак в переходный в период (на араб. قانون ادارة الدولة العراقية للمرحلة الانتقالية) [Электронный ресурс] // Wiki.dorar. 2004. Режим доступа: http://wiki.dorar-aliraq.net/iraqilaws/law/20670.html. (дата обращения: 15.11.2018).

[244] Al-Rikabi H. Reforming the Electoral System in Iraq. Baghdad: Al-Bayan Center for Planning and Studies, 2017. P. 4

до 2003 г. антирежимных политических сил и их доминирование в новый период. Представители последних сначала вошли в создаваемые оккупационными силами «иракские» структуры. Партийная принадлежность состоявших в контрэлите личностей «дооформлялась» зачастую в дальнейшем к выборам 2005 г.

Первые иракские выборы *января 2005 г. в Национальное Собрание* проходили в условиях оккупации и нарастания насилия. Тем не менее стремление временных властей Ирака и американцев заключалось в создании постоянных органов власти при закреплении своих ролей в будущем политическом процессе, для чего выборы были необходимым инструментом легитимации. Складывавшаяся после свержения С. Хуссейна система образовывалась на многопартийной основе, что в условиях постоднопартийной организации общества приводило к перегибам – наличия большого числа карликовых партий, отсутствия налаженных механизмов взаимодействия партий, влияния на политический процесс религиозных и этноконфессиональных элементов и др. Кроме того, резко выросло влияние радикальных политических сил религиозного толка, что представляется логичным в условиях снижения уровня жизни населения, ухудшения экономического положения, увеличения уровня безработицы. Всего 12 партий получили места в парламенте по итогам первых иракских выборов. Но только три из них доминировали и действительно могли влиять на процесс принятия политических решений – Объединенная иракская коалиция, Демократический патриотический курдский альянс (ДПКА), Иракское национальное согласие (ИНС).

На первых выборах в Национальное собрание (переходный парламент) страны 30 января 2005 г. победил шиитский блок «Объединенная иракская коалиция» (ОИК) (см. Приложение 1), получив 140 мест из 275 в парламенте переходного периода. Второе место осталось за блоком объединенных курдских партий Демократический патриотический курдский альянс (ДПКА), состоявшего как из Демократической партии Курдистана (ДПК) во главе с Масудом Барзани, так и Патриотического союза Курдистана (ПСК) Джалала Талабани с 75 местами. Третьей крупнейшей политической силой (шиитской, но со светским видением)

стала партия «Иракский список» (ИС) на тот момент временного премьер-министра Айяда Аляуи с 40 местами[245]. Таким образом, на первых выборах в условиях оккупационного периода к власти пришли бывшие в оппозиции Саддаму Хусейну и составлявшие контрэлиту (за рубежом) лица, став в основе формирования самого механизма процесса создания и рекрутирования новой элиты Ирака.

Победившая «Объединенная иракская коалиция» была весьма неоднородным образованием. Блок состоял из в основном исламистских сил шиитского толка при руководящей роли Высшего совета исламской революции в Ираке (ВСИРИ) влиятельной семьи религиозных деятелей аль-Хаким. Составными элементами ОИК стали ВСИРИ, организация Бадр, партия исламского призыва «Даава», Даава – Ирак, Партия исламской добродетели (Муктады ас-Садра), движение Хизбулла в Ираке, Исламский союз иракских туркман и получавший еще до свержения С. Хусейна финансирование американцев Иракский национальный конгресс (ИНК) Ахмада Чалаби (См. подробнее в Таблице №4). Считалось, что ОИК получил поддержку шиитского духовного лидера Ирака Али ас-Систани.

Получивший второе место на январских выборах 2005 г. блок курдских партий *Демократический патриотический альянс Курдистана* (ДПАК) также состоял из организаций, созданных задолго до свержения С. Хусейна. В ДПАК входили Демократическая партия Курдистана (ДПК), Патриотический союз Курдистана (ПСК), Исламский союз Курдистана, Коммунистическая партия Курдистана, Партия трудящихся Курдистана, Демократическая Социалистическая Партия Курдистана, Курдская демократическая национальная партия. Среди них ключевыми были ДПК (традиционно со штаб-квартирой в столице Иракского Курдистана Эрбиле) и ПСК (базирующийся в Сулеймании).

Согласно временной и постоянной конституциям Ирака, курдам удалось продвинуть концепцию федерализма для будущего Ирака. Так, курды получили

[245] Сапронова М.А. Иракская конституция в прошлом и настоящем (Из истории конституционного развития Ирака). М.: Институт Ближнего Востока, 2006. С. 87.

возможность сформировать собственное региональное правительство, где три провинции – Дохук, Эрбиль, Сулеймания – объединялись в единый Курдский автономный район. В КАР принимаемые на федеральном уровне законы могли подвергаться поправкам, сохранялась внутренняя система безопасности (так, ключевой силой безопасности для КАР были не федеральные силы, а Пешмерга – традиционный орган курдских боевых отрядов времен борьбы с Саддамом Хусейном)[246].

Для курдов в 2005 г. были важны выборы как в Национальное Собрание Ирака, так и в Национальное Собрание Курдистана – отдельный парламент КАР. У курдов Ирака уже был опыт проведения выборов в 1992 г. – в период после объявления ими образования КАР в 1991 г. Эти выборы многими считаются первыми демократическими выборами как на территориях расселения курдов, так и в целом в Ираке. Однако, как было отмечено выше, ввиду разногласий к 1996 г. стороны – ДПК и ПСК – развязали боевые действия друг против друга, что удалось преодолеть в 1999 г. благодаря вмешательству США. В постсаддамовский период итоги выборов в Национальное собрание Курдистана 2005 г. составили следующую картину: из 123 мест парламента КАР 61 мандат получили ДПК, 48 – ПСК, 10 – Курдский исламский союз, 4 – остальные партии. Выборы проходили по избирательным округам, где каждая из трех курдских провинций – избирательный округ, на который приходится по 41 месту в курдский парламент. Несмотря на то, что ПСК выиграли большинство голосов, поданных за партию, ДПК выиграл большинство мест в парламенте во многом ввиду большего присутствия в провинции Дохук. Тем не менее ДПК и ПСК шли на выборы единой коалицией – Демократическим патриотическим альянсом Курдистана (90% мест парламента Курдистана), что обеспечило им победу над остальными курдскими силами. По итогам выборов Национальное Собрание Курдистана выбрало Масуда Барзани, сына муллы Мустафы Барзани, на пост президента КАР.

[246] Katzman K. The Kurds in Post-Saddam Iraq. CRS Report RS22079. Congressional Research Service, 2010. P. 32.

По итогам январских выборов 2005 г. в Национальное Собрание Ирака курдский альянс ДПАК стал вторым, набрав 26% голосов и получив 75 мест. Такой расклад позволил курдам провести назначение лидера ПСК Джаляла Талабани в президенты Ирака. Это также стало возможным ввиду неформализированных договоренностей. Курдские силы негласно договорились между собой о том, что пост президента страны по итогам выборов будет занимать представитель ПСК, в то время как президентом Курдского автономного района (КАР) становился бы представитель ДПК. Одновременно с этим на всех последующих выборах арабские политические силы Ирака также ожидали результатов договоренностей между курдскими силами по вопросу избрания президента страны.

Составленный преимущественно из членов антисаддамовского движения «Иракское национальное согласие» (ИНС) Айяда Аляуи коалиция «Иракский список» (ИС) получила по результатам выборов 40 мест, став третьей по влиянию политической силой в стране. ИНС также существовал с 1991 г. и входил в американский список «демократических оппонентов» режима С. Хусейна, что позволило ему получать финансовую поддержку США. На начальном этапе ИНС финансировался Саудовской Аравией с дополнительным участием в этом Великобритании. Кроме того, социальной базой ИНС можно назвать светских деятелей, служивших и в армии Саддама Хусейна. Ключевым подходом ИНС в 1990-е гг. было стремление добиться военного переворота путем переманивания на свою сторону представителей армейских кругов и спецслужб. Постепенное охлаждение отношений американцев с Иракским национальным конгрессом вело Вашингтон к усилению поддержки ИНС, результатом чего считается продвижение Айяда Аляуи на пост временного премьер-министра и сохранение его позиций в поствыборный период.

Тем не менее репрезентативность выборов января 2005 г. оказалась поставленной под сомнение. Сами выборы проходили в тяжелейших условиях и при их бойкоте со стороны существенной части суннитского населения страны, что привело к минимальному представительству интересов этой группы населения (не

удивительно, что сунниты оказались маргинализованны: в политическом процессе отсутствовали крупнейшие суннитские политические силы, как Иракская исламская партия (бойкот), ответвление ассоциации «Братьев-мусульман» (организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ) в Ираке и сторонники Саддама Хусейна, приверженцы партии Баас (были объявлены вне закона) во главе с Ибрахимом Иззатом ад-Дури). Шиитские же политические силы оказались очень разнообразны и неоднородны, с различными политическими интересами при участии и влиянии сторонников радикального направления[247]. Таким образом, выборы не отразили реальное положение дел в стране и этноконфессиональную ситуацию, в то время как трения сохранялись и внутри других групп.

Согласно ЗУГИПП, Национальное Собрание избирало президентский совет, который состоял из президента и двух вице-президентов. Первым президентом Ирака был избран курдский лидер Джаляль Талабани, а вице-президентами стали шиитский политик Адель Абдель Махди и суннит Гази аль-Явар. Позднее, 5 мая 2005 г. было сформировано Иракское переходное правительство (ИПП) во главе с лидером победившей партии «Даава» (Призыв) Ибрахимом аль-Джаафари, которого поддерживал шиитский духовный лидер страны Али ас-Систани. При этом считается, что жена И. аль-Джаафари является родственницей Али ас-Систани[248]. И. аль-Джаафари исполнял свои обязанности до 30 мая 2006 г. На фоне политики американцев в Ираке и укрепившегося влияния Ирана антиамериканские и антииранские настроения у определенной части иракского населения продолжали усиливаться. В отличие от суннитских религиозных деятелей, призывавших бойкотировать выборы, А. ас-Систани приветствовал их. Отсутствие реальных механизмов суннитского представительства в новоизбранных властных органах, как и их маргинализация, подвели эту часть общества к радикализации и

---

[247] Сапронова М.А. Иракская конституция в прошлом и настоящем (Из истории конституционного развития Ирака). М.: Институт Ближнего Востока, 2006. С. 88.

[248] Первые леди после арабской весны (на араб. السيدات الأوائل بعد الربيع العربي) // Аль-Бауаба. URL: https://www.albawaba.com/ar/slideshow/السيدات-الأوائل-العالم-العربي--492822 (дата обращения: 21.10.2018).

подпаданию под влияние идей аль-Каиды в Ираке (АКИ) (организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ).

Вслед за принятием постоянной конституции Ирака 15 октября 2005 г. последовали выборы 15 декабря 2005 г. в Совет представителей Ирака – постоянный парламентский орган страны. Из 275 мест наибольшее количество мандатов вновь досталось ОИК – 128 (41,2% голосов) и ДПАК – 53, но появилась и новая сила – Иракский фронт согласия (ИФС) с 44 местами в парламенте (См. Приложение 2). Парламент был созван на заседание 16 марта 2006 г. После месяца переговоров вместо нежелавшего уходить со своего поста Ибрахима аль-Джаафари премьер-министром был назначен Нури аль-Малики (шиит), компромиссный кандидат и вице-премьер[249].

Ключевым событием выборов в декабре 2005 г. стало участие в них суннитских представителей, а конкретнее – ИФС. ИФС включал в себя в основном суннитские политические силы – Иракскую исламскую партию (ИИП) во главе с Тариком аль-Хашими, Конференцию иракского народа под руководством Аднана ад-Дулайми и Собрание народного будущего во главе с суннитским политиком Зафиром аль-Ани. Авангардом ИФС стала ИИП, эволюционировавшая из движения иракских «Братьев-мусульман». Бойкот выборов суннитским населением после свержения Саддама Хусейна привел к тому, что Иракская исламская партия стала основной силой совета провинции Анбар с 2005 г., а также была представлена в парламенте. По итогам выборов в декабре 2005 г. Тарик аль-Хашими занял пост вице-президента Ирака до 2009 г., А. ад-Дулайми – главы фракции в парламенте, а спикером парламента стал также член ИФС – Махмуд аль-Машхадани.

Несмотря на то, что выборы в декабре 2005 г. прошли успешнее январских выборов в плане участия суннитских политических сил, до полного возвращения суннитов и их интеграции в политический процесс было далеко. На декабрьских

[249] Trumbull C. P. IV, Martin J.B. Elections and Government Formation in Iraq: An Analysis of the Judiciary's Role // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 44/2. 2011. P. 331-88.

выборах также стало очевидным усилившееся стремление иракцев голосовать за партии, которые представляли их общины (курдов, арабов-шиитов или арабов-суннитов). Влияние светских сил – например, представленные Национальным иракским списком Айяда Аляуи — ослабевало (хотя Список получил 25 мест)[250].

Выводы:

Основную роль в определении механизмов формирования новой иракской элиты, строительства институтов, избирательного процесса играла Временная коалиционная администрация (ВКА) – созданный в 2003 г. американцами оккупационный орган для управления Ираком, – а также ее консультативный орган – Временный управляющий совет Ирака (ВУСИ), в который вошли бывшие оппозиционеры режиму Саддама Хусейна. Эта контрэлита была разделена на внутреннюю и внешнюю. Внешняя, в свою очередь, дробилась на кланы, ориентированные на страны их проживания до 2003 г. (Иран, Великобритания, США и др.). Пришедшие к власти и проживавшие за рубежом бывшие в оппозиции Саддаму Хусейну лица стали в основе формирования нового механизма рекрутирования иракской элиты.

Конституция 2005 г. становится юридической базой для интеграции отдельных лиц и групп в новую иракскую элиту. В этот период значительная часть иракского законодательства продолжала испытывать зависимость от норм, существовавших при Саддаме Хусейне, однако переход к декларируемой «демократии» требовал кардинального изменения всего законодательства, регулировавшего избирательный процесс. Сам избирательный процесс, в свою очередь, испытывал сильное внешнее влияние и проходил в рамках менявшихся под каждый электоральный цикл избирательных законов.

Электоральный процесс этого периода выявил усилившееся стремление иракцев голосовать за партии, которые представляли их общины (курдов, арабов-шиитов, арабов-суннитов), а светские силы (как представленные Национальным иракским списком Айяда Аляуи) теряли свое влияние, что продемонстрировали

[250] Hiltermann J.R. Elections and Constitution Writing in Iraq, 2005. Middle East at the Crossroads, 2006. P. 40.

результаты выборов декабря 2005 г. При этом, несмотря на возвращение суннитских политических сил, которые с 2003 г. в основном бойкотировали выборы, их интеграция в политический процесс была ограничена в т.ч. дебаасификацией.

ГЛАВА 3. Избирательный процесс и формирование государственных структур (2005-2020 гг.)

3.1. Укрепление юридической базы новой власти и ее использование новой элитой для борьбы с оппонентами

15 декабря 2005 г. состоялись выборы в Совет представителей, а 16 марта 2006 г. было проведено первое заседание членов Совета, завершившее переход от временного парламентского органа оккупационного периода – Национального собрания – к уже юридически постоянному и де-юре независимому. Тем не менее стоит отметить, что, несмотря на принятие новой конституции, проведение выборов в новый парламентский орган состоялось по «Закону о выборах № 16», принятому Национальным собранием в оккупационный период при верховенстве ЗУГИПП. Согласно новым порядкам, Совет представителей избирался на четыре года. Количество мест на выборах в Совет представителей декабря 2005 г. сохранилось тем же, что и у Национального собрания января того же года – 275. Однако были внесены некоторые изменения в избирательный процесс. Так, сохранился пропорциональный тип избирательной системы, но Ирак больше не был единым избирательным округом – каждая провинция формировала избирательный округ (всего – 18 округов). Такой подход распространился на все последующие выборы в Ираке в 2010, 2014 и 2018 гг. Партийные списки на выборах 2005 г. так и остались закрытыми, но был несколько модифицирован метод распределения мест в парламенте (хотя и за основу был также взят метод наибольшего остатка Хэйра-Нимейера). Образование 18 избирательных округов стало существенной реформой, позволившей выровнять значение и вес каждого поданного голоса на уровне всей страны.

Однако основным принципом избирательной системы должна быть сменяемость или обеспечение справедливых и внятных отношений между избирателями и кандидатом. Закрытый характер формирования списка лиц от

партий в парламенте по итогам выборов, что предполагало лояльность этих лиц партийным лидерам, не давал избирателям возможности узнать о своих непосредственных кандидатах до выборов. Кроме того, среди причин применения закрытых списков были вопросы безопасности – кандидатов таким образом защищали от убийств (что часто происходило в этот период с политическими деятелями). Тем не менее ответственность кандидатов в условиях закрытых списков была только перед партией, и само население не могло привлечь их к ответственности и сменить. В этом плане избирательная система также эволюционировала уже на следующих выборах.

Оказывающие давление на иракскую элиту США серьезно подошли к направлению выборов 2010 г. в Ираке в нужное русло. Президент США Барак Обама стремился подготовить все условия, чтобы вывести большую часть своих сил из этой страны[251]. Сам процесс начался еще при втором сроке Джорджа Буша-мл., но Б. Обама был последователен в своем стремлении обеспечить проведение выборов в Ираке в 2010 г. и вывести американский контингент до конца 2011 г. Американцы подготавливали почву и стремились проводить «институционализацию нового иракского режима» при нерешенных проблемах и террористической активности их противников[252]. Соответственно, было необходимо завершить войну с террористическими организациями и различными иракскими группировками и достичь этноконфессионального примирения при интеграции арабов-суннитов в правовое поле Ирака. Этот процесс постоянно подрывался. Среди повлиявших на избирательный процесс законодательных инициатив стоит отметить особую роль принятого *12 января 2008 г. «Закона об ответственности и справедливости»* (не был подписан вице-президентом страны Тариком аль-Хашими (суннит), но в итоге был принят).

«Закон об ответственности и справедливости» смягчал ограничения некоторых групп населения, что позволило полагать, что Ирак движется по пути

---

[251] Willams T., Izzi S. Iraq Passes Crucial Election Law. The New York Times. 8.11.2009. Mode of access: www.nytimes.com/2009/11/09/world/middleeast/09iraq.html.

[252] Тимофеев И.Н. Политика США в области безопасности: проблемные направления и тенденции // Безопасность России – 2011. Экспертно-аналитическое обозрение. М.: ИД Критерий, 2010.

национального примирения[253]. По Закону, около 30000 бывших баасистов четвертого ранга могли восстановить свои рабочие места (известно, что низшие ранги в основном занимали шииты), а также 3500 баасистам должны были быть начислены пенсионные выплаты. Тем не менее Закон дозволял судебное преследование бывших баасистов и запрещал им восстанавливаться на службе в системе безопасности Ирака[254]. После принятия закона иракский дипломат Фейсал Амин аль-Истрабади заявил о том, что дебаасификация, которая реализовывалась после свержения партии «Баас» в 2003 г., зачастую обретала черты десуннификации, тогда как новый закон, хоть и, по его мнению, вселял надежды, тем не менее, многое зависело от его непосредственного претворения в жизнь[255].

Формулировки в Законе позволили позднее близким премьер-министру Н. аль-Малики иракским официальным лицам, как считается, использовать его для того, чтобы избавляться от политических оппонентов и сводить старые счеты. Дебаасификация использовалась в качестве инструмента, чтобы избирательно лишать большое количество людей работы в органах безопасности или не допускать определенные лица до выборов[256]. Н. аль-Малики использовал этот ресурс, не допуская в правовое поле политических оппонентов (в основном суннитов), но дебаасификация не касалась его собственных сторонников, которые ранее также состояли в партии Баас[257].

На выборах 2010 г. при сохранении пропорциональной системы было принято решение сделать сами списки полуоткрытыми. Такой подход позволил избирателям голосовать за конкретных кандидатов, а не только за их партийную аффилиацию. Перед выборами 2010 г. Совет представителей Ирака 6 декабря 2009

---

[253] Юрченко В.П. Военно-политическая обстановка в Ираке (январь 2008 года) / сайт Института Ближнего Востока. 06.02.2008. Режим доступа: http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/06-02-08c.htm (дата обращения: 10.03.2016)

[254] Cordesman, A. H. Withdrawal From Iraq: Assessing the Readiness of Iraqi Security Forces. Washington, D.C.: The Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2009. P. 38.

[255] Foreign Policy Interview with Feisal al-Istrabadi. Seven Questions: The De-Bremerification of Iraq // Foreign Policy. 16.01.2008. [Electronic resource]. Mode of access: http://foreignpolicy.com/2008/01/16/seven-questions-the-de-bremerification-of-iraq/ (last visited: 11.09.17).

[256] Cordesman A. H. Withdrawal From Iraq: Assessing the Readiness of Iraqi Security Forces. Washington, D.C.: The Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2009. P. 38

[257] Al-Ali Z. How Maliki Ruined Iraq // Foreign Policy. Washington, D.C., 19.06.2014. [Electronic resource]. Mode of access: http://foreignpolicy.com/2014/06/19/how-maliki-ruined-iraq (last visited: 11.03.16)

г., основываясь на положениях п. 2, ст. 59; п. 5-а, ст. 138; и ст. 94 Конституции Ирака, принял *«Закон №26 от 2009 г. по изменению закона о выборах №16 от 2005 г.»*[258]. Ввиду ежегодного прироста населения Ирака на 2,8% в каждой провинции и миграции иракские законодатели приняли решение об увеличения числа мест в Совете представителей с 275 до 325. Из 325 парламентариев 310 избирались по пропорциональной системе, а 15 мест являлись компенсационными и распределялись между кандидатами, которые не получили достаточного числа голосов в округах, для чего в 2010 г. использовался метод наивысшего среднего. Новый закон также обеспечивал места для меньшинств, среди них — пять мест для христиан, распределенных по провинциям Багдад, Найнава, Киркук, Дохук и Эрбиль; одно место для сабеев-мандеев в провинции Багдад; одно место для шабаков в провинции Найнава[259]. Кроме того, интерес представляет и то, что в самом законе отмечалось, что положения статей разделов 6 и 7 *«Закона о выборах в советы провинций, када и районов № 36 от 2008 г.»*[260] применяются и к выборам в Совет представителей. В целом, по провинциям распределение мест в Совет представителей было следующим[261]:

Провинция	Число мест в парламенте (-15 комп.)
Багдад	68
Найнава	31
Басра	24
Ди Кар	18
Бабиль (Вавилон)	16

[258] Закон № 26 от 2009 г. по изменению закона о выборах № 16 от 2005 г. (قانون تعديل قانون الانتخابات رقم (16) لسنة 2005). [Электронный ресурс] / Официальный сайт Совета представителей (парламент) Ирака. 2005. Режим доступа: http://arb.parliament.iq/archive/2009/12/28/قانون-تعديل-قانون-الانتخابات-رقم-16-لسن/ (дата обращения: 18.12.2018)

[259] Иракский Закон о выборах (قانون الانتخابات العراقي). [Электронный ресурс] / Al-Jazeera. 9.11.2009. Режим доступа: https://www.aljazeera.net/news/arabic/2009/11/9/قانون-الانتخابات-العراقي (дата обращения: 18.12.2018)

[260] Закона о выборах в советы провинций, када и районов № 36 от 2008 г. (قانون انتخاب مجالس المحافظات و الأقضية والنواحي رقم (36) لسنة 2008). [Электронный ресурс] / Официальный сайт Совета представителей (парламент) Ирака. 13.10.2008. Режим доступа: http://arb.parliament.iq/archive/2009/12/28/قانون-تعديل-قانون-الانتخابات-رقم-16-لسن/ (дата обращения: 18.12.2018)

[261] Новый Закон о выборах Ирака (قانون الانتخابات العراقي الجديد). [Электронный ресурс] // Al-Jazeera. 7.12.2009. Режим доступа: http://arb.parliament.iq/archive/2008/10/13/قانون-انتخاب-مجالس-المحافظات-و-الأقضي/ (дата обращения: 18.12.2018)

Сулеймания	17
Анбар	14
Эрбиль	14
Дияла	13
Киркук	12
Салах ад-Дин	12
Наджаф	12
Васит	11
Аль-Кадисия	11
Майсан	10
Дохук	10
Кербала	10
Аль-Мусанна	7

Таким образом, при проведении выборов в Совет представителей Ирака 2010 г. произошли дальнейшие изменения в пользу более справедливой репрезентативности: была применена пропорциональная избирательная система в рамках 18 избирательных округов с использованием открытых списков кандидатов и преференциальным голосованием избирателей. Однако оставались недовольные процессом принятия новых правил, особенно учитывая давление американцев на иракских законодателей. Будучи депутатом в тот период, Салех аль-Мутлак (суннит) отмечал, что американцы больше настаивали на определенных датах, чем на «объективности своих решений»[262].

Парламентские выборы 2014 г. технически закрепили основные сложившиеся положения избирательной системы в постсаддамовский период. Утвердилась пропорциональная система, где провинции составляли избирательные округа и сохранялись полуоткрытые списки. Тем не менее были и изменения. Так,

[262] Willams T., Izzi S. Iraq Passes Crucial Election Law / The New York Times. November 8, 2009. [Electronic resource]. Mode of access: www.nytimes.com/2009/11/09/world/middleeast/09iraq.html.

согласно новому *Закону о выборах № 45***,** число мест в парламенте увеличилось с 325 до 328. Изменился порядок распределения мест как по провинциям, так и по методу. Прямыми выборами получали места 320 человек, компенсационные места отсутствовали, но вместо этого еще по одному месту получили провинции Сулеймания, Кербала, Эрбиль, Дияла, Ди Кар, Дахук, Басра, Багдад, Бабиль, Анбар. Новый метод распределения мест помогал решить проблему с репрезентацией меньших партий.

Выборы 2018 г. также проходили по пропорциональной системе и при провинциях в качестве избирательных округов, но открытых списках партий. Распределение мест базировалось на модифицированном методе Сент-Лагю. Сам по себе метод Сент-Лагю не дает преимуществ крупным партиям, но модификация, заключающаяся в введении коэффициента, поднимает их вес. В Ираке этот коэффициент составил 1,7. Таким образом, не допускалось занятия мест малыми партиями. На выборах 2018 г. добавилась еще одна квота для этноконфессиональных групп меньшинств, доводившая их число с восьми на предыдущих выборах до девяти. Так, фейли-курды из провинции Васит получили одно место к уже зарезервированным мандатам для христиан (ассирийцы, пять мандатов), мандеев, йезидов и шабаков (по одному месту). В итоге количество парламентариев составило 329 человек.

3.2. Парламентские выборы 2010 г., 2014 и 2018 гг.: борьба этноконфессиональных групп за представительство и новое соотношение сил в органах власти

К парламентским выборам 2010 г. в Ираке зародилась новая сила, ставшая участником политического процесса, – модифицированный «Иракский список» или альянс «Аль-Иракийя». «Иракский список» характеризовали как единственную крупную светскую политическую силу Ирака. Возглавил эту коалицию Айяд Аляуи, и альянс представлял собой светскую коалицию различных

сил страны[263]. «Аль-Иракийя» в 2010 г. провела мощную предвыборную кампанию в Ираке. Агитация проходила на нерелигиозной основе, и это позволило привлечь голоса как шиитов, так и суннитов. Считается, что основной электорат «Аль-Иракийи» составило население Ирака умеренных и либеральных взглядов. В марте 2010 г. «Иракский список» получил 91 место в парламенте страны против 89 у их главного конкурента – правившей на тот момент коалиции «Правовое государство» Нури аль-Малики. При этом если «Иракский список» получил 12 мест с шиитских регионов, то «Правовое государство» не получило ни одного с суннитских провинций[264]. Многое зависело от позиции третьей политической силы – Национальной иракской коалиции (70 мест) во главе с бывшим премьером И. аль-Джаафари, которая включала таких деятелей как А. аль-Хаким, Х. аль-Амири, М. ас-Садр, А. Чалаби.

Все более действия премьер-министра Н. аль-Малики продолжали разобщать суннитские политические силы в условиях выхода американцев из Ирака в 2011 г. Премьер-министру удалось развалить противостоявшую ему коалицию, но это также создало множество рисков государству и его положению. На следующий за выходом американских сил из Ирака день, 19 декабря 2011 г. Верховный суд Ирака выдал ордер на арест наиболее высокопоставленного суннитского политика в стране и вице-президента Тарика аль-Хашими, которого затем приговорили к смертной казни[265]. Он сумел ее избежать, поскольку находился в Эрбиле, посетив впоследствии с визитом Катар и получив в итоге убежище в Турции. Ситуация ухудшалась чистками в силовых структурах и других государственных органах, в результате которых влиятельные сунниты лишились своих мест и позиций. «Суннитам, лишенным возможности отстаивать свои права в парламенте (там прочное шиитское большинство), судах (они полностью подконтрольны Аль-Малики) и руководстве страны, откуда изгнаны их представители, пришлось

---

[263] Зинин Ю.Н. Ирак после парламентских выборов 2010 года: этно-цивилизационный срез // Вестник МГИМО Университета. 2011.

[264] Iraq's Secular Opposition: The Rise and Decline of Al-Iraqiya / International Crisis Group. Brussels/Baghdad, 2012. Report N°127. P. 2.

[265] Iraq VP Tariq al-Hashemi sentenced to death // BBC News. September 9, 2012. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.bbc.com/news/world-middle-east-19537301 (last visited 25.11.2019).

выбирать между двумя основными путями. Наиболее радикальные еще активнее стали пополнять ряды террористических организаций, а сторонники мирных методов устроили бессрочную акцию протеста у города Рамади в западной провинции Анбар. В конце 2012 года они разбили свои палатки и шатры прямо на шоссе, связывающем Багдад с западными границами страны»[266]. Эти события, по сути — политический кризис, были названы самими его участниками «иракской интифадой» 2012-2013 гг.[267] Правительство Н. аль-Малики ответило жесткими мерами подавления протестов, что подвело ситуацию к радикализации. И без того еле ощущавшийся хрупкий баланс между этноконфессиональными группами был нарушен.

Парламентские выборы 30 апреля 2014 г. проходили в условиях нараставшего насилия[268]. Мобилизовавшись под руководством Н. аль-Малики, коалиция «Правовое государство» получила 92 места в парламенте, оставив позади своих конкурентов. Ключевым среди них был блок «аль-Ахрар» (34 места) Муктады ас-Садра, находившегося в оппозиции и наращивавшего свое влияние не только на массы, но и институционально. Замыкала тройку лидеров коалиция «аль-Муватын» («Гражданин») во главе с лидером Высшего исламского совета Ирака (ВИСИ) Аммаром аль-Хакимом, получившая 29 мест.

Важным событием для выборов 2014 г. по сравнению с предыдущими выборами в 2010 г. стал распад блока «Аль-Иракийя». Входившие в его состав партии шли отдельными списками. Так, Айяд Аляуи возглавил коалицию «аль-Ватанийя» (21 место), Усама ан-Нуджайфи шел во главе «аль-Муттахидун» (23 места), а Салех аль-Мутлак – «аль-Арабийи» (10 мест). Курдский альянс разделил

---

[266] Яковина И. Из шейха возгорелось пламя. В Ираке началось суннитское восстание [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 10.01.2014. Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2014/01/10/isil/ (дата обращения: 23.09.2018).

[267] Мамедов Р.Ш. Пропаганда ИГИЛ (запрещена в РФ) в Ираке на фоне политического кризиса 2012-2014 гг. [Материалы коллоквиума "Молодежь в мировом исламистском движении", состоявшегося 15 июня 2016 года в Институте Африки Российской академии наук. Видеосъемка проведена в рамках проекта "Исследования политических процессов в Азии и Африке"] // YouTube. 28.06.2016. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=Bc61iw0eysE (дата обращения: 23.03.2018).

[268] Блок иракского премьера Нури Малики лидирует на выборах [Электронный ресурс] // BBC News Русская служба. 19.05.2014. Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/rolling_news/2014/05/140519_rn_iraq_maliki_elections.shtml (дата обращения: 23.03.2018).

места между ДПК (получила 25 мест), ПСК (21 место) и партией «Горран» во главе с Нуширваном Мустафой, получившей 9 мест *(Приложение 3).*

Политический кризис 2012-2014 гг. предшествовал и создавал условия для распространения организации «Исламское государства в Ираке и Леванте» (ИГИЛ, организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ), которые вылились к потере правительством в Багдаде контроля за Северо-Западом страны. Правительству Ирака и его союзникам удалось подавить ИГИЛ и вернуть контроль за утерянными ранее территориями к концу 2017 г. Объявленная в конце 2017 г. победа Ирака над террористической организацией ИГИЛ не могла не привнести изменений в политический процесс. Ираку хватило полного электорального цикла (четыре года) для того, чтобы перевести борьбу с террористами с открытых боевых столкновений в подполье. Однако спящие ячейки ИГИЛ ещё сохраняли способность оперировать в самых разных регионах страны. Пресечение деятельности ИГИЛ было основной задачей вооруженных сил Ирака. Тем не менее принципиальной стала способность достичь национального примирения политических сил страны, где интеграции представителей суннитских интересов во властных структурах сохраняло свою актуальность. На повестке дня встал и «курдский вопрос», когда в сентябре 2017 г. лидер Иракского Курдистана Масуд Барзани продавил решение о проведении референдума о независимости на подконтрольных Эрбилю территориях. До самих выборов часть политической элиты Ирака, включая Нури аль-Малики, критиковали премьер-министра страны Х. Аль-Абади за слабость и допущение такой ситуации. Такое положение подрывало позиции удачно балансировавшего между Вашингтоном и Тегераном премьера и усиливало его противников в борьбе за власть накануне выборов 2018 г. Х. Аль-Абади получил полную поддержку американцев и иранцев. США и Иран, как и в вопросе борьбы с ИГИЛ, выступили на стороне центрального правительства в Багдаде, выразив неудовольствие действиями властей Иракского Курдистана. Это сподвигло Багдад провести военную операцию по восстановлению суверенитета Ирака и даже вернуть под свой контроль большую часть т.н. спорных территорий,

ключевым из которых стал богатый нефтяными месторождениями г. Киркук. Такая потеря для курдов, по сути обозначившая провал референдума, вскрыла раскол в элите Иракского Курдистана между кланами Барзани и Талабани, переживавшим разделенность после смерти бывшего президента Ирака Джаляла Талабани, однако обозначил начало нового этапа консолидации власти центрального правительства и даже рост националистических настроений.

Несмотря на то, что майские *парламентские выборы 2018 г.* были проведены не без скандалов и обвинений в подтасовках, они были признаны Верховным судом Ирака с незначительными корректировками. Главным событием ещё до голосования стал расколы в коалиции «Правовое государство» и в правящей с вторжения американцев в Ирак после 2003 г. партии «Призыв». По итогам выборов 2018 г. *(см. Приложение 4)* большинство мест в парламенте получила коалиция «Саирун» («Идущие»), что дало ей преференциальные позиции при формировании будущего правительства. Саму коалицию возглавил лидер движения садристов, влиятельнейший религиозный авторитет Муктада ас-Садр, что не мешало его движению базироваться на националистической и антикоррупционной повестке. Тем не менее не раз обвинявшаяся в связях с Ираном коалиция «Фатх» («Завоевание»), занявшая второе место, уступила садристам только несколько депутатских мест. Именно то, что в Ираке так и не сложилась сила, получившая бы решающее большинство в парламенте, подвело Саирун и Фатх к поиску удобных партнеров для формирования правительства. Однако было ясно, что даже крупнейшим игрокам придётся договариваться с менее влиятельными силами.

Атмосфера разделённости внутри этноконфессиональных групп позволила изменить политический ландшафт в Ираке. Правящая до 2018 г. коалиция «Правовое государство» продолжала оставаться в кризисе. Из рядов этой коалиции проявилось два течения, в которые свободно могли войти члены партии «Даава» по своему желанию (таково было решение совета руководства партии). В итоге на выборы вышли две коалиции во главе с двумя бывшими премьерами Ирака от

Даавы: Правовое государство (аль-Малики сохранил руководство и название) и Наср (Победа) Х. аль-Абади. Х. аль-Абади удалось привлечь множество голосов в среде суннитов в Мосуле, в основном благодаря поддержке со стороны бывшего популярного министра обороны в его правительстве Х. аль-Обейди (представителя племени Обейд). Разделенной на две части бывшей правящей партии необходимо было искать возможности для формирования альянсов, поскольку каждая из них сама по себе оказалась бы слаба для продвижения своего кандидата на пост премьер-министра. В преддверии выборов Наср Х. аль-Абади склонялся на сторону образования коалиции с М. ас-Садром. В свою очередь Нури аль-Малики сближался с коалицией Фатх Х. аль-Амири. Как и в прошедшие электоральные циклы внутри шиитских политических сил с одной стороны находился реформистский М. ас-Садр, а с другой консервативный Н. аль-Малики[269]. Но ситуация выглядела теперь иначе для Н. аль-Малики, во многом он считался неприемлемой фигурой, его позиции ослабли, и только нахождение в одном стане с Х. аль-Амири гарантировало ему конкурентное преимущество (такой альянс оказался достаточно прочным, поскольку институциональное влияние на правовые органы и органы безопасности сохранялись в руках аль-Малики и аль-Амири). Та же ситуация сложилась для второго бывшего премьер-министра Х. аль-Абади. Ему было необходимо искать коалиции, поскольку собственные позиции и электоральная база оказались достаточно слабы.

Возвращался интерес к светским силам, которые ранее могли даже не проходить в парламент. Во многом поэтому Муктада ас-Садр и его команда пытались взаимодействовать со светскими силами, имея целью перенять идею светскости и технократизма. Отметим важную роль в планировании предвыборной стратегии племянника Муктады Ахмада ас-Садра, получившего образование в Бейруте и ставшего важной фигурой для клана Садров.

[269] Mansour R. Iraq's 2018 government formation: unpacking the friction between reform and the status quo. LSE Middle East Centre report. London: Middle East Centre, LSE, 2019. P. 11.

Безусловным фактором, изменившим условия игры в предвыборный период, стало формирование коалиции садристов с Иракской коммунистической партией. К.М.Труевцев отмечает: «Понимаете…политические силы ищут возможность расширения плацдарма перед выборами. И он [Муктада ас-Садр] за счет коммунистов получил широкий плацдарм, который позволил ему работать; причем не только среди шиитов, но и среди суннитского населения и других... Нужно различать активистов и то, как голосует избиратель. Избиратель, как я однажды писал в одной своей работе, голосует тактильно. Поэтому для избирателя курдского, где всегда были сильны симпатии к коммунистам (потому что курды долго возглавляли компартию)… это могло повлиять на тех, кто был не доволен и кланом Барзани, и кланом Талабани. Почему выбрали [коалицию Саирун]? Не потому, что они симпатизируют Садру, а потому что они симпатизируют коммунистам как межэтнической и межконфессиональной силе. Он [Садр] за их счет расширил свою электоральную базу там, где, может быть, не получил бы вообще никаких мест»[270].

Приспосабливался к новым реалиям и вставший во главе нового «Движения национальной мудрости» (Тайяр аль-Хикма аль-Уатаний или Хикма) Аммар аль-Хаким. Главным компонентом риторики А. аль-Хакима стала межконфессиональность движения, отличавша его от возглавлявшегося им ранее Высшего исламского совета Ирака. А. аль-Хаким представил новую политическую партию инклюзивной для всех слоёв иракского общества, призвав к межконфессиональному диалогу, борьбе с коррупцией, развитию институтов и т.д. Такой ход оказался грамотным и, очевидно, был сделан в рамках подготовки к выборам 2018 г. Он также позволил провести поколенческий переход в движении семьи А. аль-Хаким, открыв двери молодому поколению, как заявлялось в риторике. Однако возможен и более прагматичный расклад, побудивший к такому обновлению. Аммар аль-Хаким мог быть ограничен в своих действиях внутри партии ввиду сложившихся за десятилетия при его предшественниках реалий. Его

[270] Интервью автора с К.М. Труевцевым. Москва. 2019 г.

инициативы могли не находить необходимой поддержки у лидеров партии, соответственно, усложняли процесс принятия решений. Понимая неотвратимость наступавших изменений ввиду запросов иракского общества и стремясь не утратить свое положение в конкурентной борьбе с другими кланами и их движениями в Ираке, А. аль-Хаким решил создать новую структуру под новые тренды в обществе, убедив согласиться на это большинство влиятельных членов ВИСИ. Вне зависимости от того, что послужило причиной такого решения, клан аль-Хаким продемонстрировал адаптивность и живучесть, как и способность резко перестраиваться при сохранении своих позиций. На выборах 2018 г. новое движение А. аль-Хакима получило 19 мест в парламенте страны (на 10 мест меньше, чем на прошлых выборах получила коалиция «Граждане», но, видимо, лидеры «новой» партии «Мудрости», как и клан аль-Хаким, делали стратегическую ставку на развитие в будущем).

Суннитские политические силы оказались распылены на уровне блоков и коалиций, не обретя по итогам выборов серьезное представительство для формирования своей коалиции. Айяд Аляуи и его «Аль-Иракийя» продолжали привлекать голоса суннитов, используя риторику против конфессионализма, в свою очередь представить себя выразителем суннитских интересов все так же стремился Осама ан-Нуджайфи и его Тахалюф аль-карар аль-иракий (Коалиция Иракского Решения). Тем не менее после самих выборов иракский бизнесмен Хамис аль-Ханджар развернул деятельность по формированию парламентской коалиции «Тахалюф аль-михуар аль-уатаний» (Коалиция национальной оси) с лидером партии «Аль-Халь» (Решение) или Национального движения за развитие и реформы Джамалем аль-Карбули. В Коалицию национальной оси вошли около 50 членов парламента из различных партий. Несмотря на то, что парламентарии продолжали оставаться разделенными между коалициями «Саирун» и «Фатх», им

удалось выстроить некую суннитскую солидарность в процессе принятия решений[271].

Коалиция «Саирун» не получила большинства, что подвело её лидеров к необходимости договариваться с другими политическими силами при формировании правительства. В той же ситуации оказалась вторая по значению коалиция «Фатх», считавшаяся сформированной из бывших членов СНО и опиравшихся на ее базу. Будучи достаточно серьёзной силой для того, чтобы с ней считались, она, тем не менее, также не получила возможность определять всю повестку дня в политическом процессе в Ираке. Все это повлияло на понимание Саирун и Фатх необходимости нахождения компромисса по формированию правительства и приемлемым фигурам на ключевых государственных постах.

К компромиссу их подталкивало и изменившееся поведение масс, все более становившееся главным катализатором активных действий элит. Летом 2018 г. по Ираку, и в первую очередь в Басре, прокатилась волна демонстраций и протестов. Люди выступали против тяжелой экономической ситуации, проблем с электро- и водоснабжением, неэффективного правительства. При этом религиозные авторитеты не сразу призвали население к спокойствию.

27 июля 2018 г. на пятничной хутбе (проповедь) представляющий аятоллу Али ас-Систани шейх Абд аль-Махди аль-Карбалаи поддержал мирные протесты и их продолжение. А. ас-Систани призвал к скорейшему формированию правительства и разрешению имеющихся проблем, за которые должен будет нести ответственность следующий премьер. Риторика была интересна. Но стало понятным, что, либо кабинет А. ас-Систани стоял за организацией этой протестной активности, либо умело оседлал ее.

Первым шагом, возвестившим о начале распределения властных ресурсов, стало избрание председателя иракского Совета представителей (парламента). Им стал Мухаммад аль-Хальбуси, фигура которого, будучи представленной публике

[271]Sattar O. Third coalition arises in Iraq to vie for Sunni leadership // Al-Monitor. September 30, 2019. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2019/09/iraq-sunni-coalition-osama-nujaifi.html (last visited 24.11.2019).

первой, разрядила обстановку и показала населению стремление к обновленчеству, поскольку М. аль-Хальбуси был достаточно молодым политиком. 15 сентября 2018 г. 37-летний депутат от провинции Анбар и член партии «аль-Халь» (Решение) Мухаммад аль-Хальбуси[272] был избран большинством голосов (167) спикером парламента страны. Заседание возглавлял наиболее пожилой депутат этого созыва Мухаммад Али Зейни. Напомним, что ранее этот пост занимал влиятельный суннитский политик Салим аль-Джабури.

В целом, новым спикером парламента был доволен образовавшийся к выборам блок «Бина» («Строительство»), в которой крупнейшей силой являлась проиранская «Фатх» («Завоевание») во главе с бывшим министром транспорта и лидером движения «Бадр» Хади аль-Амири[273]. К ним примыкала на первом этапе партия «аль-Халь» во главе с Дж. Аль-Карбули. Примечательно, что и блок «Ислах» («Реформы»), ведомый победившей на выборах коалиции «Саирун», не остался без влиятельной позиции. Первым заместителем председателя парламента стал представитель от этого блока Хасан Карим. Он набрал 210 голосов, то есть получил куда больше поддержки, чем сам спикер. Первый свой визит он нанес в Кувейт, где в начале 2018 г. прошла конференция по вопросу реконструкции Ирака. Это должно было показать, что новый спикер рассчитывал на поддержку монархий Залива и был намерен заниматься вопросами послевоенного восстановления страны.

Следующим шагом стало избрание парламентом президента страны, а затем – премьер-министра *(подробнее в п. 3.3.)*. Традиционно пост президента занимал представитель одной из крупнейших курдских политических сил – Патриотического союза Курдистана (ПСК). Несмотря на существование

---

[272] Аль-Хальбуси получил инженерное образование (дорожное строительство) в университете Аль-Мустансирийя. Был членом Объединения иракских предпринимателей с 2012 г., членом парламента с 2014 г., где входил в комитеты по правам человека и финансовый, возглавил финансовый комитет в 2016-2017 гг. С 2017 г. являлся губернатором провинции Анбар. Будучи главой коалиции «Анбар – наша идентичность», снова избрался в парламент на выборах 2018 г. Аль-Хальбуси считается ближайшим соратником возглавляющего партию «Решение» известного в Ираке политика и бизнесмена Джамаля аль-Карбули (тоже из Анбара).

[273] Mansour R. Iraq's 2018 government formation: unpacking the friction between reform and the status quo. LSE Middle East Centre report. London: Middle East Centre, LSE, 2019. P. 16.

нескольких кандидатов, наиболее вероятным претендентом на это место называли бывшего вице-премьера Ирака и считавшегося проамериканским политиком Бархама Салеха (основал и входил в попечительский совет Американского университета в Сулеймании). В предвыборный год Б. Салех вышел из состава ПСК с целью образовать новое движение, привлекая на свою сторону молодёжь и демократические силы. Тем не менее его усилия не увенчались успехом, и его партия получила минимум мест в парламенте. В итоге было принято решение о реинтеграции Б. Салеха в ПСК на место заместителя секретаря Политбюро партии. Таким образом, он получил возможность претендовать и на президентскую позицию, с чем согласились большинство внутрииракских акторов.

Бархам Салех не являлся единым кандидатом от курдов, как это было с 2003 г. Свою кандидатуру на пост президента Ирака выдвинула курдский политик, бывший парламентарий из Сулеймании Саруа Абдельуахид. Она выдвигалась независимым кандидатом, называла себя не связанной с коррупционерами и в целом символизировала движение в сторону прогрессивности. Выдвижение женщины-кандидата в президенты Ирака, конечно, стало историческим событием. Тем не менее отсутствие у С. Абдельвахид необходимой для этой позиции социальной базы и поддержки политических сил сохраняло ситуацию в традиционном русле.

Само возвращение Бархама Салеха в ПСК и выдвижение его на пост президента – ход, просчитать который было нелегко. Однако ближе к выборам ситуация для него осложнилась. Курды Ирака так и не смогли согласиться на едином кандидате, что вновь вскрыло разделённость элит. Демократическая партия Курдистана (клан Барзани, Эрбиль) выдвинула на пост президента Фуада Хусейна, главу администрации президента Иракского Курдистана. Последний известен своим опытом и авторитетом как внутри страны, так и за ее пределами. Однако Ф. Хусейн не подходил на роль президента Ирака и ввиду своей поддержки референдума в Иракском Курдистане в 2017 г. Очевидно, Эрбиль и Сулеймания в последний момент достигли договорённости по вопросам распределения властных

полномочий на федеральном и региональном уровнях. Бархам Салех в итоге получил пост президента Ирака, а Фуад Хусейн стал министром финансов[274].

3.3. Процесс формирования правительства и усиление политической борьбы за ключевой пост во властной архитектуре – должность премьер-министра

Пришедшие к власти в постсаддамовский период элиты и политические силы более не были заинтересованы в сильной центральной фигуре, которая могла бы угрожать их положению. Новые элиты перешли к попытке консенсусного принятия решений по вопросу строительства и формирования институтов государственности и официальных назначений. В этих условиях ключевой позицией в иракской властной архитектуре стало место премьер-министра страны и его кабинет, за который и разворачивалась борьба на каждом электоральном цикле.

Премьер-министр Ирака стал ключевой из трех фигур иракских лидеров, формировавших «ар-руаса ас-саляса» (формат обсуждения важных государственных вопросов президентским советом или тремя лидерами страны – по сути, они были представителями своих общин, – к которым относились спикер парламента (обычно араб-суннит), президент (курд) и премьер-министр (араб-шиит)).

По итогам выборов в марте 2010 г. Айядом Аляуи и его сторонниками была предпринята попытка потеснить альянс «Правовое государство» и снять с должности премьер-министра ***Нури аль-Малики***. Однако этого не удалось бы сделать без учета фактора способности привлечь на свою сторону Национальную иракскую коалицию (70 мест) во главе с бывшим премьером ***И. аль-Джаафари***.

В течение восьми месяцев иракцы не могли сформировать правительство. Высший федеральный суд Ирака постановил парламенту избрать спикера в период до 8 ноября[275]. Им был избран суннитский политик, глава партии «аль-Хадба»

---

[274] Беленькая М. Ирак решил вопрос о власти Новые президент и кандидат в премьеры устроили все политические силы, включая Тегеран и Вашингтон [Электронный ресурс] // газета "Коммерсантъ". 03.10.2018. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3759641 (дата обращения: 04.11.2018).

[275] Iraq Parliament to Elect Speaker on Monday // Al-Manar TV. 03.11.2010. [Electronic resource]. Mode of access: https://web.archive.org/web/20101113045423/http://www.almanar.com.lb/NewsSite/NewsDetails.aspx?id=160770&language=en (last visited 24.12.2018).

Усама ан-Нуджайфи, а президентом переизбрали Дж. Талабани. 11 ноября было сформировано правительство, в котором Н. аль-Малики удалось сохранить свой пост в результате договоренностей, но одновременно он стал развивать тактику подрыва позиций своих конкурентов. Айяд Аляуи получил пост главы Совета безопасности Ирака. Итоги борьбы за формирование правительства показали как неспособность среднего класса защитить свои интересы на фоне набиравших обороты этноконфессиональных противоречий, так и дальнейшую маргинализацию арабов-суннитов и суннитских туркман со стороны шиитского руководства страны[276].

В 2014 г. встал вопрос о новом премьер-министре Ирака, которым в итоге был избран ***Хайдер аль-Абади*** (шиит). Нури аль-Малики до последнего не собирался сдавать свои позиции и уступать место премьера, однако он был отстранен президентом Ирака, на тот момент Фуадом Маасумом (курд)и потерял поддержку шиитского духовного лидера Али ас-Систани. У Н. аль-Малики были натянутые отношения с шиитским духовным лидером с осени 2010 г., когда первый смог остаться у власти на второй срок[277]. Так, источники близкие информационно-аналитическому порталу «*Al-Monitor*» отмечали, что за 10 дней до отречения Н. аль-Малики представитель Ирана посетил в Наджафе аятоллу Али ас-Систани, где услышал вполне четкую позицию: «Нури аль-Малики не должен оставаться премьер-министром»[278].

Иран в период после выхода американцев из Ирака в 2011 г. приобретал все более серьезное влияние в Ираке. Узнав о мнении Али ас-Систани, верховный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи призвал своих сподвижников (курирующим данные вопросы помимо главы подразделения «аль-Кудс» КСИР Ирана Кассема

---

[276] Iraq's Secular Opposition: The Rise and Decline of Al-Iraqiya / International Crisis Group. Brussels/Baghdad, 2012. Report N°127. P. 2.

[277] М'амури А. Азмат уль-ахзаб аль-ислямийя ва фашлюха юрашшихан су'уд тайар ильманий фи ль-Ирак. [Кризис исламских партий и их провал объясняет подъем светских партий в Ираке], [Электронный ресурс] / Al-Monitor. 02.05.2016. Режим доступа: http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/04/failure-islamic-parties-secular-currents-potential-rise-iraq.html (дата обращения: 03.05.2016).

[278] Hashem A. How Haider al-Abadi became Iraq's next prime minister / Al-Monitor. 14.06.2014. . [Electronic resource]. Mode of access: http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/08/iraq-iran-prime-minister-alabadi-maliki.html#ixzz47zW6j7Yk (last visited: 17.03.2016).

Сулеймани секретарь верховного лидера Али Шамхани, араб по происхождению, известный своими связами в Ираке и монархиях Залива) содействовать изменениям и сыграть необходимую роль для убеждения Н. аль-Малики покинуть свой пост. У последнего было несколько альтернатив, одна из которых заключалась в принятии должности вице-президента Ирака, однако Нури аль-Малики отказался, поскольку он оставался лидером коалиции, победившей на выборах, и конституция давала ему право сформировать новое правительство[279]. В этот период рассматривались кандидатуры на пост премьер-министра, где назывались имена тяжеловесов политической жизни Ирака Адиля Абдель Махди[280], Ибрахима Джаафари, Ахмада Чалаби, Кусея ас-Сухейля и Тарика Наджема, тогда как Хайдер аль-Абади среди них не фигурировал.

Иранцы же сделали ставку на имя, которое не вызывало бы раздражение у суннитов и курдов, полагая, что приоритет должен отдаваться открытию уже перекрытых каналов с другими сторонами. Более того, они были уверены, что проблема заключалась в отсутствии доверия между конфессиями и этническими группами Ирака. Около половины членов блока Н. аль-Малики не поддержали его в намерении сохранить власть, с чем ему пришлось смириться. Он принял изменения и, несмотря на угрозы занять все важные инфраструктурные позиции в Багдаде, сложил свои полномочия[281].

В результате политических пертурбаций 2014 г. в сентябре того же года политические силы Ирака пришли к хрупкому согласию относительно формирования нового правительства премьер-министра Ирака Хайдера аль-Абади. Несмотря на это, премьер-министр Х. аль-Абади прилагал серьезные усилия для поддержания баланса как между политическими фракциями внутри самого Ирака,

---

[279] Ibid.
[280] Манафова А. Д. Нефтяная политика Ирака, 2003-2016 гг. М.: Институт Ближнего Востока, 2017. С. 103.
[281] Hashem A. How Haider al-Abadi became Iraq's next prime minister / Al-Monitor. 14.06.2014. [Electronic resource]. Mode of access: http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/08/iraq-iran-prime-minister-alabadi-maliki.html#ixzz47zW6j7Yk (last visited: 17.03.2016).

так и в отношениях с США и Ираном. Таким образом, он пытался удержать страну от более масштабного кризиса[282].

Серьезных усилий ему стоило и удерживание баланса в борьбе с ИГИЛ, поскольку только в самом Ираке против террористической группировки воевали курдские военизированные формирования Пешмерга, иракские силы безопасности и сформированные т.н. аль-Хашд аш-Шаабий («Силы народного ополчения» (СНО)). Помимо этого, в борьбе с ИГИЛ участвовали как представители Ирана, так и военные международной коалиции во главе с США. Х. аль-Абади оказался способен путем переговоров не подвести ситуацию к тому, чтобы какая-либо из сторон вывела свои силы из противостояния с ИГИЛ ввиду участия неприемлемой для нее другой стороны, что, конечно, оказалось позитивным моментом и позволило вернуть Тикрит под контроль правительства в марте 2015 г.

Х. аль-Абади необходимо было найти пути для осуществления быстрых и радикальных экономических, политических и административных реформ, к чему призывал его А. ас-Систани, выступивший на стороне демонстрантов летом 2015 г. Уже осенью того же года премьер-министр Хайдер аль-Абади и спикер парламента Салим аль-Джабури подготовили первый пакет реформ, который был утвержден иракским парламентом. Среди них были меры как по борьбе с коррупцией, ликвидации позиций вице-президента Республики и заместителя премьер-министра, так и по сокращению количества министерств, завершению выделения квот на занятие высших государственных постов по этноконфессиональному признаку, активизации судебной системы по разрешению дел в отношении коррумпированных чиновников[283].

Однако протесты и демонстрации продолжились в разных городах: иракцы продолжили призывать к реализации их требований, улучшению качества

---

[282] Аль-Казымий М. Аль-Абади аликун бейна кива мутанакида [Аль-Абади зажат между конфликтующими силами], [Электронный ресурс] / Al-Monitor. 03.09.2015. Режим доступа: http://www.al-monitor.com/pulse/ar/originals/2015/09/iraq-prime-minister-abadi-challenges-corruption-protests.html (дата обращения: 03.05.2016)

[283] Аль-Казымий М. Аль-ислах аль-Иракий амама ихтибарат сааба лякиннаха мумкина [Реформы Ирака стоят перед сложными испытаниями, но они возможны], [Электронный ресурс] / Al-Monitor. 17.08.2015. Режим доступа: http://www.al-monitor.com/pulse/ar/originals/2015/08/iraq-abadi-reform-measures-corruption-services-implement.html (дата обращения: 03.05.2017)

предоставляемых услуг, особенно в сфере электроэнергии. Умеренный подход Х. аль-Абади, который предполагал уход от конфронтации между различными политическими сторонами и создание у них чувства сопричастности к реформам и компромиссу, хоть и отвел его от значительных проблем, но не помог справиться с текущими вызовами, чего требовали демонстранты, активисты и религиозные авторитеты[284]. В своем интервью 2015 г. Али ас-Систани отмечал, что существует угроза раздела Ирака до тех пор, пока не будут проведены «реальные реформы», что говорит о том, что духовный лидер не был убежден и не признавал методы, размеры и достаточность влияния предложенных реформ.

Со временем Хайдер аль-Абади смог получить поддержку влиятельных шиитских лидеров – великого аятоллы Али ас-Систани и Муктады ас-Садра. Однако сами реформы пробуксовывали не в последнюю очередь по причине того, что партии, основанные на этноконфессиональной основе (суннитские и шиитские), боялись потерять влияние в правительстве и политическом процессе[285]. При этом против реформ высказывались такие иракские политики, как вице-президенты Айяд Аляуи и Усама ан-Нуджайфи, видя в них нарушения конституции Ирака[286].

Как набравшая наибольшее количество голосов на выборах в парламент 2018 г., коалиция Сайирун имела приоритетное право на представление претендента на пост председателя правительства. Тем не менее она не получила большинство в парламенте, поэтому ей необходимо было образовать блок с другими силами. Последнее значило, что всем сторонам приходилось идти на уступки и компромиссы.

---

[284] Аль-Казымий М. Аль-Абади зажат между конфликтующими силами (на араб. العبادي عالق بين قوى متناقضة) [Электронный ресурс] // Al-Monitor. 03.09.2015. Режим доступа: http://www.al-monitor.com/pulse/ar/originals/2015/09/iraq-prime-minister-abadi-challenges-corruption-protests.html (дата обращения: 03.05.2017).

[285] Там же.

[286] Его же. Аль-ислах аль-Иракий амама ихтибарат сааба лякиннаха мумкина [Реформы Ирака стоят перед сложными испытаниями, но они возможны], [Электронный ресурс] / Al-Monitor. 17.08.2015. Режим доступа: http://www.al-monitor.com/pulse/ar/originals/2015/08/iraq-abadi-reform-measures-corruption-services-implement.html (дата обращения: 03.05.2017)

Выход из тупика нашелся, причем не в пользу действовавшего премьер-министра Хайдера аль-Абади. Среди потенциальных претендентов называли бывшего советника премьер-министра по национальной безопасности Фалеха аль-Файяда. В предыдущем правительстве он считался ключевой фигурой для кабинета министров при взаимодействии с таким сложным для Ирака органом, как Силы народного ополчения. Эксперты говорили и о возможности возвращения партии «Даава» в политику. Не получив поддержки на своё выдвижение, бывший премьер Х. аль-Абади и его коалиция «Наср» (большая часть политиков которой вышли из Даава) могли бы вновь стать единым целом с «Правовым государством» Нури аль-Малики. На условиях того, что Даава предложила бы нового человека для премьерства – не Н. аль-Малики и Х. аль-Абади – коалиция «Фатх» была бы готова поддержать его. В этом случае они далеко обходили бы движение Муктады ас-Садра. Тем не менее в итоге был найден компромисс. За несколько дней до избрания стало ясно, что маятник качнулся в сторону считавшегося опытным политиком, бывшего министра нефти и вице-президента Ирака Аделя Абдель Махди. Поствыборный период в Ираке продолжался распределением властных полномочий и определением степени влияния внешних игроков. Но становилось все яснее, что ставшие с 2003 г. традиционными элементы иракской политики сохранялись.

В обществе возникал запрос на централизацию, поскольку все привлекательнее становилась идея сильного центрального правительства во главе с мощным премьер-министром, способным направить страну по пути реформ. В рамках борьбы с ИГИЛ появилось даже множество военных лидеров как в рядах СНО, так и в армии, которых часть иракцев могла видеть в качестве потенциальных претендентов на ключевую политическую позицию в стране. Тем не менее развернувшаяся борьба за место премьер-министра предполагала участие ключевых кланов. Традиционно кланы не были заинтересованы в сильной фигуре, поскольку в этом случае возникал риск централизации власти и ограничения их влияния.

В преддверии выборов развернулась дискуссия об идеальном типе кандидата на пост премьер-министра. Для представителей коалиции «Саирун» премьер-министр должен был быть «независимым» (внепартийным) и «технократом» (с опытом фундаментальной и практической деятельности)[287]. Для Бина во главе с Х. аль-Амири и Н. аль-Малики ключевой вопрос состоял в необходимости выдвижения премьера крупнейшей коалицией, выигравшей выборы без согласования кандидатуры с другими силами.

Одним из основных претендентов на пост премьер-министра считался продолжавший исполнять обязанности премьер-министра Х. аль-Абади. Но к четвертому году своего срока он перестал быть тем слабым и компромиссным для кланов политиком. К его заслугам относили организацию победы над ИГИЛ и поддержание баланса в отношениях Ирака с США и Ираном. Это, конечно, играло против него во внутриэлитном раскладе, поскольку сильная фигура во власти многим была невыгодна. Несмотря на первоначальную поддержку Х. аль-Абади со стороны М. ас-Садра, ряд событий влиял на постоянное ослабление позиций первого и, как следствие, ослабление к нему внимания со стороны ас-Садра. Расколы происходили в рядах коалиции «Наср», от Х. аль-Абади отходили отдельные члены его команды, например, советник по национальной безопасности в его правительстве Ф. аль-Файяд. Исследователи полагают, что в этот процесс вмешался Н. аль-Малики, сблизившийся с коалицией «Фатх» Х. аль-Амири. Нури аль-Малики традиционно использовал стратегию подрыва коалиций и связей конкурентов для продвижения себя в качестве ключевой и приемлемой фигуры. Сам он в этот раз уже не мог претендовать на пост премьер-министра, но все же привлек на свою сторону Ф. аль-Файяда[288]. Тем не менее ключевыми ударами по Х. аль-Абади стали протесты в Басре, коррупционная повестка и его публичное заявление о поддержке санкций против Ирана[289]. Последний фактор также отвел от

[287] Mansour, R. Iraq's 2018 government formation: unpacking the friction between reform and the status quo. LSE Middle East Centre report. London: Middle East Centre, LSE, 2019. P. 17.
[288] Mansour, R. Iraq's 2018 government formation: unpacking the friction between reform and the status quo. LSE Middle East Centre report. London: Middle East Centre, LSE, 2019. P. 17.
[289] Ibid. P.18.

него многих представителей элиты и сделал неприемлемым для проиранских политических сил.

Одной из наиболее удобных различным игрокам фигур стал Адель Абдель Махди**.** Именно его предложил на утверждение парламенту президент Бархам Салех, что было закулисной договоренностью между М. ас-Садром и Х. аль-Амири. Бывший некогда коммунистом и исламистом (если учитывать период его нахождения в ВСИРИ), А. Абдель Махди представлялся на момент занятия своей позиции независимым от политических сил кандидатом. Но, конечно, он был известной личностью в Ираке с 2003 г., входя практически во все правительства на различных позициях, в том числе занимая пост вице-президента Ирака и министра нефти. Он допустил возможность для ключевых политических коалиций — «Саирун» и «Фатх» — определить своих кандидатов на позиции в его правительстве, поскольку сам стал во многом зависимой от этих сил фигурой. Его фигура стала компромиссным назначением между Муктадой ас-Садром и Хади аль-Амири, более того, он получил поддержку Ирана в лице Касема Сулеймани, традиционно направлявшего политический процесс в Ираке.

Министерские посты также распределялись в рамках понимания между Ислах и Бина. Тем не менее двум крупнейшим политическим силам так и не удалось договориться о фигурах на посты глав министерств внутренних дел и обороны. На Министерство внутренних дел от Бина претендовал бывший советник по национальной безопасности и глава Сил народного ополчения Ф. аль-Файяд. Однако он был неприемлемой фигурой для блока «Ислах». Идея М. ас-Садра заключалась в назначении независимых кандидатов, что противоречило духу назначений блока «Бина», поскольку внутри он оставался разрозненным, и Х. аль-Амири было необходимо продвигать интересы тех партий и коалиций, которые вошли с ним в альянс. То же самое было с позицией министра обороны, который традиционно занимал представитель суннитского населения. Спор вокруг этой фигуры снова вскрыл этноконфессиональный характер назначений, поскольку конфликт пошел внутри блоков «Бина» и «Ислах», а точнее на кроссблоковой

основе между суннитскими представителями этих двух блоков. Эти споры проходили на фоне недовольства части элит и населения действиями правительства А. Абдель Махди. В августе-сентябре 2019 г. им было принято несколько противоречивых решений, среди которых оказалось и смещение командующего контртеррористической службой генерала Абдель Вахаба ас-Саади – героя битвы с ИГИЛ за Мосул и Тикрит – на административную должность в Министерство обороны. Это внесло вклад в дальнейшее развитие событий, и А.В. ас-Саади стал одним из символов будущих протестов[290].

Возникшие с новой силой в октябре 2019 г. массовые движения привнесли игрока, которые аналитики назвали «иракской улицей». Ввиду массовости и упорства демонстрантов, а также жесткой реакции властей, сложившаяся ситуация привела к сотням жертв и тысячам пострадавших[291]. Политический кризис правящим элитам Ирака не удавалось преодолеть в течение долгого времени. В этих условиях марджаийя (см. Глава 5) и духовный лидер шиитов Ирака Али ас-Систани, понимая неотвратимость изменений, как и неспособность элит принять решение, выступил к ним с призывом удовлетворить требования протестовавших. Однако попытки элит отреагировать казались скромными и неудовлетворительными. Уцепившийся было за свою позицию А. Абдель Махди был в итоге вынужден покинуть пост премьер-министра после очередного заявления А. ас-Систани к парламенту, которое лишило правительство А. Абдель Махди легитимности.

Несмотря на то, что фасадные изменения со сменой отдельных лидеров на отдельных постах были возможны и предсказуемы, сами постсаддамовские элиты сохранялись. Знаковым в условиях протестов для элит было только то, кто и как

---

[290] Беленькая М. Теории заговора и гнев улиц. Что стоит за кровавыми протестами в Ираке [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги. 08.10.2019. Режим доступа: https://carnegie.ru/commentary/80015 (дата обращения: 02.02.2020).

[291] Труевцев К.М. Волнения в Ираке: продолжение арабской весны или новая политическая реальность? [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 13.11.2019. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/volneniya-v-irake-prodolzhenie-arabskoy-vesny-ili-novaya-politicheskaya-realnost/ (дата обращения: 02.02.2020).

мог воспользоваться ситуацией для перераспределения ресурсов[292]. Протестанты на улицах Багдада, знаменитой площади Тахрир, не были удовлетворены обещаниями правительства А. Абдель Махди. Но гнев протестовавших был направлен не сколько против правительства, сколько против всей сложившейся с 2003 г. в Ираке политической системы, не позволявшей появиться силам, которые справились бы с предоставлением хотя бы базовых услуг населению (водоснабжение, электричество и т.п.). Кроме того, протестующих, представителей молодежи и нового поколения не интересовала риторика постсаддамовской элиты по «утверждению демократии» и «борьбы с авторитаризмом» времен С. Хусейна – на дворе уже был 2019 г. У них отсутствовал страх перед постсаддамовской системой и силами безопасности – эти люди выросли в сложных для Ирака 1990-х, 2000-х, 2010-х гг. Более того, отдельным фактором стали проявления светского национализма[293].

Понимая ущербность самой сложившейся постсаддамовской системы, протестующие требовали ухода от нее. Два слова – «мухасаса» (квоты, разделение государственных постов на этноконфессиональной основе) и «фасад» (коррупция) – стали доминирующими в риторике иракской улицы. Но засчет «мухасаса» существовала сама правящая постсаддамовская элита, не обходившаяся без коррупционной составляющей. За политическими партиями в этой системе стоят кланы и семьи, формировавшию постсаддамовскую элиту. Таким образом, она сама пересоздает и укореняет эти силы[294]. Однако часть элиты, вписанной в эту систему, откровенно использовала такие националистические настроения и ранее, например, в своей борьбе с «любителями коррупции и политической и

[292] Беленькая М. Роль уличности в истории. Протестующие в Ливане и Ираке не слушают обещаний своих правительств [Электронный ресурс] // Газета "Коммерсантъ". 30.10.2019. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4141786 (дата обращения: 02.02.2020).

[293] Исаев Л.М., Мардасов А.Г., Коротаев А.В. Протесты 2019 г. В Ираке в контексте новой волны ближневосточной дестабилизации // Сборник по итогам конференции Института Африки РАН "Перспективы стабилизации/дестабилизации политической ситуации на Ближнем Востоке и Северной Африки», 2019.

[294] Мамедов Р.Ш. Протесты в Ираке и чем опасна «мухасаса»? [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 12.12.2019. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/ruslan-mamedov/protesty-v-irake-i-chem-opasna-mukhasasa/ (дата обращения: 02.02.2020).

этноконфессиональной мухасасы» не раз заявлял Муктада ас-Садр[295]. Но в этих новых условиях стало сложнее найти компромиссную фигуру на должность премьер-министра.

Адель Абдель Махди оставался на посту исполняющего обязанности премьер-министра до формирования нового правительства. Однако новое лицо должно было быть компромиссным внутри элит, подходить политическим силам и иракской улице. Крайне тяжело было найти угодного всем кандидата. Стоит упомянуть и о региональной динамике, в которой оказался Ирак в этот период при и.о. премьер-министра А. Абдель Махди. В течение этого времени ухудшилась региональная динамика, затронувшая Ирак, ставший заложником американо-иранской эскалации декабря 2019 г.-января 2020 г.

Именно в Ираке американцы провели авиаудар, в результате которого убили только прибывшего в Багдад по приглашению иракской стороны главу подразделения «аль-Кудс» иранского Корпуса стражей исламской революции (КСИР) Касема Сулеймани. Там же был убит заместитель главы Сил народного ополчения (СНО) Ирака Абу Махди аль-Мухандис. Среди наиболее радикальных реакций в Ираке стали заявления главы одной из группировок СНО «Асаиб Ахль аль-Хакк» Кайса аль-Хазали, призвавшего к общей мобилизации сил для выведения американцев из Ирака. Одновременно стали поступать сообщения, что Муктада ас-Садр призвал к мобилизации и возвращению сил Армии Махди и Бригады Аль-Йом аль-Мауд, чтобы быть готовыми «для защиты Ирака» в случае необходимости.

Еще занимая пост исполняющего обязанности премьер-министра Ирака, Адель Абдель Махди направил письмо в парламент с просьбой созвать заседание и выступить с единой позицией Ирака в отношении конкретных условий присутствия американских сил в стране. В нем Абдель Махди отметил, что мученики К.

---

[295] Лидер Сайид Муктада ас-Садр (да сохранит его Аллах) издал важное заявление об иракской народной революции и приверженности сохранения и продолжения реформ, и отсутствии их поддержки со стороны людей слабых духом (на араб. يصدر بياناً مهما حول ثورة الاصلاح الشعبية العراقية الاصيلة لتبقى مستمرة على مسارها وعدم حرفها (أعزه الله)سماحة السيد القائد مقتدى الصدر (من قبل أصحاب النفوس الضعيفة) // Официальный сайт ас-Сайида Муктады ас-Садра. 20.04.2016. Режим доступа: http://jawabna.com/index.php/permalink/8863.html (дата обращения: 28.04.2018)

Сулеймани и А. М. аль-Мухандис были «символами победы над ИГ». Кроме того, он заявил о нарушении американцами договора с Ираком и в высшей степени осудил действия американской администрации. А. Ас-Систани назвал действия США «агрессией и нарушением суверенитета Ирака», но заявил о необходимости быть дисциплинированными в предстоящий опасный период. На срочном заседании парламент Ирака большинством принял решение (юридический статус решения, однако, предполагал его утверждение и реализацию правительством страны) и проголосовал за отмену соглашения по безопасности с США, вывод иностранных сил из страны и передачу всего вооружения под контроль государства. Иракская земля, водное и воздушное пространства должны были быть закрыты для всех иностранных военных. Однако последовала и реакция Ирана. За убийство К. Сулеймани иранцы провели серию ударов баллистических ракет по американским целям на базах в Ираке, в результате которых пострадали около 100 американских военнослужащих (но ни один не погиб, возможно, потому что американцы успели попасть в бункеры, поскольку иранцы, как считается, заранее связались с А. Абдель Махди и сообщили ему о своих планах). Американцы решили не отвечать. В дальнейших условиях ограниченных возможностей Ирана американцы продолжили продавливать в иракской элите свои предложения по продвижению на позицию премьера. Ввиду конфигурации сил в парламенте такие попытки в определенной степени поначалу были неудачны.

Сначала лидер движения «аль-Хикма» Аммар аль-Хаким и президент Ирака Бархам Салех предложили на должность премьер-министра Мустафу аль-Казыми, однако эта канидадутра сразу была отвергнута коалицией «Фатх». Две следующие канидадатуры – Мухаммад Тауфик Аляуи (см. Глава 5, считается, что имеет британское гражданство) и бывший губернатор Наджафа Аднан аз-Зурфи (считается, что был близок проамериканским силам и имел американское гражданство) – не смогли утвердить в парламенте свои предложения по формированию правительства. После этих провальных попыток политические силы вновь вернулись к кандидатуре Мустафы аль-Казыми. До того времени он

возглавлял Иракскую национальную службу разведки (созданную ЦРУ после 2003 г., перестроенную сначала Н. аль-Малики, а при Хайдере аль-Абади на позицию главы разведки был назначен уже Мустафа аль-Казыми). Иракский исследователь Фархад Ала ад-Дин отмечал, что «на протяжении политических переговоров, которые привели к успешному выдвижению Мустафы аль-Кязыми, этот процесс также отличался тем, что он был полностью иракским, практически без влияния со стороны Ирана и Соединенных Штатов. Хотя обе державы пристально следили за ходом переговоров, ни одна из них не смогла напрямую диктовать их ход»[296]. Несмотря на успешное формирование правительства и вступление М. аль-Казыми в должность премьер-министра 7 мая 2020 г., ему предстояло решить множество проблем и купировать угрозы иракской государственности. Само положение М. аль-Казыми оставалось хрупким, однако его выделяла непринадлежность к какой-либо конкретной политической силе и наработанные за время службы на посту главы разведки связи как в Вашингтоне и Лондоне, так и в Тегеране.

3.4. Проблема суннитского представительства в органах власти. ИГИЛ и радикальная суннитская оппозиция новой политической элите

После свержения режима С. Хусейна оккупационные силы оказались неспособны установить безопасность и поддерживать функционирование институтов. Существовавшие институты безопасности фактически было решено разрушить без их замещения соответствующими альтернативными органами. В стране резко возросли случаи насилия и мародерства, что привело к широкому недовольству населения. Как отмечал Т.А. Махмутов, в условиях трансформаций политические последствия маргинализации могут приобретать ряд специфических черт: «В частности, маргинальность субъектов общественнополитических отношений становится зависимой от степени развитости связей с бюрократией, близости к ее представителям. Политическая элита в этом контексте обладает

[296] Alaaldin F.Iraq's New Dawn: A New Government and A New Political Reality // Fikra Forum. The Washington Institute for Near East Policy. 11.05.2020. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.washingtoninstitute.org/fikraforum/view/Iraq-Kadhimi-government-parliament-prime-minister (last visited: 13.05.2020).

особой ролью, поскольку она образовывает так называемый “трансфер-класс”. Особенностью этого социального класса является стремление к постоянному поддержанию в обществе состояния “переходности”, обеспечивающего определенный уровень неопределенности, что позволяет данному классу осуществлять монопольное распределение ресурсов в обществе и с помощью этого оказывать влияние на функционирование политической системы». Это только вносило вклад в социально-политические противоречия, «наиболее острые из которых приобретают насильственную форму политического участия или форму политических преступлений: захват помещений, погромы, похищения людей, захват заложников, другие виды терроризма, бунт, революция»[297].

Отсутствие контроля и безопасности вносило вклад в радикализацию населения в условиях роспуска бывшей армии и спецслужб С. Хусейна. Тысячи солдат и офицеров покинули свои позиции, возвращаясь в свои дома с оружием. Часть из них наблюдали за дальнейшим развитием ситуации, поскольку намерения американцев и их союзников оставались неясны, другая часть стала формировать группировки и т.п. Радикализация подогревалась ввиду огласки случаев ненадлежащего поведения американских военных. Первые указы Временной коалиционной администрации и действия Комиссии по дебаасификации, как и характер отбора состава ВУСИ подвели суннитское население страны к осознанию того, что все эти акции дискриминировали их сообщество[298].

В этот период возможность для наращивания своей социальной базы и развития своей идеологии получила аль-Каида в Ираке (АКИ) во главе с иорданским террористом Абу Мусабом аз-Заркави. Стоит отметить, что причинами распространения и популярности АКИ среди суннитского населения стали маргинализация и, по мнению части общества, отсутствие справедливой репрезентации суннитов во власти. В сущности, этот процесс с подъемом АКИ в Анбаре можно видеть и как возникновение своеобразного треугольника

[297] Махмутов Т.А. Конвенциональные и неконвенциональные формы проявления политических последствий маргинализации в современной России: диссертация на соискание степени канд. полит. наук: 23.00.02. Уфа, 2006.
[298] Abdullah T.A.J. Dictatorship, Imperialism & Chaos: Iraq since 1989. London: Zed Books, 2006.

параллельной государственности внутренних регионов: «институты теневой экономики, изначально увязанные с традиционными социальными институтами, укрепляются посредством салафитской идеологии, с одной стороны, и джихадистской террористической практики, с другой»[299].

В 2003-2004 гг. ситуация ухудшалась в населенной преимущественно суннитами провинции Анбар и в городе Фаллуджа, где началось вооруженное столкновение между суннитскими партизанскими отрядами и оккупационными силами (Первая битва за Фаллуджу). Еще в 2003 г. в этом городе американцы дважды открыли огонь по демонстрантам, а 31 марта 2004 г. четверо контрактников частной военной компании «Блэкуотер» были убиты и повешены на мосту, кадры чего распространились в СМИ. 5 апреля 2004 г. началась американская операция «Бдительная решимость» по восстановлению контроля над городом, которая оказалась крайне кровопролитной и завершилась перемирием 9 апреля. Согласно договору, шейхи Фаллуджи соглашались на установление контроля в городе иракским контингентом, при этом американцы выводили свои подразделения из Фаллуджи. Боевики аз-Заркави, которые также участвовали в боях за Фаллуджу, вскоре осуществили акцию – смертник привел в действие взрывное устройство, находившееся в автомобиле, унеся жизни 10-х человек, среди которых двое американских солдат и Абд аз-Захра Осман Мухаммад (1941-2004), глава ВУСИ по ротации и один из видных лидеров партии Даава (шиит)[300].

Серьезный общественный резонанс получили взрывы в день «ашуры» 2 марта 2004 г. Шииты, которым было разрешено провести траур по считающемуся третьим имамом и мучеником Хусейну, сыну Али ибн Абу Талиба (важная фигура в истории ислама, четвертый праведный халиф и первый шиитский имам), не имели права на проведение этого религиозного обряда – ашуры – во время нахождения Саддама Хусейна у власти. 2 марта 2004 г. в Багдаде и Карбале во время траура

---

[299] Кузнецов В.А. Истоки и движущие силы вооруженного экстремизма и радикализации на Ближнем Востоке (на региональном уровне и на примере Туниса) // Пути к миру и безопасности. № 1 (52) Спецвыпуск: Проблемы терроризма, насильственного экстремизма и радикализации (российские и американские подходы). 2017. С. 143.

[300] Хасан Абу Хания, Мухаммад Абу Румман. Танзим ад-дауля аль-исламийа: аль-азма ас-суннийа ва ас-сира’а ала аль-джихадийа аль-‘аламийа [Организация Исламское государство: суннитский кризис и борьба за глобальный джихад]. Амман: Му’ассаса Фридрих Ейберт, 2015. С. 74

прогремели взрывы смертников и начинённых взрывчаткой автомобилей, которые унесли жизни как минимум 178 человек, более 500 получили ранения. Этот день стал одним из наиболее кровавых с момента оккупации Ирака коалиционными силами. Ответственность за теракты взяла на себя АКИ Абу Мусаба аз-Заркави. Планировал операции, однако, его полевой командир Абу Абдулла аль-Хасан бен Махмуд. Притом исполнителями стали прибывшие через территорию Сирии террористы этой группировки.

Арабы-сунниты не приняли американские подходы к строительству нового государства, которые привел к власти шиитов и курдов. Часть лидеров суннитской общины была выбита из политического процесса по обвинениям в связях с баасистами. Другая часть бойкотировала выборы и политический процесс. Так, претендовавший на роль лидера суннитов и возглавлявший Ассоциацию мусульманских ученых Харис ад-Дари призвал к национальному сопротивлению и отверг возглавляемый американцами процесс национального строительства. Многие суннитские лидеры пошли по этому пути, что привело к несерьезному и ограниченному представительству суннитов в процессе подготовки конституции. Кроме того, сунниты практически отсутствовали в первых двух ключевых для будущего государственного устройства Ирака голосованиях – в Национальное Собрание Ирака 2005 г. и в голосовании по вопросу ратификации конституции.

Взаимодействие центрального правительства и населения арабов-суннитов переживало периоды усиления и ослабления. Основной эрой взаимодействия, согласно этому паттерну, был период создания суннитского движения «Абна аль-Ирак» («Сыны Ирака») или «Ас-Сахва ас-Сунния» («Пробуждение суннитов») с конца 2007 по 2010 гг. Этому движению суннитских племен и общин удалось при поддержке американцев одержать победу над ранее развернувшимся в стране терроризмом АКИ.

Попытки американцев улучшить ситуацию к парламентским выборам 2010 г. и моменту их выхода из страны, намеченного на 2011 г., провалились. Они сделали ставку на племенные организации иракских, в первую очередь, суннитских,

регионов. Тем не менее у премьер-министра Н. аль-Малики не сложились отношения с включенным в его коалицию шейхом племенной конфедерации Дулайм Али Хатемом и лидером Сахва провинции Анбар Ахмадом Абу Ришей. Связано это было в целом с тем, что центральное правительство сокращало социально-экономическую помощь племенам, что, безусловно, рождало трения в их отношениях. Размер отчислений, выделенных правительством на реализацию объектов и предоставление помощи через шейхов, уменьшался на верхних уровнях, что отражалось как на членах племен, так и на шейхах, ослабляя способность последних предоставлять рабочие места и сохранять лояльность своих подчиненных[301].

Шейхи считали, что именно их вклад стал решающим в борьбе с аль-Каидой. Это восприятие еще более усугубляло ситуацию. По заявлению шейха Али Хатема, в первые дни борьбы в Анбаре «именно племена воевали [против аль-Каиды], в то время как полиция была на подхвате, а иракская армия просто отсиживалась»[302]. В мае 2011 г. Али Хатем публично распустил Сахву и призвал ее оставшихся бойцов покинуть поле сражения, оставляя правительство и аль-Каиду друг против друга. По мнению лидеров движения «Сахва», американцы их предали. Сначала американцы воспользовались возможностями, которые члены Сахва предложили, а затем передали их в ведение иракского правительства, по сути, оставив на произвол судьбы.

Иракский премьер-министр Нури аль-Малики, которого поддерживали Иран и США под предлогом «борьбы с терроризмом», проводил политику дискриминации, чтобы консолидировать свою власть и влияние. Он также использовал Закон о терроризме, чтобы избавляться от своих политических оппонентов и Закон об ответственности и справедливости, который заменил Закон о дебаасификации, с целью маргинализации и вывода видных суннитских политиков под предлогом того, что они сохраняли связи с командованием бывшей

[301] Cigar N. L. Al-Qaida, the tribes, and the government: lessons and prospects for Iraq's unstable. Quantico, VA: Marine Corps University Press, 2011. P.73.
[302] Ibid. P.74.

партии «Баас»[303]. При этом сама партия «Баас»продолжала действовать в подполье во главе с Иззатом Ибрахимом ад-Дури, организовавшем группировку «Джейш риджаль ат-тарика ан-накшбандийа» («Армия мужчин тариката Накшбандийа»). Связь верхушки партии «Баас» с суфийским такрикатом не отрицалась еще в период правления С. Хусейна, и именно И.И. ад-Дури (из тикритцев, как и С. Хусейн) был ключевым звеном между властью и суфийскими движениями[304].

Политический курс премьера Н. аль-Малики не только спровоцировал суннитское население, но и подтолкнул шиитскую общину к еще большему радикализму. Это культивировало у суннитов Ирака убеждение о тщетности их мирной борьбы, при этом легитимность самого иракского режима у части населения продолжала оставаться на низком уровне[305]. Пропаганда эволюционировавшей из АКИ организации ИГИЛ также внесла свой вклад в этот процесс и развила внутриконфессиональный раскол среди суннитов, когда часть их представителей пыталась найти место в правовом поле (как вице-президент Ирака Салех аль-Мутлак или братья Нуджайфи), другая часть – в подполье (те, кто ушли за баасистами и ИГИЛ).

В Багдаде развивался политический кризис, в то время как ИГИЛ же расширяло свою вербовочную базу и интенсифицировало военные операции, при этом заключая союзнические отношения с различными суннитскими группировками на базе общей «идентичности»[306] (суннитская салафитская идентичность с нетерпимостью к шиитам). Кроме того, ситуация с доминированием ИГИЛ в радикальной и оппозиционной правительству суннитской среде продемонстрировала дальнейший раскол в рядах остававшихся в подполье баасистов. Часть из них вливалась в систему функционирования ИГИЛ, в то время как лидер баасистов И.И. ад-Дури и возглавляемая им «Армия мужчин

[303] Хасан Абу Хания, Мухаммад Абу Румман. Танзим ад-дауля аль-исламийа: аль-азма ас-суннийа ва ас-сира’а ала аль-джихадийа аль-‘аламийа [Организация Исламское государство: суннитский кризис и борьба за глобальный джихад]. Му’ассаса Фридрих Ейберт: Амман, 2015. С. 165.
[304] Жантиев Д.Р. Суфии в иракском сопротивлении (2003-2011) // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 13, №4. 2011. С. 41.
[305] Степанова Е.А. ИГИЛ и транснациональный исламистский терроризм // Пути к миру и безопасности. №2. 2014. С. 22.
[306] Там же. С. 166.

тариката Накшбандийа» (составная часть «Высшего командования джихада и освобождения», также во главе с И.И. ад-Дури) могли видеть взаимодействие с ИГИЛ только тактическим и временным ввиду несовпадения как программ, так и идеологий (все же организация И.И. ад-Дури боролась за власть в рамках Ирака, и ее суфийская идеология не обладала тем же радикализмом, что идеология ИГИЛ)[307].

В 2014 г. произошло множество шокировавших иракцев и мировую общественность событий. 12 июня 2014 года террористы ИГИЛ захватили иракскую авиабазу «Спайкер» или (согласно, официальному названию) Тикритскую академию ВВС. *Camp Speicher* находился близ родного города Саддама Хусейна Тикрита. Боевики ИГИЛ, установив контроль над базой, отделили кадетов из иракцев-шиитов и немусульман от суннитов, а затем массово расстреляли около 1700 будущих летчиков. Позднее появились видеозаписи, на которых их тела сбрасывали в реку Тигр. Однако существует версия, по которой ИГИЛ так и не захватили военную базу. Старшие офицеры отпустили кадетов по домам, а те, направившись к Багдаду в гражданской форме (точнее, накинув на военную форму гражданскую одежду) оказались пойманы вооружёнными террористами, которые затем расправились с кадетами. Дело «Спайкер» потрясло весь Ирак. Многие обвинили действующего на тот момент премьер-министра Нури аль-Малики ответственным за сдачу Мосула террористам и то, что произошло на военной базе. Борьба с ИГИЛ была ознаменована широким участием в ней внешних сил, перенятием террористами риторики «глобального халифата», экспансии организации в другие регионы мира, как, например, в страны Юго-Восточной Азии или Африки[308].

---

[307] Александров А.И. О реальном влиянии баасистов на действия «Исламского государства» в Ираке [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. 24.06.2015. Режим доступа: http://www.iimes.ru/?p=24916 (дата обращения: 20.12.2017).

[308] Лукьянов Г.В. Политическая география «ДАИШ»: экспансия как стратегия выживания [Электронный ресурс] // Группа стратегического видения "Россия - исламский мир". 29.08.2019. Режим доступа: https://russia-islworld.ru/eksperty/politiceskaa-geografia-dais-ekspansia-kak-strategia-vyzivania-stata-grigoria-lukanova/ (Дата обращения: 21.11.2019).

Для иракского правительства в этот период существовали серьезные ограничители, вызванные, помимо внешнего фактора и войны с ИГИЛ, отношениями между политическими силами в вопросах распределения властных ресурсов. Эти разногласия возникали как между суннитскими и шиитскими партиями, так и внутри них. В итоге все это вылилось в спор между условно секуляристами, которых возглавил и продвигал Х. аль-Абади, и сторонниками исламистского проекта, который поддерживался Нури аль-Малики и его сторонниками, продолжавшими иметь вес в иракской политике. В иракской экспертной среде говорили о необходимости установления сильного и эффективного правительства в Багдаде для разрешения многочисленных проблем, в т.ч. между Эрбилем и Багдадом[309]. При этом многие положительно оценивали координацию действий в мосульской кампании между курдской Пешмерга, коалицией и лояльными Багдаду силами. Хотя уже тогда отмечалось, что такая координация – скорее исключение, чем правило. Кроме того, стоит отметить, что непосредственно в момент наступления ИГИЛ в 2014 г. и неспособности иракской армии дать ему отпор, иракцы запросили помощь у американцев, как и реализацию поставок военной техники по уже имевшимся на тот момент контрактам. Однако американцы медлили и не смогли эффективно выстроить такую работу. В свою очередь, контракты на поставку военной техники у Багдада были и с Москвой. В этих условиях Россия удовлетворила обращение Ирака об оперативных поставках крупных партий боевой техники (тяжелых огнеметных систем ТОС-1А, штурмовиков Су-25 и др.), что позволило Багдаду решить часть проблем и впоследствии стабилизировать фронт[310]. Исследователи отдельно отмечают роль

[309] Содержательные выводы по итогам 5-го ежегодного Международного форума, посвященного проблемам региона и его будущему после уничтожения основных сил террористической группировки ИГИЛ. Форум проходил 8.03.2017 – 9.03.2017 в г. Сулеймания (Ирак) и был открыт премьер-министром Ирака Х. Аль-Абади. На встрече выступили ключевые иракские политические и военные деятели. Так, в рамках Форума спикер парламента Ирака С. аль-Джабури положительно оценил влияние США в Ираке и на Ближнем Востоке, но отметил, что Соединенные Штаты руководствуются только своими интересами, как должен поступать и Ирак. Аль-Джабури ввел в дискуссию термин «дауля маданийя» (на рус. гражданское государство). Среди других участников Форума стоит отметить спикера от Сил народного ополчения (СНО) Ирака (аль-хашд аш-шаабий) К. Нури, подчеркнувшего особую роль СНО в борьбе с терроризмом. Этот орган позиционирует себя в качестве наиболее патриотически настроенной силы и отвергает обвинения в их адрес о нарушении прав человека.

[310] Звягельская И.Д., Сурков Н.Ю. Российская политика на Ближнем Востоке: дивиденды и издержки большой игры: рабочая тетрадь РСМД № 51/2019. М.: НП Российский совет по международным делам, 2019. С. 11.

проиранских сил в отпоре ИГИЛ и затем — в подавлении террористической активности организации (в том числе с территории Сирии)[311]. Для координации усилий по борьбе с терроризмом в сирийско-иракской кризисной зоне Россия инициировала создание координационного военного штаба (Информационного центра с участием российских, сирийских, иракских и иранских военных) в Багдаде[312].

Правительство находилось перед серьезными вызовами на пути реализации предложенных реформ, учитывая масштабы проблем в государственной структуре, дезинтеграцию институтов, путаницу и противоречивости законов, а также глубоко укоренившуюся коррупцию, включая органы правового регулирования. На фоне «утечки мозгов» во многих важных сферах за последнее десятилетие сложность продвижения реформ заключалась не только в отсутствии необходимых профессиональных и научных кадров для разрешения сложившейся ситуации, но и в желании иракских политиков принять саму философию реформ в интересах единства и общества.

В период после победы над ИГИЛ в Ираке встал вопрос о постконфликтном восстановлении, несмотря на незавершенность боевых действий. В целом, несмотря даже на проведение конференции по восстановлению Ирака в Кувейте, доноры не спешили вкладывать средства в этот процесс[313]. Будущее страны после освобождения провинции Найнава от сил ИГИЛ оставалось неопределенным. При этом военные круги выражали уверенность в победе над ИГИЛ в Мосуле, хотя и признавали, что бои в городских условиях шли крайне тяжело[314]. Иракский исследователь по вопросам безопасности и борьбы с экстремизмом Хишам аль-Хашими отмечал: «если военная битва против ИГИЛ закончилась победой

---

[311] Малышева Д.Б. Ближний Восток между турбулентностью и развитием // Свободная мысль XXI. 2018, № 5, с. 131-140.

[312] Крылов А.В., Федорченко А.В. Ближний Восток: перспективы развития региональной ситуации. Международная аналитика. №3, 2015. С. 60.

[313] Бартенев В.И. Восстановление Ирака после победы над «Исламским государством»: перспективы международного участия. // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2018. №2. С.145-192.

[314] Sowell K.H. Mosul and the Limits of State Capacity // Carnegie Endowment for International Peace. 30.03.2017. [Electronic resource]. Mode of access: https://carnegie-mec.org/sada/68464 (last visited 26.02.2020).

иракских вооруженных сил и их союзников, то война с терроризмом не завершена. Скорее, война еще продолжается с целью искоренения причин и корней терроризма и преследования его остатков и частей, спящих ячеек другими средствами, в основе чего – разведывательная деятельность и общественное взаимодействие. Это базируется на том, что основным принципом борьбы с терроризмом и насильственным экстремизмом является неприятие самого общества и сотрудничество его членов с правительством»[315]. При восстановлении контроля над всем Мосулом угроза терроризма не исчезла, а лишь принимала другие формы, как и не разрешался вопрос с национальным примирением.

Выводы:

Формировавшаяся после принятия конституции 2005 г. юридическая база политического процесса использовалась частью правящей элиты во главе с премьер-министром Н. аль-Малики для борьбы с политическими оппонентами и дистанцированию их от властных структур. Дебаасификация использовалась в качестве инструмента, чтобы избирательно лишать большое количество людей их работы в органах безопасности или не допускать определенные лица до выборов. В итоге часть лидеров суннитской общины была выбита из политического процесса по обвинениям в связях с баасистами. Другая часть хотя и пыталась интегрироваться, но испытывала зависимость от установленных ранее без ее участия условий. Эти политические деятели суннитской общины до этого бойкотировали выборы, что привело к крайне ограниченному представительству суннитов в процессе подготовки конституции и практически их отсутствию в первых двух ключевых для будущего государственного устройства Ирака голосованиях – в Национальное Собрание Ирака 2005 г. и по вопросу принятия конституции.

В дальнейшем избирательное законодательство эволюционировало в сторону большей репрезентативности, однако оно по-прежнему не позволяет проходить в

[315] Аль-Хашими Х. Организация ДАИШ в 2018 г. Иракский кейс. (на араб. تنظيم داعش عام 2018 - العراق أنموذجا). Центр международных и стратегических исследований по выработке политики, 2018. Стамбул. С. 15-16.

законодательный орган мелким партиям, вынуждая разрозненные политические силы создавать крупные коалиции перед каждыми парламентскими выборами, чему препятствовали внутриобщинные и клановые противоречия. Этим объясняются расколы таких коалиций после выборов.

Динамика электорального процесса продемонстрировала, что к 2020 г. наметился тренд на переход к социально-ориентированной риторике, при этом бывшие за пределами Ирака в саддамовский период политические деятели теряли свое влияние (хотя и оставались в политическом процессе). Тенденция на усиление технического закрепления участия этноконфессиональных меньшинств в электоральном процессе, наметившаяся в предыдущий период, получила свое развитие (в т.ч. в увеличении квот для этноконфессиональных меньшинств в избирательном законодательстве).

Взаимодействие центрального правительства и населения арабов-суннитов переживало периоды усиления и ослабления в условиях борьбы с террористическими группировками и под влиянием внешних сил. Суннитские политические силы оказались распылены на уровне блоков и коалиций, они так и не смогли добиться по итогам выборов 2005-2020 гг. серьезного представительства для формирования своей коалиции.

Электоральный процесс в этот период продемонстрировал, что политические блоки основных этноконфессиональных сил страны переживают период раздробленности, при этом принципиальной становится проблема достижения национального примирения политических сил (в условиях ухудшающегося экономического положения), где интеграция представителей суннитских интересов во властные структуры сохраняла свою актуальность.

На политическую арену вновь вышла крупная светская партия – модифицированный «Иракский список» или альянс «Аль-Иракийя», с которой начали взаимодействовать религиозные силы, искавшие возможность расширения своей социальной базы.

Политический процесс этого периода показал, что основная политическая борьба между партиями и традиционными институтами разворачивается вокруг зависимой, но ключевой позиции новой государственной архитектуры – поста премьер-министра, что требовало наличие консенсуса внутри шиитской общины. Договоренность о премьер-министре была частью более глобальных соглашений: формирование правительства, обретение контроля за тем или иным министерством давало доступ политическим партиям к бюджету, наполняемому с доходов от нефти.

ГЛАВА 4. Динамика партийного строительства: внутриконфессиональная консолидация и расколы

4.1. Объединенная иракская коалиция: формирование и дезинтеграция шиитского блока

Исламские партии (аль-ахзаб аль-ислямийя) заняли доминирующее положение после вторжения американцев в Ирак в 2003 г., но к тому моментууже имели насчитывавшую десятилетия историю. Сам термин «исламские партии» используется иракскими академиками и аналитиками в меньшей степени, нежели термин «религиозные партии» (аль-ахзаб ад-динийя)[316]. Среди этих партий мы можем отметить Партию исламского призыва (Даава), которая претендовала на представление шиитского населения.

Крупнейшим блоком, представлявшим **шиитское население страны**, стала **Объединенная иракская коалиция**. Блок включал в себя множество разрозненных партий, в которых доминировали исламские партии (аль-ахзаб аль-ислямийя) шиитского толка[317]. Среди них стоит особенно отметить Высший совет исламской революции в Ираке (ВСИРИ), партию исламского призыва «Даава», движение садристов и иракскую Хизбаллу.

Высший совет исламской революции в Ираке (ВСИРИ) был образован в 1982 г. в Иране во время ирано-иракской войны (1980-1988) из числа иракских шиитов. ВСИРИ стал полезным инструментом для иракских повстанцев в изгнании для ведения деятельности против режима С. Хусейна. ВСИРИ также обозначают в качестве зонтичной организации для разгромленной к 1982 г. С. Хусейном в Ираке партии «Даава» (основана в 1957 г. во главе с Мухаммадом Бакиром ас-Садром) и Организации исламского действия (образована в Кербеле в 1961 г. Мухсином аль-Хусейни). На момент образования ВСИРИ со штаб-квартирой в Тегеране один из представителей наиболее влиятельной семьи шиитских священнослужителей

[316]Атуф З. Партийная практика в Ираке после 2003 года... реальность и вызовы. (на араб. التجربة الحزبية في العراق بعد 2003 الواقع والتحديات..). Идрак Центр исследований и консультаций, 2018. С. 7.
[317] Там же.

Ирака Мухаммад Бакир аль-Хаким возглавил организацию и призывал к свержению баасистского режима, как и к установлению власти исламского правительства. Согласно Закону конгресса США об освобождении Ирака от 1998 г. (Iraq Liberation Act) и последовавшему указу президента США, ВСИРИ вошел в список получающих поддержку США «демократических оппонентов» режима С. Хусейна. В постсаддамовский период ВСИРИ очень быстро стал наращивать свою популярность среди шиитского населения, благодаря предоставлению населению простейших услуг и гуманитарной помощи.

В 1982 г. при поддержке лидера ВСИРИ аятоллы сейида Мухаммада Бакира аль-Хакима в Иране было основано военное крыло ВСИРИ «Бригады Бадр» (позднее более известная как «Организация Бадр») из числа перебежчиков, изгнанников и беженцев после начала ирано-иракской войны. Стоит отметить, что после свержения С. Хусейна в 2003 г. ВСИРИ в коалиции с партией «Даава» обрели власть в стране. Организации «Бадр» же сыграла важную роль в будущем Ирака, когда после 2003 г. именно ее члены вливались в Министерство внутренних дел и спецслужбы, подготавливавшиеся американцами. Позднее Бадр выступила в качестве отдельной политической силы.

Несмотря на то, что религиозно-политические движения в Ираке относят свое начало к 1950-м и 1960-м гг., как, например, партия исламского призыва «Даава» (1968-1969), наиболее опасная оппозиция иракским властям развилась в период ирано-иракской войны 1980-1988 гг. Так, лидеры Даавы, ставшей партией власти в Ираке после 2003 г., находились до того в изгнании (в основном в Иране) в результате репрессий со стороны С. Хусейна[318]. Идейный вдохновитель партии «Даава» и влиятельнейший шиитский богослов Мухаммад Бакир ас-Садр открыто поддержал исламскую революцию в Иране 1979 г. и призвал следовать иранскому примеру, бросив вызов партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ).

[318] Schmidt S. Shia-Islamist political actors in Iraq. Who are they and what do they want? Copenhagen: Danish Institute for International Studies, 2008. P. 21.

Именно за свою политическую деятельность он и его сестра Амина ас-Садр, предположительно, пострадали от действий режима.

После 2003 г. партию «Даава» возглавил проживавший в изгнании в Лондоне (а до того – в Иране) шиит Ибрахим аль-Джаафари, который занял пост премьер-министра в 2005 г. Позднее он уступил его заместителю председателя партии Нури аль-Малики. Партию «Даава» можно охарактеризовать как исламистскую шиитского толка, однако находившиеся у ее руля лидеры до определенного момента пользовались поддержкой наиболее влиятельного шиитского лидера Ирака великого аятоллы Али ас-Систани. С подачи последнего Даава входила в коалиции с ВСИРИ и другими в основном шиитскими политическими силами, что и обеспечивало ей преимущество при принятии политических решений на различных уровнях. Тем не менее между ВСИРИ и партией «Даава» существовали серьезные идеологические различия. Если ВСИРИ открыто поддерживал идеи хомейнизма – правления улемов (мусульманских ученых), то Даава видела истоки власти в правлении уммы – мусульманского общества. Во многом иракские мусульманские ученые зачастую поддерживали именно последний подход ввиду комплексности составных элементов иракского общества, где шииты не составляли абсолютного большинства и существовала необходимость механизмов обеспечения прав меньшинств.

Ключевой частью ОИК можно назвать движение садристов – последователей молодого шиитского клерика и выходца из влиятельной семьи Садров Муктады ас-Садра. Садристы шли в списке ОИК как в качестве независимых кандидатов, так и как часть образованной в 2003 г. после свержения С. Хусейна Партии исламской благодетели («Фадиля»). Помимо этого, отдельным списком вне ОИК шла и связанная с М. ас-Садром партия «Национальные независимые кадры и элиты» (получила 4 мандата). Муктада ас-Садр был знаменит тем, что с установлением оккупационного режима американцев в Ираке призвал своих сторонников к оружию против оккупантов. Из его последователей была сформирована Армия Махди, действия которой стоило американцам сотен жизней их солдат. Бои между

оккупантами и Армией Махди завершились благодаря вмешательству аятоллы Али ас-Систани. Впоследствии движение садристов стало влиятельной силой в парламенте и явилось представителем шиитских общин юга и центра Ирака, болотных арабов и заселенного ими багдадского района Садр-Сити[319] (в честь оппозиционного режиму и пострадавшего от него отца Муктады ас-Садра Мухаммада Мухаммада Садыка ас-Садра). При режиме С. Хусейна этот район заселялся болотными арабами и иронично назывался «Саддам-Сити», поскольку олицетворялся с «бедностью, что принес Саддам Ираку». Армия Махди с течением времени обретала все больший вес в структурах безопасности и по своему влиянию вышла на уровень с организацией «Бадр».

Муктаду ас-Садра поддерживал шейх влиятельного племени Аль-Бу Мухаммад Абдель Карим аль-Мухаммадави. Он возглавил иракскую Хизбуллу, социальной базой которой стали болотные (озерные) арабы. После свержения С. Хусейна американцы позволили А. К. аль-Мухаммадави занять место мэра города Эль-Амары – граничащей с Ираном столицы провинции Майсан.

Исламский союз иракских туркман (ИСИТ) присоединился к ОИК на выборах января и декабря 2005 г. ИСИТ состоял преимущественно из туркман-шиитов и был образован в 1991 г., принимая участие в переговорах с другими политическими группами в изгнании и антирежимных акциях за десятилетие до падения режима в 2003 г. Генеральным секретарем Союза в изгнании в период правления С. Хусейна был Натик Аббас Хасан аль-Байяти, который после 2003 г. избирался в парламент и был членом конституционного комитета. Заместитель генсека ИСИТ Джасем Мухаммад Джаафар также присоединился к оппозиции в 1976 г., за что позднее был приговорен к смерти властями в 1981 г. Бежав и находясь в изгнании в Иракском Курдистане, содействовал основанию ИСИТ. После 2003 г. занимал посты министра строительства и министра молодежи и спорта (при премьер-министре Нури аль-Малики).

---

[319] Миняжетдинов И.Х. «Балканизация Ирака»: факторы воспроизводства и распространения политического насилия // Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). М.: Институт востоковедения РАН, 2015. С. 263.

В ОИК входил и Иракский национальный конгресс (ИНК), или конференция (аль-муатамар аль-ватаний аль-иракий) – движение было создано по итогам войны в Заливе 1991 г. во главе с математиком и светским лидером с американским гражданством Ахмадом Чалаби (шиит). Считается, что ИНК с момента основания в 1992 г. получало финансирование и во многом опиралось на поддержку американского ЦРУ, став инструментом в руках последнего по формированию оппонентов режима С. Хусейна. Действуя в качестве зонтичной организации, ИНК смог провести несколько заседаний с участием влиятельных антирежимных сил, включая ВСИРИ, Даава, ДПК, ПСК и др. Среди лидеров ИНК того периода стоит выделить главу ДПК Масуда Барзани, шиитского религиозного клерика Мухаммада Бакра аль-Улюма, бывшего генерала иракской армии Хасана Накиба, монархиста Шарифа Али бен аль-Хусейна. Однако ввиду внутренней разрозненности и после начала боевых столкновений между ДПК и ПСК американцы отдалились от этого проекта, и ИНК стал распадаться. Американцы было поддержали Иракское национальное согласие (ИНС) А. Аляуи, но впоследствии А. Чалаби смог добиться внимания Пентагона и стать информатором администрации США. К 2003 г. ИНК все так же получал финансирование Вашингтона и международных доноров, как и сохранял масштабные возможности для осуществления лоббистской деятельности в США при принятии решений в отношении Ирака. Это позволило А. Чалаби в постсаддамовский период аккумулировать американскую поддержку, но и быть принятым другими бывшими оппонентами режима. На декабрьских выборах 2005 г. ИНК вышла из состава ОИК и шла отдельным списком, что резко ухудшило позиции партии – ИНК не получила ни одного места в парламенте.

Линии раскола шиитских сил можно прочертить по движениям, формировавшимся внутри и вне Ирака в период нахождения у власти С. Хусейна. Отдельным элементом тех сил, что зарождались в стране, стало движение садристов. После свержения С. Хусейна в 2003 г. и до весны 2004 г. формируется военное крыло садристского движения – «Джейш аль-Махди» («Армия Махди»).

Американцы видели в возвышении садристов угрозу для своих планов в Ираке. Цепь событий привела к открытому восстанию, которое подняла Армия Махди против войск американцев. 28 марта 2004 г. коалиционные силы закрыли главную садристскую газету «аль-Хауза» и арестовали помощника Муктады ас-Садра Мустафу аль-Якуби[320]. Восстания начались через несколько дней в Багдаде, Кербале, Наджафе и Куфе. Тяжелые бои продолжались в течение двух месяцев – обе стороны терпели серьезные потери.

В конце мая 2004 г. ввиду проведения переговоров между коалиционными силами, иракским правительством и садристами наступило некоторое затишье, продлившееся, однако, недолго. В начале августа сражения развернулись с новой силой, боевики Армии Махди использовали святые для шиитов места – мечети, места поклонения, – что осложняло задачу американским военным[321]. В итоге последователи Муктады ас-Садра были окружены в считающемся шиитами священным городе Наджафе, где они скрывались в усыпальнице Имама Али. До 26 августа 2004 г. сторонам окончательно договориться не удавалось, пока не наступило следующее крайне важное событие в истории Ирака.

После проведенной в Лондоне операции на сердце великий аятолла Али ас-Систани прилетел в Кувейт, откуда перебрался в Басру. А. Ас-Систани встретили как великого лидера – многие сравнивают его прибытие в Ирак с прибытием аятоллы Хомейни в 1979 г. в Иран, – где к нему стекались тысячи людей. 26 августа А. Ас-Систани в сопровождении масс выдвинулся в сторону Наджафа, где коалиционные войска и садристы зашли в тупик. Для разрешения ситуации А. ас-Систани был призван, как полагали некоторые, главой временного правительства Айядом Аляуи[322]. По прибытии в Наджаф ему удалось разрешить проблему: Армия Махди сложила оружие и прекратила сопротивление, а американцы вывели свои

---

[320] Cochrane M. The Fragmentation Of The Sadrist Movement. Washington: Institute For The Study of War, 2009. P.6.

[321] Cochrane M. Jaish al-Mahdi / Washington: Institute For The Study of War, 2009. [Electronic resource]. Mode of access: http://www.understandingwar.org/jaysh-al-mahdi (last visited: 23.12.15).

[322] Адас Б. Тахлиль Ихбарий. Ас-Систани маа Аляуи дыдда ас-Садр уа Иран хазратуху мин табрир иктихам ан-наджаф [Анализ новостей. Ас-Систани с Аляуи против ас-Садра. Иран предостерегает о том, что штурм Наджафа не может быть оправдан]. [Электронный ресурс] // Газета «ад-Дустур». 26.08. 2004. Режим доступа: http://www.addustour.com/13667/تحليل%20اخباري:%20السيستاني%20مع%20علاوي%20ضد%20الصدر%20وايران%20حذرته%20من%20تبرير%20اقتحام%20النجف.html (дата обращения: 23.12.15).

силы из Наджафа, также снимая ответственность с М. ас-Садра за произошедшее. Временное правительство Айяда Аляуи гарантировало его неприкосновенность[323].

Другим примером внутришиитского раскола можно назвать операцию правительственных сил, и конкретно Н. Аль-Малики, в 2008 г. в Басре по усмирению басрийских группировок и установлению контроля правительства. До 2008 г. Басра управлялась местными кланами, военными формированиями с участием бойцов из «Армии Махди» Муктады ас-Садра. Багдадское правительство провело операцию по зачистке Басры от неправительственных вооруженных формирований в основном исключительно силами недавно образованной иракской армии и преданными премьер-министру подразделениями. Нури аль-Малики лично прибыл в Басру и наблюдал за ходом операции. По ее результатам неправительственные группировки оказались потеснены, но не разбиты. Басра частично перешла под контроль центрального правительства. С Муктадой ас-Садром было заключено очередное перемирие, и он продолжил оставаться в правовом поле, приобретая политические дивиденды.

Правящий блок шиитов участвовал в выборах 2005 г. в одном списке – партии шли от Объединенного иракского альянса, поддержанного Али ас-Систани. Как замечал Ф. А. Джаббар, «на выборах 2010 г. список разделился на два блока. К выборам 2014 г. те, кто стремились представлять шиитскую общину, далее разделились на четыре блока, в дополнение к еще восьми меньшим группам»[324]. В 2010 г. ранее единый шиитский Объединенный иракский альянс разделился, и отдельные его части вошли в условно более светский блок «Аль-Иракийя» и условно консервативно-исламистский блок «Правовое государство» (оба блока включали в себя и меньшие силы различной природы и направленности)[325]. К 2014

---

[323] Dougherty B.K., Ghareeb, E.A. Historical Dictionary of Iraq. Lanham-Toronto-Plymouth: Scarecrow Press, Inc., 2013. P. 576.

[324] Jabar F.A. The Iraqi protest movement: from identity politics to issue politics. LSE Middle East Centre papers series (25). London: LSE Middle East Centre, 2018.

[325] Ад-Дабагх А. Настроение общественности изменилось. Считаете ли Вы, что нахождение иракских исламских партий в «светскости» - спасательный круг? (на араб. هل تجد الأحزاب الإسلامية العراقية في «العلمانية» طوق نجاة؟ مزاج الجمهور تغير..) [Электронный ресурс] // Sasapost. 07.07.2017. Режим доступа: https://www.sasapost.com/will-the-islamic-parties-in-iraq-succeed-in-recycling-themselves/ (дата обращения: 08.08.2018).

г. костяк представлявших шиитов политических сил составили четыре блока – Правовое государство, Аль-Ахрар, Аль-Муватын, Аль-Ватанийя (вышла из Аль-Иракийи). Таким образом, даже сам подсчет коалиций на выборах разных электоральных циклов позволяет отследить эволюцию дезинтеграции внутри главного иракского блока – шиитского. Дезинтеграция происходила ввиду разделения интересов политических групп элит разрозненной шиитской общины и их разным отношением к светскости в государстве.

4.2. Эволюция курдских партий и их представительство в федеральных органах власти

На выборы в федеральный парламент ключевые курдские партии Ирака входили в составе единой курдской коалиции. Курдский блок в парламенте был представлен Демократическим патриотическим альянсом Курдистана. Как и партии, вошедшие в ОИК, ДПАК тоже стал конгломератом из нескольких партий, имевших десятилетия своей истории. Двумя ключевыми партиями Альянса стали Демократическая партия Курдистана (ДПК) и Патриотический союз Курдистана (ПСК).

ДПК был образован в 1946 г. в городе Мехабад в иранском Курдистане в условиях вытеснения иракских курдов из страны иракским правительством. После начала Второй мировой войны и ввода советских войск на север Ирана у СССР возник интерес к иранским курдам. Москва с удовлетворением встретила известие о создании в начале 1946 г. Мехабадской Республики в Иране. Во главе новой республики, как и иранской Демократической партии Курдистана (И-ДПК), встал иранский курдский лидер Кази Мухаммад. Именно командующим вооруженными силами Республики стал будущий легендарный лидер иракских курдов мулла Мустафа Барзани, традиционной социальной базой которого был его многочисленный клан Барзани и отдельные кланы горных районов исторического расселения курдов на севере Ирака. После вывода советских войск с севера Ирана и уничтожения Мехабадской Республики (не просуществовавшей и года) иранцами М. Барзани со своими последователями прорвался через границу в СССР, где

получил убежище. После революции в Ираке 1958 г. М. Барзани и его соратники получили возможность вернуться в эту страну[326]. В 1953 г. бывший представитель И-ДПК в Иракском Курдистане, выходец из Сулеймании, Ибрахим Ахмад стал генеральным секретарем ДПК. В 1964 г. внутри ДПК произошел разлад ввиду усложнившихся отношений между опиравшимся на консервативные идеи и трайбалистскую базу Мустафой Барзани и левым интеллектуалом Ибрахимом Ахмадом. Последний был поддержан придерживавшимся социалистических взглядов и имевшим богатый боевой и дипломатический опыт Джалялем Талабани.

При участии СССР в 1970 г. иракским властям и М. Барзани удалось договориться об идее образования автономии для Иракского Курдистана — однако внутриполитические проблемы и недоверие постоянно приводили к нарушениям договорённостей. В 1974 г. Багдад предоставил автономию Иракскому Курдистану, но М. Барзани считал, что она ограничена и не включает все территории расселения курдов[327]. В первую очередь в автономию не входил нефтеносный Киркук. Очередное восстание курдов закончилось не в их пользу. Курдское движение было разделено и лишено поддержки Ирана ввиду договоренностей между Тегераном и Багдадом в 1975 г. Учитывая шаткое единство рядов ДПК и дальнейший разлад между М. Барзани и частью элиты ДПК, эти события привели к образованию Патриотического союза Курдистана (ПСК) в мае 1975 г. Именно тогда состоялась встреча будущих лидеров ПСК Д. Талабани, Ф. Маасума, А. Мурада и А.Р. Файли. Среди отцов-основателей ПСК также стоит выделить лидеров двух организаций, ставших в основе ПСК – глав марксистко-ленинской группы «Комала» (Нушрвана Мустафу) и Курдского социалистического движения (Али Аскари). В дальнейшем Багдад придерживался политики «подавления» курдского движения, изменения демографического состава территорий, на которых они проживали. СССР, в свою

[326] Мамедов Р.Ш. Время для «курдской политики» Москвы в Ираке? [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 28.09.2017. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vremya-dlya-kurdskoy-politiki-moskvy-v-irake/ (Дата обращения: 29.05.2018).
[327] Примаков Е.М. Встречи на перекрестках. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2015. С. 607.

очередь, на многое закрывал глаза, извлекая пользу из сотрудничества с Багдадом[328].

Ирано-иракская война 1980–1989 гг. оставила Ирак с долгами перед другими странами, которые зачастую «накачивали» оружием и Ирак, и Иран. В отношении курдов Багдад продолжал использовать стратегию силового подавления. После завершения войны с Ираном иракский режим оказался на грани коллапса. Решение С. Хусейна развязать ещё одну войну в 1991 г., теперь уже в Кувейте, оказалось фатальным. В августе 1991 г. СБ ООН запретил иракской авиации совершать полеты на севере над территорией Курдской автономии — севернее 36 градуса северной широты, а также на юге над зонами расселения шиитов — южнее 32 градуса северной широты. Отдельно эта часть Ирака была важна американцам. На обеспечение «защиты» курдской зоны на севере страны они потратили за период 1991-1995 гг. более 1,2 млрд долл.[329]

В этих условиях в начале 1990-х гг. населенный преимущественно курдами север Ирака смог добиться организации контроля над территориями расселения курдов при политическом лидерстве Патриотического союза Курдистана (ПСК) во главе с Д. Талабани и Демократической партии Курдистана (ДПК) во главе с М. Барзани. В октябре 1992 г. курдский парламент принял решение об образовании на севере Ирака федеративного государства, состоящего из трех провинций — Эрбиль, Сулеймания, Дохук и города Киркук (фактически управлялся Багдадом), в рамках «демократического, свободного, объединенного Ирака»[330]. Однако противоречия между кланами Барзани и Талабани в 1990-х гг. стали причиной межкурдского конфликта. Этим воспользовался С. Хусейн, который в 1996 г., благодаря терпящему поражение М. Барзани, получил возможность ввести свои военные подразделения и восстановить контроль над севером страны. Однако в

---

[328] Мамедов Р.Ш. Время для «курдской политики» Москвы в Ираке? [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 28.09.2017. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vremya-dlya-kurdskoy-politiki-moskvy-v-irake/ (Дата обращения: 29.05.2018).

[329] Мосаки Н.З. Курдистан и курдский вопрос в политике Запада и России (90-е годы XX века – начало XXI века). М.: Институт Ближнего Востока, Институт востоковедения РАН, 2011. С.27.

[330] Шахбазян Г. Россия и проблема курдов. [Электронный ресурс] // Обозреватель. Режим доступа: http://www.observer.materik.ru/observer/N21_93/21_09.HTM (Дата обращения: 5.06.2018).

игру вступили США и провели бомбардировки Ирака. В 1998 г. они добились «Вашингтонского соглашения» между ДПК и ПСК, что позволило завершить межкурдскую войну. США также оказали экономическую поддержку региону. В 2003 г. они вторглись в Ирак и запустили так называемый процесс дебаасификации, который в большей степени отразился на положении суннитского населения, нежели на курдском[331].

4.3. Процесс преодоления курдского сепаратизма. Курдские элиты и референдум 2017 г.

В 2017 г. иракские курды открыто выразили протест в отношении сложившейся в Ираке политической системы. По заявлениям курдских представителей, распределение властных полномочий и ресурсов не отвечало их интересам. При любых раскладах премьер-министром становился человек из числа шиитских партий. По их словам, «будущий премьер будет тот [по итогам выборов 2018 г.], кого назначат аятолла ас-Систани и [глава подразделения Кодс КСИР Ирана] Касем Сулеймани»[332]. Курдское руководство видело Ирак религиозным, шиитским, сектарным государственным образованием, в то время как свой регион называли демократией. Однако существуют разные мнения относительно целей проведения референдума и, как следствие, подъема националистических настроений курдов, поскольку инициатива проведения референдума шла от правящей элиты и конкретно – от президента Курдского автономоного района (КАР) Масуда Барзани.

Представляется, что одна из целей, которую преследовала часть элиты КАР, заключалась в преодолении внутреннего кризиса, сохранении власти правящей элиты (в первую очередь, кланом Барзани), как и усиления ее позиций для

---

[331] Мамедов Р.Ш. Время для «курдской политики» Москвы в Ираке? [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 28.09.2017. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vremya-dlya-kurdskoy-politiki-moskvy-v-irake/ (Дата обращения: 29.05.2018).

[332] Заявление одного из членов политбюро ПСК в рамках встреч с официальными лицами Иракского Курдистана в преддверии референдума 25 сентября 2017 г. Автор участвовал в международной исследовательской группе по выявлению обстоятельств при содействии Президентского совета Иракского Курдистана.

переговоров с центральным правительством в постконфликтный период[333]. Напомним, что в предшествующие годы традиционные кланы в элите Барзани и Талабани хотя и сохраняли власть, но вызывали растущее недовольство населения, выступавшего с демонстрациями на улицах и обвинявшего правящие элиты в коррумпированности, неэффективности, недостаточном представительстве курдских интересов в центре (Багдаде), а где-то – и в несохранении баланса между внутрикурдскими политическими группами. Стоит отметить, что усиление центробежных тенденций в Иракском Курдистане началось с введением в 2014 г. в эксплуатацию нефтяного трубопровода из Киркука в турецкий порт Джейхан через территорию КАР. В том же году правительство премьер-министра Ирака Нури аль-Малики лишило курдов фискальных трансферов, 17-процентного финансирования из иракского бюджета для КАР, что только подогрело риторику курдских элит. Но одновременно эта ситуация негативно отразилась на уровне благосостояния курдского населения: прекратились выплаты зарплат населению, упали цены на нефть, начался финансовый кризис в КАР.

На фоне отсутствия зарплат из Багдада для служащих социальной сферы, как и падения цен на нефть, недовольство традиционной элитой привело к внутренним расколам и популярности других сил, таких как движение «Горран» (движение перемен)[334]. Основанная в 2009 г. бывшим заместителем генерального секретаря ПСК и харизматичным лидером Нуширваном Мустафой, выступавшая против неэффективности правительства, коррупции, «непотизма барзанистов и талабанистов» партия «Горран» быстро получала влияние. В Горран вливались многие политические деятели Сулеймании (в основном из ПСК), что в итоге позволило партии встряхнуть политическую конфигурацию Иракского Курдистана[335]. Тем не менее со смертью Н. Мустафы 19 мая 2017 г. влияние его

[333] O'Driscoll D. Baser, B.. Independence Referendums and Nationalist Rhetoric : The Kurdistan Region of Iraq // Third World Quarterly. 2019 ; Vol. 40, No. 11. pp. 2016-2034.
[334] Малыженков С. Движение «Горран». История и перспективы после смерти лидера [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам, 08.06.2017. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/dvizhenie-gorran-istoriya-i-perspektivy-posle-smerti-lidera/ (Дата обращения: 20.12.2019).
[335] Zebari A.H. Opposition in Iraqi Kurdistan Questions Population Figures / Al-Monitor. 26.06.2013. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2013/06/kurdistan-region-abnormal-population-growth.html (last visited 20.12.2019).

партии пошло на спад, хотя и не отменяло важности референдума того же года для части правящей элиты, которые могли использовать этот плебисцит как инструмент для собственной легитимации. Отметим, что само его проведение продавливалось лично президентом КАР М. Барзани, и не было результатом голосования парламента (часть депутатов не допускали в здание парламента, а сам парламент провел первое за долгий перерыв заседание в сентябре 2017 г. перед референдумом, когда в условиях масштабной его пропаганды в течение нескольких месяцев в СМИ уже выступать против референдума было, по сути, антипатриотичным). Только 60% членов парламента КАР приняли участие в заседании об утверждении проведения референдума, тогда как Горран бойкотировала эту встречу. ПСК отказался поддержать или выступить против референдума (только одна его часть во главе с Косратом Расулом провела кампанию в его поддержку).

В риторике правящих элит КАР для внешнего мира референдум был лишь инструментом, как и переговоры с багдадским правительством, а целью региона оставалась его независимость. Кроме того, курдские политические деятели отмечали, что они могли бы отложить проведение референдума. Но в этом случае настаивали на предложении альтернатив, например, в виде заключении договора, несущего обязательный к исполнению характер для всех заинтересованных сторон с закреплением сроков исполнения его пунктов. Однако таких альтернатив не последовало ни со стороны Багдада, ни со стороны Вашингтона, как и других важных для принятия решений в Ираке сил. Кроме того, как отмечал Д.С. Голубев, региональный контекст, а не только внутренние противоречия и негативное отношение внешних сил, препятствовал появлению курдского государства[336].

Анализ рисков и подсчеты курдских чиновников перед проведением референдума привели их к выводу о том, что их соседи (Турция, Иран и багдадское правительство) не пошли бы на эскалацию. Вашингтоном в Эрбиле были

[336] Голубев Д.С. Проблемы и перспективы суверенизации Иракского Курдистана // Мировое развитие. Выпуск 18. Большой Ближний Восток в мировой экономике и политике. М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 15.

недовольны, однако ожидали изменение американской позиции после проведения референдума. Заявления чиновников США и других стран Запада о том, что референдум негативно повлияет на борьбу с ИГИЛ, курдские официальные лица считали несерьезными. В целом, курдские политики стремились повлиять на мнение европейцев и американцев, отношения с которыми имели для них особую важность. Из европейских государств ценили роль Германии в поддержке курдов вооружением во время активных боевых действий на фронте против ИГИЛ (критически ценным называли поставки немецких ПТРК «Милан»). В предверии референдума курдами особенно позитивно были восприняты контракты с Роснефтью. Но позитив был только в Эрбиле, в то время как этот факт был негативно воспринят в Сулеймании (таковы частные мнения дипломатического сообщества, представляющего ПСК, возможно, они несправедливы ввиду нерепрезентативной выборки и не совсем ясных параметров сделки для этих лиц).

Создание независимого Курдистана в Эрбиле видели через диалог с правительством в Багдаде. В риторике курдов референдум был призван дать легитимность дальнейшим переговорам. Тогда как Багдад обвинял курдов в антиконституционности референдума, в своих аргументах курды напирали на нарушение 55 статей иракской конституции со стороны самого иракского правительства. Таким образом, в логике курдов, если конституция не имела значения для Багдада, то и для Иракского Курдистана важен был прямой принцип демократии – волеизъявление народа.

Самый принципиальный вопрос для курдов – реализация Ст. 140 иракской конституции. Она определяет, что на спорных территориях между багдадским и курдским региональным правительствами должен был пройти референдум до 2007 г. (в течение двух лет после принятия конституции). Но референдум так и не был проведен, в чем курды обвиняли Багдад. Иракское правительство постоянно его откладывало. Одним из ключевых вопросов в плане спорных территорий являлся статус Киркука. На уровне советников президента Иракского Курдистана допускали возможность переговоров по вопросу нахождения Киркука в

совместном ведении Курдского автономного района (КАР) и багдадского правительства (особый статус). Правительство Иракского Курдистана было настроено на продолжение переговоров с Багдадом. Курды призывали к созыву специальной комиссии со стороны Багдада, которая совместно с курдской комиссией разрешила бы все имевшиеся между сторонами вопросы.

Курды уверенно контролировали ситуацию в Киркуке и были готовы, по их словам, к любым сценариям[337]. Губернатором провинции, являвшийся членом партии Патриотический союз Курдистана (ПСК), был Наджмаддин Карим. К тому моменту он был снят Багдадом с егопозиции, но де-факто продолжал исполнять возложенные на него функции. В 2014 г. в условиях бегства контингента иракской армии именно подкрепление из Сулеймании (там располагаются основные позиции ПСК) позволило дать отпор ИГИЛ и удержать город. В предверии референдума баланс сил в Киркуке был резко в пользу Пешмерга от ПСК. Официальные лица в Киркуке отмечали, что Пешмерга от ПСК и от Демократической партии Курдистана (ДПК) так или иначе действовали под единым командованием (позднее вскрылось, что это было не совсем так). Численность сил Асаиш на тот момент, предположительно, составляла около 4,5 тыс. человек от ПСК и 2,5 — от ДПК.

Если в Эрбиле в Министерстве внутренних дел Ирака было заявлено, что туркманы также входят в органы безопасности и полицию Киркука, то силовики в Киркуке отмечали несущественную роль меньшинств в обеспечении работы силовых структур. При этом, по их словам, не раз звучали обращения в Эрбиль с просьбами о наборе в органы безопасности представителей различных групп населения (особенно туркман), поскольку это резко бы помогло силовикам в работе с доступом к информации. Курды также отмечали серьезное влияние Турции на лидеров туркман, но называли его не угрожающим безопасности. Особые отношения сложились у курдов в Киркуке с иракской армией и Силами народного ополчения. Стороны в дни референдума продолжали координировать боевые

[337] 26 сентября 2017 г. в Киркуке делегация провела встречи с губернатором провинции Наджмаддином Каримом и главой киркукского управления безопасности (Асаиш) Хало Наджатом Хамзой. Чиновники поделились с исследователями в подробностях о том, как удается удерживать ситуацию в городе под контролем.

действия против ИГИЛ в Хавидже. Отдельные личности в Эрбиле в частных беседах уверенно заявляли об американском контингенте, переброшенном под Киркук за неделю до референдума.

На этом фоне в Эрбиле продолжали широко обсуждать разлад внутри ПСК. Глава разведки ПСК Лахур Талабани (один из сыновей лидера ПСК Джаляля Талабани) не пользовался авторитетом в верхах ДПК, даже несмотря на смену его позиции по референдуму (в итоге допустил его проведение). Отдельного внимания на этом фоне заслуживал заместитель премьер-министра Иракского Курдистана Кубад Талабани, брат Лахура. Кубад воспринимался частью лидеров ПСК, подвергнувшимся влиянию ДПК, такого же мнения часть лидеров ПСК придерживалась в отношении губернатора в Киркуке Наджмеддина Карима. На фоне проведения референдума наблюдался серьёзный дисбаланс в отношениях и влиянии между ДПК и ПСК.

Предлагая себя в качестве демократической альтернативы «сектантскому и провальному Ираку», курды настраивались на европейскую и американскую аудиторию. При этом, по словам представителей министерства планирования КАР, курды не собирались отказываться от сложившихся экономических связей с Ираком. Разобщенность внутри ПСК, безусловно, влияла на то, что клану Барзани удавалось бы продавить решение по референдуму. Тем не менее наблюдался пробел в стратегическом видении Эрбиля. Ввиду внутреннего дисбаланса между ДПК и ПСК были возможны различные сценарии развития событий.

25 сентября 2017 г. был проведен референдум о независимости Иракского Курдистана, где был вынесен на голосование следующий вопрос: «желаете ли Вы, чтобы Регион Курдистан и территории, находящиеся вне Региона, стали независимым государством?». 92,73% голосовавших высказались за образование независимого государства на референдуме, который был проведен на территории Курдского автономного района и спорных территориях (включая Киркук). Отметим, что за день до референдума отряды Пешмерга принимали участие в координации действий с иракскими силами в Хавидже против ИГИЛ. Иракцы

наступали со своего фронта, в то время как курды предоставили им коридор для наступления с контролируемых ими территорий.

И даже несмотря на то, что курдские элиты убеждали мировое сообщество в том, что этот референдум – лишь начало пути, его проведение было воспринято негативно – в первую очередь, соседями самих курдов. С резким отрицанием референдума выступили Иран и Турция, сохранившие статус ключевых торговых партнеров курдов, влиявших на события вокруг Иракского Курдистана. Багдадское правительство также не признало итоги референдума, а иракский парламент предоставил все полномочия премьер-министру Х. аль-Абади в том, чтобы он восстановил любыми средствами (включая военные) суверенитет и контроль в первую очередь над территориями, не входящими непосредственно в Курдский автономный район Ирака.

Иракское правительство также наложило санкции на курдов. Среди прочего, был введен запрет на проведение финансовых операций с регионом, введена блокада и запрет на перемещения между частью иракской территории и курдского района, а также иракское правительство остановило международные рейсы в аэропортах Эрбиля и Сулеймании. Иракское правительство в ультимативном порядке затребовало от курдов передачу контроля за границей Ирака (имеются ввиду границы Курдского района с соседними государствами), а также международными аэропортами. Эти санкции создавали множество проблем и оказались весьма ощутимыми для политической элиты Иракского Курдистана[338]. Но иракское правительство не было намерено на этом останавливаться и угрожало военными мерами в дополнение к экономическим.

В ночь с 15 на 16 октября 2017 г. иракская армия и Силы народного ополчения начали наступление к югу от Киркука. Курдские силы отступили с части своих позиций, но в целом продолжали держать ситуацию под контролем.

---

[338] Субботин И. Курды заморозили итоги референдума о независимости [Электронный ресурс] // Независимая газета. 26.10.2017. Режим доступа: http://www.ng.ru/world/2017-10-26/1_7103_kurds.html?fbclid=IwAR1vzDlmyyY1Iw15tuc1aSIzdsqmzTr0x6W806RdKj1Y22gAr7fpMmBhSbc (Дата обращения: 30.05.2018).

Новостные ресурсы сообщали, что отступали в основном определённые силы Патриотического союза Курдистана (ПСК). При этом из Эрбиля в Киркук прибывало подкрепление другими силами ПСК и ДПК (во главе с заместителем генерального секретаря ПСК Косратом Расулом Али[339]). Ряд обозревателей называли главной причиной происходящего давление и договоренности с багдадским правительством и частью групп в элите ПСК в условиях их разделенности. Кроме того, последовали подтвердившиеся позднее информационные вбросы о бегстве губернатора Киркука Наджмеддина Карима в Эрбиль. Одновременно казались несостоятельными сообщения о его призывах к населению вставать на защиту города (что могло зависеть от разных временных промежутков).

В итоге Киркук перешёл под контроль иракской армии. Сначала отряды Пешмерга отступили от своих позиций к югу и западу от Киркука, ими были оставлены базы К1, аэропорт Киркука, основные месторождения. Затем иракская армия вошла в южные кварталы города. Здание администрации города также было занято армией. На место Наджмеддина Карима, бежавшего в Эрбиль, Багдадом был назначен новый губернатор. При этом не совсем точно многие СМИ представляли участие СНО в киркукской операции. Части СНО в этот же период продолжали перебрасываться в провинцию Анбар для борьбы с ИГИЛ. Поддержку иракской армии, федеральной полиции оказывали в том числе и местные СНО из числа шиитов-туркман, особенно в Туз Хурмато. Багдадские силы на этом не остановились, и под их контроль перешел ряд населенных пунктов провинции Найнава. Кроме того, йезиды в Синджаре почти полностью перешли на сторону иракской армии и СНО.

Главная причина столь успешного продвижения иракских сил состояла не в том, что их вели офицеры КСИР (как заявили в Эрбиле), а в отсутствии единства среди самих курдов. Обвинения в предательстве ПСК, которые разразились в

---

[339] Три чиновника ПСК участвовали в плане Багдада атаковать Киркук [Электронный ресурс] // Kurdistan.ru. 13.10.2017. Режим доступа: https://kurdistan.ru/2017/10/13/news-30765_Tri_chinovnika_PSK_u.html (Дата обращения: 30.05.2018).

риторике Эрбиля, на деле были не всегда справедливы, поскольку во многом эти события стали последствием проведения референдума (ошибкой при анализе реакции со стороны региональных и внешних акторов – прежде всего, США и Ирана), а также дисбаланса в отношениях между Эрбилем и Сулеймание, созданного самими барзанистами в течение нескольких лет перед референдумом. При этом даже в случае намеренного выхода Пешмерга ПСК из Киркука в городе оставались несколько тысяч солдат Пешмерга ДПК, которые также не стали его защищать, а поспешили оставить свои позиции. Таким образом, обвинения в предательстве какой-то одной из сторон обрели сложную почву, и это требует доступа к дополнительной информации и отдельного внимания.

Последствия референдума, переход Киркука под контроль багдадского правительства тяжело отразился на состоянии курдских элит. Это, как и экономические меры Багдада, послужило стимулом к изменению их позиции и началу диалога с иракским правительством в условиях смещения баланса сил в сторону последнего. Курды согласились на замораживание итогов референдума. Позднее Масуд Барзани заявил о своей отставке с поста президента Курдского автономного района. Законный срок пребывания М. Барзани у власти закончился в 2013 г. Но этот срок три раза продлевался на два года решением парламента. За этими событиями последовал этап поколенческого перехода в политической элите Иракского Курдистана при сохранении политической дуополии ДПК и ПСК (как назвали сложившуюся в КАР ситуацию аналитики[340]).

Итоги выборов в парламент КАР 2018 г. показали, что ключевые партии сохранили свои позиции, а клану Барзани во главе партии ДПК удалось вновь стать лидерами голосования[341]. ДПК получил 45 мест из 111 в парламенте Иракского Курдистана. Другими ключевыми силами стали ПСК (21 место), Горран (12 мест),

[340] McCaffray Van den Toorn, Ch. Kurdistan Politics at a Crossroads // Carnegie. 26.04.2018. [Electronic resource]. Mode of access: https://carnegieendowment.org/sada/76195 (last visited:1.06.2018).
[341] Aboulenein A. KDP comes first in Iraqi Kurdistan election // Reuters. 21.10.2018. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.reuters.com/article/us-iraq-kurds/kdp-comes-first-in-iraqi-kurdistan-election-idUSKCN1MU0WY (last visited:30.11.2018).

движение «Новое поколение» (8 мест), Курдистанская исламская группа (7 мест), Курдистанский исламский союз/Коалиция за реформы (5 мест) и др.[342]

Результаты выборов 2018 г. не только вновь закрепили лидирующую роль ДПК, но и укрепили по сравнению с предыдущими выборами позиции ПСК. Несмотря на то, что ПСК является историческим конкурентом для ДПК, сохранение их в распределении власти важно для клана Барзани, поскольку в ином случае на места ПСК претендуют оппозиционные обеим партиям Горран и только образовавшееся в 2018 г., но выигрывшее сразу 8 мест в парламенте движение «Новое поколение» во главе с медиа-магнатом Шасуар Абдель Вахид[343]. ДПК же гораздо удобнее работать с партнерами из ПСК, что взаимоукрепляет позиции обеих сторон, хотя и сами договоренности требуют серьезных усилий (что показала борьба между двумя партиями за место президента Ирака)[344].

4.4. Образование суннитских партий и раскол их коалиций. Необходимость включаться в светские блоки

Последняя крупная этноконфессиональная группа, которая должна была при американской «демократизации» в иракской системе обрести вес – арабы-сунниты. В целом арабам-суннитам так и не удалось создать сплоченную коалицию в рамках предложенной системы, и им пришлось столкнуться с политикой дискриминации в их отношении. Р. Мансур отмечал, что в отличие от своих конкурентов – шиитов или курдов – «сунниты не были готовы, а также не желали играть в политику на этноконфессиональной основе. Многие из суннитов отрицали новые реалии и наблюдали, как их общины теряли власть и привилегии»[345]. Лидирующей группой среди суннитских движений стала основанная в 1960 г. Иракская исламская партия (ИИП). ИИП ранее не имела возможности участвовать в политическом процессе и

---

[342] Sulaivany K. Final results: KDP wins Kurdistan's parliamentary elections followed by PUK // Kurdistan 24. 20.10.2018. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.kurdistan24.net/en/news/f9c62f01-0101-4719-8bb3-c74f7184af88 (last visited:3.12.2018).

[343] Shaswar Abdulwahid elected president of New Generation Movement // Rudaw. 01.05.2018. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.rudaw.net/english/kurdistan/050120183 (last visited: 3.12.2018).

[344] Hiltermann J. Elections in Iraqi Kurdistan: Results and Implications / International Crisis Group. 1.01.2010. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/iraq/elections-iraqi-kurdistan-results-and-implications (last visited: 5.12.2018).

[345] Mansour R. The Sunni Predicament in Iraq. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2016. P. 4.

действовала подпольно. Ее функционерам приходилось вести свою деятельность до 2003 г. вне пределов страны. Но после 2003 г. в условиях бойкота выборов со стороны большинства суннитских партий именно ИИП становится ключевой политической силой, представлявшей суннитов в парламенте и советах провинций. Периодически и ИИП объявляла бойкот или объявляла о выходе своих представителей из состава правительства, замораживании деятельности в парламенте (как, например, в ноябре 2004 г. во время Второй битвы за Фаллуджу, протестуя против ведомой США операции). Партия шла на выборы в декабре 2005 г., призывая установить график вывода многонациональных сил в Ираке, выступая против федерализма, условий процесса де-баасификации и продвигая исламские ценности.

По-настоящему попытки включения суннитов в иракский политический процесс начались с выборами в советы провинций в Ираке в 2009 г. (т.е. за год до федеральных выборов в парламент). В суннитских регионах страны на провинциальном уровне в 2009 г. ожидалась конкурентная борьба на выборах между двумя основными силами – поддерживаемым правительством Иракским фронтом согласия, куда входила (ИИП), и движением «Сахва» («Пробуждение»), представленным сформированными в той или иной иракской провинции локальными политическими силами. Причем если представители движения «Сахва», кроме того, что не выступали единым списком, опирались в основном на поддержку племен, то Иракский фронт национального диалога Салеха аль-Мутлака обвинили в опоре на бывших баасистов. Это стало причиной блокирования его участия на парламентских выборах в 2010 г. (в итоге обвинения были сняты, и он смог принять в них участие).

31 января 2009 г. на выборах в Ираке в советы провинций участвовали около 7,5 млн человек, что составило 51% от имевших право голосовать. Если в 2005 г. суннитское население бойкотировало выборы в региональные советы, то в 2009 г. его представители приняли активное участие в голосовании. При этом если в 2005 г. в населенной преимущественно суннитами провинции Анбар число

голосовавших избирателей достигало 2% избирателей, то в 2009 г. явка составила 60%[346].

С появлением в 2007-2009 гг. таких мощных и популярных движений как «Сахва», стало ясно, что Иракской исламской партии придется подстраиваться под изменившиеся реалии. ИИП образовала Коалицию ученых и племен, в которую помимо исламской партии вошли Объединение племенных лидеров и ученых Ирака, Иракский народный съезд и Независимое племенное национальное объединение. Коалиция достигла успеха на выборах 2009 г. в провинции Анбар (даже несмотря на то, что ранее они обладали 34 местами в совете, а в 2009 г. получили 6 мест) и продолжила заседать в совете провинции.

В 2005 г. ИИП во главе с Тариком аль-Хашими шел в составе коалиции Иракский фронт согласия (ИФС). С 2005 по 2009 гг. коалицию в парламенте возглавлял Аднан ад-Дулайми. В 2007 г. ввиду определенных обстоятельств, связанных с политическими пертурбациями, он был вынужден бежать из страны, но его обязанности продолжил выполнять другой суннитский политик – Айяд ас-Самарраи[347]. В мае 2009 г. лидером был избран Харис аль-Обейди, но он был убит террористами спустя несколько недель. Согласно данным доклада 2009 г. миссии ООН по оказанию содействия Ираку (МООНСИ), коалиция «Иракского фронта согласия» и ИИП победили в провинциях Салах ад-Дин и Дияла, получив 9 и 5 мест соответственно[348]. В преддверии парламентских выборов 2010 г. Т. аль-Хашими вышел из состава ИИП и ИФС, образовав партию «Список обновления» (Тадждид) на светской повестке и вошел в коалицию «Аль-Иракийя», став одним из ее лидеров.

Али Хатем ас-Сулейман, лидер крупнейшего в Ираке племени Дулайм, сформировал в 2008 г. свою партию «Национальный фронт спасения Ирака»,

---

[346] Chulov M. Iraq elections: Polls close as security clampdown keeps violence at bay // The Guardian. 31.01.2009. [Electronic resource]. Mode of access: http://www.theguardian.com/world/2009/jan/31/iraq-elections-politics (last visited: 16.02.16)

[347] Lake E. Iraqi Political Crisis Near End as Tawafuq Chief Quits // The NY Sun. 06.07.2007. [Electronic resource]. Mode of access: http://www.nysun.com/foreign/iraqi-political-crisis-near-end-as-tawafuq-chief/57938/ (last visited: 16.02.2016).

[348] United Nations Assistance Mission for Iraq // UNAMI Focus. 02.2009. № 30.

которая вошла в коалицию Нури аль-Малики «Правовое государство»[349]. Брат героя победы над АКИ Абд ас-Саттара ар-Ришави шейх Ахмад Абу Риша сформировал и возглавил *«Национальный альянс свободных людей и иракского Пробуждения»*. Как видно из таблицы миссии ООН по оказанию содействия Ираку по итогам выборов в провинции Анбар, партия Ахмада Абу Риши одержала победу, получив 8 мест в совете провинции из 29 возможных. Иракский национальный проект иракского суннитского политика Салеха аль-Мутлака и «Коалиция союза ученых и племен» и «Иракской исламской партии» заняли по 6 мест соответственно.

К 2009 г. под патронатом США стали налаживаться отношения между племенными формированиями иракского «Пробуждения» или «Сынами Ирака» и иракским правительством Нури аль-Малики. Проведение выборов в иракских провинциях и особенно в важной для американцев провинции Анбар дало надежду на национальное примирение и согласие. Победа суннитских партий в 2009 г. в населенных преимущественно суннитами регионах и отношения между лидерами племен и Нури аль-Малики должны были подготовить почву для оформления их представительства во властных структурах и влияния на принятие решений, что происходило очень медленно и тяжело. Тем не менее отношения между суннитскими племенами и центральным правительством даже в период совместной борьбы с АКИ были часто отмечены недоверием и взаимоисключающими ожиданиями и целями[350]. Требования племен расширить их полномочия и предоставить автономию, которая могла опираться на уже сформированную «Сахву», шли в разрез с намерениями иракского правительства. В то время как для племен и большинства суннитского населения Ирака правительство, армия и службы безопасности (сотрудниками которых являются в основном шииты) испытывало значительное, если не доминирующее, влияние Ирана, иракское

[349] Ахламонтада (Ahlamontada). Аш-шейх Али Хатем ас-Сулейман: «аль-Малики лядейхи рахбат би-каср хаджиз ат-таифийя» [Шейх Али Хатем ас-Сулейман: «у аль-Малики есть стремление разрушить межконфессиональный барьер] // Ahlamontada. 14.02.2010. [Electronic resource]. Mode of access: http://loveaskndr.ahlamontada.com/t613-topic (last visited: 16.02.2016).

[350] Cigar N. L. Al-Qaida, the tribes, and the government: lessons and prospects for Iraq's unstable. Quantico, VA: Marine Corps University Press, 2011. P. 62.

правительство подозервало племена в нелояльности, верными саддамовскому прошлому Ирака, а такде в связях и желании сотрудничать с другими соседними суннитскими режимами.

Раскол в среде арабов-суннитов негативно влиял на их их представительство в центре. Для продвижения своих интересов политические силы арабов-суннитов в правовом поле включались в светские блоки. Наиболее успешным стал пример продвижения суннитов в рамках светского «Иракского списка» или альянса «Аль-Иракийя», образованного в 2010 г. Одним из ключевых элементов успеха для «Аль-Иракийи», победившей на выборах, но уступившей место премьера, стало активное участие суннитского населения в голосовании. Тем не менее их ожидания оказались подорваны, в том числе действиями конкурентов во главе с заинтересованным в сохранении своего поста Нури аль-Малики. Уже к следующим парламентским выборам 2014 г. Аль-Иракийя распалась на несколько блоков, к 2018 г. суннитам так и не удалось сформировать свою сильную коалицию.

Р. Мансур отмечает, что «вина за положение арабов-суннитов и циклы размежевания от правительства в Ираке не может быть возложена исключительно на центральное правительство с доминированием шиитского элемента после 2003 г.»[351]. Курдские и шиитские лидеры пользовались возможностями новой системы после 2003 г. и мобилизовывали массы на основе мифов и символов, сложившихся у их общин. Суннитские представители сделали свой выбор по ряду стратегических вопросов, которые и определили в дальнейшим их роль в Ираке. У суннитов не только отсутствует структура лидеров, но им также не удалось мобилизовать суннитское населения в свою поддержку ввиду ограниченного понимания этноконфессиональной идентичности. Многие отказались использовать слово «суннизм» или «государство общин» (даулят аль-мукауамат).

Выводы:

[351] Mansour R. The Sunni Predicament in Iraq. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2016. P.5

После вторжения американцев в Ирак в 2003 г. исламские партии (аль-ахзаб аль-ислямийя) заняли доминирующее положение, хотя во многом они уже имели насчитывавшую десятилетия историю.

На политическую арену вышли и развернули между собой борьбу за власть шиитские, курдские и суннитские партийные блоки, которые за период 2005-2020 гг. прошли этап серьезной эволюции, показавший, что их строительство в рамках этноконфессиональных структур не способствует формированию эффективной политической системы. В то же время лидеры партий, ставшие политической элитой страны, научились успешно подстраиваться под запросы населения для обретения легитимности в условиях выборного процесса.

Несмотря на стремление всех конфессиональных сил к консолидации на начальном этапе государственности постсаддамовского Ирака, ни одна из групп не смогла избежать внутренних расколов. Так, *шиитские партии* хотя и были объединены идеей борьбы с режимом С. Хусейна, но имели различные интересы, историю, отношение к светскости и связи с внешним миром, в результате чего выступивший некогда единым на выборах шиитский блок оказался раздробленным на несколько более мелких самостоятельных движений, партий и коалиций. Во многом это происходило и ввиду запроса населения на перемены и невозможность дальнейшего обретения голосов исключительно на религиозно-общинной повестке.

В 2017 г. *иракские курды* выступили против сложившейся в Ираке политической системы. Курдское руководство видело Ирак религиозным, шиитским, сектарным государственным образованием, в то время как свой регион называли демократией. Использование референдума и националистической риторики в мышлении части правящей элиты, представленной кланом Барзани, позволило им преодолеть нараставшую политическую фрагментацию в Курдском автономном районе и консолидировать власть. В этом контексте референдум проводился не столько ради непосредственно достижения независимости, но в целом был связан с вопросами сохранения и распределения властных ресурсов

внутри правящей элиты. Объявленный политической элитой Иракского Курдистана в одностороннем порядке референдум был воспринят в негативном ключе со стороны центрального правительства, а также проходил в условиях внутренних разногласий между ДПК, ПСК и другими курдскими силами. Это, как и отсутствие международного признания вместе с противодействием региональных акторов, подвело к реакции центрального правительства и провальным последствиям для КАР, выразившимся в ослаблении ее позиций и перехода ряда спорных территорий от КАР центральным властям в Багдаде. Тем не менее правящей элите, особенно клану Барзани, удалось сохранить свои позиции и консолидировать власть через референдум, подогревший необходимый элите курдский национализм, и последовавшие выборы, как и провести поколенческий переход от старшего поколения к следующему в рамках своих семей.

Суннитам, прошедшим через процесс дебаасификации и радикализации в период деятельности ИГИЛ и других террористических групп, было гораздо сложнее, чем шиитам и курдам создавать свои политические структуры. Раскол в *среде арабов-суннитов* негативно влиял на их их представительство в центре. Для продвижения своих интересов политические силы арабов-суннитов в правовом поле включались в светские блоки. У суннитов не только отсутствует структура лидеров, но им не удалось и мобилизовать суннитское население в свою поддержку ввиду ограниченного понимания этноконфессиональной идентичности. Многие отказались использовать слово «суннизм» или «государство общин» (даулят аль-мукауамат).

Таким образом несмотря на то, что политическая система должна была стать источником оформления разделения политической власти между этноконфессиональными группами, на деле значительный раскол существовал внутри этих групп, что не позволяло им создавать эффективные политические структуры с четкой программой действий и консенсусом относительно выдвигаемых кандидатов.

ГЛАВА 5. Неформальные элементы формирования политической элиты. Мухасаса и роль внешнего фактора

5.1. Принцип «мухасаса» – неформальный элемент формирования государственных структур

В 1990-е г. часть внешней и внутренней контрэлиты приняли для взаимодействия между собой непрописанное в конституции правило – распределение властных полномочий по итогам выборов должно проходить в соответствии с принципом «мухасаса таифийя», или квотированием мест по этноконфессиональным особенностям, их весу и договоренностям между иракскими общинами. Система распределения государственных постов по этноконфессиональному признаку при учете доли этих групп в общей численности населения – «мухасаса таифийя» – стала доминирующей идеей в Ираке и после свержения С. Хусейна.

Во многом система «мухасаса таифийя» для Ирака внутри контрэлиты была разработана вне страны в начале 1990-х гг. Затем идея реорганизации и разделения иракского политического пространства по линиям этноконфессиональных идентичностей нашла понимание и была принята оппозицией режиму С. Хусейна в 1992 г. на конференции в Салах ад-Дине, на тот момент только вышедшей из-под контроля Багдада провинции на севере страны. Члены правительства в изгнании, управляющих органов и советов приняли участие в этом мероприятии по «принципам Салах ад-Дина» – должности распределялись в соответствии с долей этноконфессиональных групп (курдов, арабов-суннитов, арабов-шиитов) в общей численности населения[352]. После того, как в 2003 г. американцы среди обоснований своего вторжения в Ирак объявили о необходимости демократизации страны, оккупанты содействовали установлению именно этой системы. По описанию администрации Джорджа Буша-мл., миссия демократизация Ирака должна была

[352] Dodge T. Tracing the Rise of Sectarianism in Iraq after 2003 // LSE Middle East Centre Blog. 13.09.2018. [Electronic resource]. Mode of access: https://blogs.lse.ac.uk/mec/2018/09/13/tracing-the-rise-of-sectarianism-in-iraq-after-2003/ (last visited: 16.02.2019).

привести к трансформации его в прозападное государство и становлению его в качестве демократического примера для других арабских стран. Однако результат и установившийся в постсаддамовский период в Ираке порядок не стал привлекательной моделью для государств арабского мира. Скорее такие итоги американского вторжения в Ирак, наоборот, послужили задачи укрепления региональных элит во мнении о деструктивности политики США[353].

Именно по этой политической традиции в постсаддамовский период президентом Ирака становится курд, спикером парламента – суннит, а премьер-министром – представитель шиитской части населения страны. При этом и рекрутирование в элиту базировалось на основе этого принципа при сохранении клановости в постсаддамовский период.

В данной главе диссертации автор предлагает рассмотреть два элемента иракской политической системы: 1) семьи и кланы, формирующие политические партии и движения по этноконфессиональному принципу; 2) религиозные институты, неформально влияющие на всю политическую систему.

Согласно Ашину Г.К. «элиты формируются (рекрутируются) на основе принятых в обществе ценностей – высоких личных достижений, компетентности в управленческой деятельности (достиженческий статус) – или на основе предписанного статуса (богатство, происхождение, членства во влиятельных группах, кланах). Достиженческий статус элиты превалирует в открытых обществах, предписанный – в закрытых»[354]. В Ираке происходило смешение формальных и неформальных элементов рекрутирования в правящую элиту. Во многом основы такого смешения берутся из существования формальных и неформальных институтов государственности. Под неформальными институтами нами понимаются «принимаемые обществом правила, обычно неписаные, которые создаются, передаются и применяются вне официально санкционированных

[353] Selim G. The impact of post-Saddam Iraq on the cause of democratization in the Arab world // International Journal of Contemporary Iraqi Studies, № 6 (1), 2012. Pp: 53-87

[354] Ашин Г.К. Понятие «элита» и его роль в политических исследованиях // Философские науки, 2005. № 7. С. 23.

каналов»[355]. В этом контексте представляется целесообразным изучить правящую элиту в Ираке с точки зрения предписанного статуса. Действительно, происхождение, членство во влиятельных группах и кланах многими исследователями отмечается в качестве ключевого элемента формирования иракской элиты.

Ранее были подробно рассмотрены юридические аспекты рекрутирования в иракскую элиту и законодательно оформленный электоральный процесс. М.А. Сапронова отмечала, что особенность иракской конституции 2005 г. в том, что это – «арабская конституция новейшего периода, принятая в результате насильственного прерывания национального государственного развития и закрепляющая условия жизнедеятельности государства, не только далекие от реальной действительности, но и вводящие совершенно новые элементы государственного развития, не известные арабскому миру»[356]. Насильственное прерывание национального государственного развития привнесло не только новые положения Основного закона Ирака. Серьезную роль в Ираке стали играть и неформальные элементы взаимодействия элит и групп интересов, подчинявшиеся неписаным законам. Так, ключевым концептом, в рамках которого формировалась новая политическая элита Ирака и происходило распределение государственных позиций в постсаддамовском Ираке, стоит назвать «мухасаса таифийя» (ближайший перевод на русский язык – система [этно]конфессиональных квот). Именно концепт «мухасаса таифийя» – возможно, ей даже уступает иракская конституция – выражает основные принципы и параметры функционирования иракской государственности после 2003 г.

Система «мухасаса таифийя» предполагает наличие особых неформальных механизмов взаимодействия ее составных частей, что часто сравнивают с ливанским политическим конфессионализмом (оговоримся, что Франция содействовала установлению этой системы в Ливане и Сирии) и консоциативным

[355] Bogaards M. Formal and Informal Consociational Institutions: A Comparison of the National Pact and the Taif Agreement in Lebanon // Nationalism and Ethnic Politics Journal. Volume 25, 2019. Pp. 27-42.
[356] Сапронова М.А. Иракская конституция в прошлом и настоящем (Из истории конституционного развития Ирака). М.: Институт Ближнего Востока, 2006. С. 17.

типом отношений политических групп[357]. Система задавала рамки для принятия политических решений в том, что исследователи стали называть «глубоко разделенным обществом»[358,359]. А.В. Сарабьев справедливо отмечал для ливанского кейса особый способ принятия политических решений «на основе неформальных институтов и практик (возможно, архаичных и регрессивных), во многом дополняющих демократические институты и процедуры и делающих их эффективными в особых условиях существования гетерогенного ливанского общества»[360]. В некоторой степени это было характерным и для Ирака после 2003 г., однако стоит отметить скорее эффективность достижения договоренностей и компромисса элит, но не работы демократических институтов. В этой связи представляется значимым существование неформальных институтов и практик в условиях «хрупкого» государства. Особенности формирования этой системы в Ираке были импортированы в Ирак извне вместе с проживавшими в изгнании политиками, которые во многом благодаря американской военной силе составили новую правящую элиту[361].

Стоит уделить внимание самим составным частям концепта «мухасаса таифийя». Термин «таифийя» в переводе на русский язык значит 1) разрозненность по группам, отдельным религиозным общинам; сектантство 2) дух розни. При этом связанное с ним понятие «таифа» означает 4) религиозная община, группа людей, исповедующих одну религию. Сложность в том, что этим «таифа» можно обозначить не только принадлежность к чему-либо религиозному, что объединяет

---

[357] Saouli A. Sectarianism and political order in Iraq and Lebanon // Studies in Ethnicity and Nationalism Journal, Vol. 19, № 1, 2019. Pp. 67-87.

[358] Lustick, I. Stability in deeply divided societies: Consociationalism versus control // World Politics. 31 (3), 1979. Pp. 325–44.

[359] Наумкин В.В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 1. С. 66–96.

[360] Сарабьев А.В. Ливан: обыкновенная «консоциональная демократия» в региональном контексте. Вестник МГИМО-Университета. 2019; № 12 (4). С. 92.

[361] Dodge T. Iraq and Muhasasa Ta'ifia; The External Imposition of Sectarian Politics // The Foreign policy Centre. 12.11.2018. [Electronic resource]. Mode of access: https://fpc.org.uk/iraq-and-muhasasa-taifia-the-external-imposition-of-sectarian-politics/ (last visited: 01.02.2019).

людей, но и просто вполне конкретную отдельную «группу лиц». В зависимости от контекста и хронологических рамок термин оказывается зачастую размыт.

«Таифийя» в современном иракском политическом дискурсе обозначает политические идеи и практики, которые в основе своей имеют базис построения общества, политических сил и движений, самой элиты по этноконфессиональному признаку. В иракской современной истории именно с этим направлением мысли связывают распределение властных полномочий в соответствии с принадлежностью к конфессиональным и этническим силам при учете их количества в общем составе населения. Причём эти властные практики накладываются на привнесённые – скорее в риторике – оккупантами институты с демократическим окрасом. В современном Ираке многие противостоят идеям, ассоциирующимся с «таифийя». Однако этот запрос части общества на преодоление системы «мухасаса таифийя» сталкивается с реальностью – сложившиеся в постсаддамовский период политические силы скорее ее укореняют, и им сложно с ней разорвать, поскольку все их существование связано с ней. Проблема еще и в том, что система абсолютно непрозрачна – отсутствует какая-либо статистика, по которой военные и гражданские государственные посты распределяются между ключевыми группами (в отличие от Ливана)[362].

Исторически в средние века термином «таифийя» обозначали разобщенность конфессий (шииты/сунниты, католики/протестанты/ортодоксы). Затем термин стал применяться для обозначения и замены, вернее, поглощения в одно сразу нескольких понятий, таких как «аль-милля» (отдельная народность/религиозная группа), аль-ирк (раса), ад-дин (религия). С «аль-милля», например, связана так называемая система «миллетов», которая позволяла управлять разнородной Османской империей. «Таифийя» же в новейшее время стал смешиваться с

[362] Gaub, F. Meet Iraq's Sunni Arabs: A Strategic Profile // European Union Institute for Security Studies. Issue Brief 26. 2017. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Brief%2026%20Iraq%27s%20Sunnis_0.pdf (last visited: 03.02.2019).

негативными процессами в арабском мире, и именно этим термином стали объяснять гражданские войны и их особенности в Йемене, Ливане, Сирии, Ираке.

«Таифа» небезосновательно связывают со схожим термином «мазхабийя» (разделение на школы/направления). Дело в том, что в исламе признано наличие религиозных научно-правовых школ – мазхабов. В суннитском исламе существуют четыре ключевых мазхаба – маликийя, шафиийя, ханафийя, ханбалийя. Отдельно выделяют шиитский джафаритский мазхаб. Термин «мазхабийя» в политике используют в связи с негативными явлениями в арабском обществе, связанными с религиозной, внутриконфессиональной (мы намеренно избегаем перевода термина с использованием слова «сектантской», поскольку считаем, что оно не передает смысл) нетерпимостью или «ат-таассуб аль-мазхабий». Одно из определений гласит, что ат-таассуб аль-мазхабий – это «состояние придерживания узкого кругозора религиозной мысли, которое приводит к пренебрежению в отношении других взглядов»[363]. При этом исследователями считается, что термин «мазхабийя» снова обрел актуальность с исламской революции в Иране 1979 г. Согласно мнению этих специалистов, события в Иране вновь вернули тему конфессионализма и межконфессионального раскола в регион арабского машрика (особенно в Ираке), напоминая о борьбе шиитской Сефевидской империи и суннитской Османской империи[364].

В некоторой степени конкурентно идеям «таифийя» то, что подразумевают под термином «маданийя». «Маданийя» (гражданственность) представляет собой набор практик, при котором общество строится не на этноконфессиональной основе, а учитываются все элементы этого общества[365]. Ключевым является участие в политическом процессе и обеспечение прав граждан без оглядки на их

---

[363] Аль-Маджали, М.А. Изучение мер по защите от внутриконфессиональной нетерпимости и ее влияние на общественную безопасность (на араб. **مكتبة المدينة الرقمية** - لـ امن أا علىهثر **وأبيهلمذ** التعصب اقية منالوا بيرالتدا). Эр-Рияд: Арабский университет наук безопасности им. принца Наифа, 2008. С. 12.

[364] Аз-Зууейри, М. Аль-мазхабийя в современном Арабском Машрике. Ситуация с Османской империей и империей Сефевидов (на араб. **الحالة العثمانية الصفوية :المذهبية في المشرق العربي الحديث**) // Журнал «Омран». Выпуск 11, 2015. С. 107.

[365] Ас-Саляфи, А. Ф.. Гражданское государство: понятия и столпы (الدولة المدنية مفاهيم وأحكام). Каир: Университет аль-Азхар, 2011.

этническую или конфессиональную принадлежность[366]. Этот термин продолжает носить расплывчатый характер, но активно используется политиками, например, спикером парламента Ирака Салимом аль-Джбури. В данном направлении ещё более радикальным является принципы «альманийя» (светскости). Эти принципы заключаются в отделении религиозных/конфессиональных движений и идеологий от политики. После свержения С. Хусейна именно религиозно-политические деятели оказались у власти[367], но период после 2014 г. идеи светскости набирали обороты и резко обрастали популярностью.

Основным моментом, отделяющим «маданийя» от «альманийя», является наиболее важный для арабских исследователей вопрос о роли армии в политике. Светский режим в арабских странах на практике допускал возможность для армии и силовых структур приходить к власти. В государстве же, основанном на принципах «маданийя», армии строго запрещено вмешиваться в политический процесс, равно как и религиозным структурам[368]. Постсаддамовские элиты прекрасно осознавали значимость подчинения армии и силовых структур гражданской власти, поскольку сами от нее пострадали в более ранний период иракской истории, богатой на военные перевороты и доминирования спецслужб С. Хусейна.

«Хрупкость» иракского государства в постсаддамовский период проявилась не сама по себе. Согласно Е. Садыги-Боруджерди, «американский империализм не только уничтожил баасистское государство и последние остатки иракской ассоциативной жизни, но и сыграл решающую роль в преобразовании нового государства и эффективной институционализации этноконфессионального (ethno-sectarian – прим. автора) конституционального порядка…существуют веские основания полагать, что политико-конституциональный порядок, эвфемистически

---

[366] Аль-Ансари, А. бу А. Понятие гражданского государства в западной и исламской мысли: Сравнительное изучение некоторых конститутивных текстов (на араб. **مفهوم الدولة المدنية في الفكر الغربي والإسلامي(دراسة مقارنة لبعض النصوص التأسيسية)**). Эрбиль: Арабский центр разработок и политических исследований, 2014. С. 1.

[367] Саади, И.Х. Правящая политическая элита в Ираке 1958-2014 гг. «Исследование тенденций и целей» (на араб. **النخبة السياسية الحاكمة في العراق**1958-2014 **"دراسة في التوجهات والاهداف"**) // Университет Нахрейн. 2015. [Электронный ресурс]: http://www.nahrainuniv.edu.iq/ar/node/4495. (дата обращения: 20.04.2018).

[368] Альян, И. Х. Религиозное государство и гражданское государство (на араб. الدولة الدينية والدولة المدنية). Иерусалим: Открытый университет Иерусалима, 2012. С. 17.

называемый консоциональной демократией, породил беспрецедентный режим этноконфессиональной идентификации и конкуренции – новое явление в иракской истории – и стимулировал обращение политических акторов к этноконфессиональной нагрузке…»[369]. Е. Садыги-Боруджерди приводит комментарий Э. Александер: «межконфессиональный (sectarian – прим. автора) баланс и одновременно с этим межконфессиональная конкуренция была закреплена в американском Ираке с самого начала. Практика «мухасаса», использование этноконфессиональной квотной системы назначений, была имплементирована политическими партиями, чье выживание было связано с укреплением этноконфессионализма (sectarianism – прим. автора)»[370].

В условиях выборного процесса и «мухасаса таифийя», и социально-политический порядок в Ираке с 2003 г. зависели от тех политических сил, которые обращались к этноконфесиональной идентичности в своей риторике для мобилизации электората. Таким образом, получавшие за счет преимуществ данной системы свои позиции иракские политики и партии по итогам выборов распределяли средства, находившиеся на балансе того или иного министерства, между представителями отдельных этноконфессиональных групп. В результате этого функционирование новой государственности Ирака было направлено на постоянное перераспределение капитала и доходов от нефти между партиями и лицами, имевшими доступ к государственной службе за счет квот их конфессиональных групп. Институты государственности находились в разделенном и малоэффективном состоянии. Как отмечает Т. Додж, «каждая партия затем использовала бы ресурсы министерства, которое им было присвоено, для получения экономического капитала в своей борьбе за доминирование на политическом поле. В результате доступ к государственной службе, все еще доминирующей на иракском рынке труда, был гарантирован только в случае вступления в альянс с одной из политических партий, пропагандирующих

[369] Sadeghi-Boroujerdi E. Strategic Depth, Counterinsurgency, and the Logic of Sectarianization: The Islamic Republic of Iran's Security Doctrine and its Regional Implications // Sectarianization: Mapping the New Politics of the Middle East (edited by Hashemi N., Postel D.). New York: Oxford University Press, 2017. P. 169.
[370] Ibid. P. 170.

“мухасаса таифийя”»[371]. При этом существовала и проблема профессионализма новых иракских лидеров и бюрократов.

Наиболее формализованными элементами иракской политической системы, образовавшихся в рамках системы «мухасаса таифийя», стали политические партии и движения, сформированные по этноконфессиональному принципу. По сути, именно под них при помощи оккупантов и создавалась вся новая иракская государственность. Эти партии и движения стремились образовывать политические коалиции по этноконфессиональному признаку для участия в выборах и получения больших возможностей для продвижения своих интересов. Однако это одновременно вело к жесткой конкуренции между этноконфессиональными группами, а впоследствии – и вызвало разделенность и внутри этих групп. Можем привести мнение М. Оттавэй и Д. Кайси о том, что «разделенность на основе идентичностей продолжила вести избирательный политический процесс, установленный оккупантами, и лежала в основе постоккупационного кризиса»[372] (несмотря на то, что автор предложил бы внести допущения к этому мнению и отдельно отметить, что оккупанты во взаимодействии со своими находившимися в изгнании иракскими коллегами сами оказались готовы установить систему «мухасаса таифийя»). Итоги выборов зачастую выступали в качестве доказательной базы в пользу мнения о том, что в глубоко разделенных обществах люди обычно голосуют на основе этноконфессиональной идентичности. Это и произошло, что дало шиитским политическим силам возможность доминировать в политическом процессе. Однако важным стало и другое: фактически у новых элит было больше шансов определить свои доминирующие позиции именно ввиду их изначального нахождения на одной стороне с оккупантами против С. Хусейна. Но со временем эффективность использования иракскими политическими силами «антисаддамовской» риторики, как и заявления о свободе и демократии «нового Ирака», снизилась. Элиты теряли

[371] Dodge T. Tracing the Rise of Sectarianism in Iraq after 2003 // LSE Middle East Centre Blog. 13.09.2018. [Electronic resource]. Mode of access: https://blogs.lse.ac.uk/mec/2018/09/13/tracing-the-rise-of-sectarianism-in-iraq-after-2003/ (last visited: 16.02.2019).
[372] Ottaway M., Kaysi D. The state of Iraq. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace. 2012. P.3.

свое влияние на массы, а молодое население уже не заботили те невзгоды, через которые прошли их лидеры во времена Саддама Хусейна.

К 2018-2020 гг. в иракском обществе назрел запрос на секуляризацию, драйвером этого процесса стало два фактора. Первый из них был связан с провалом «исламских партий» в области предоставления услуг населению, а второй – с настроениями иракской молодёжи и её процентном отношении от всего населения страны (60% граждан Ирака находились в возрасте до 25 лет)[373]. Это по-особому вскрыло вопросы безработицы среди молодежи, которая достигла 17% среди молодых людей и 27% среди девушек[374]. Привлечение голосов молодёжи, как и в целом возвращение доверия отвернувшегося электората в условиях провала государственного управления, внесло важный вклад в понимание элитами необходимости обновления своих политических сил и партий. Кроме того, если ранее еще была возможности для понимания выстраивания системы в контексте этноконфессиональной разделенности «мухасаса таифийя», то с течением времени происходила дезинтеграция в сторону распределения ресурсов, привилегий и доходов (в т.ч. от нефти) по партийным линиям, закладывавшая основу для так называемой «мухасаса хизбийя», или «партийной мухасасы». Как отмечала И. Рудольф, «в то время как политика идентичности уступает место персонализированному клиентелизму, внутриконфессиональная конкуренция и фрагментация породили неожиданные альянсы не только внутри отдельно взятой этноконфессиональной группы, но и между идеологическими и племенными линиями разлома»[375]. Но даже в рамках этих политических трансформаций семейные кланы сохранили свою актуальность несмотря ни на какие вызовы и риски, с которыми они сталкивались.

---

[373] In Iraq, UN Youth Envoy says young people are ‘most valuable force we have to shape a better future // UN News Centre. 12.08.2017. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.un.org/sustainabledevelopment/blog/2017/08/in-iraq-un-youth-envoy-says-young-people-are-most-valuable-force-we-have-to-shape-a-better-future/ (last visited: 18.02.2019).

[374] Benhaida S., Al-Khaled W. To fight off unemployment, Iraqi youth plant start-up seeds // Phys.org. 17.02.2019. [Electronic resource]. Mode of access: https://phys.org/news/2019-02-unemployment-iraqi-youth-start-up-seeds.html (last visited: 12.03.2019).

[375] Rudolf I. The Sunnis of Iraq’s “Shia” Paramilitary Powerhouse // The Century Foundation. 13.02.2020. [Electronic resource]. Mode of access: https://tcf.org/content/report/sunnis-iraqs-shia-paramilitary-powerhouse/?session=1 (last visited: 15.02.2020).

5.2. Кланы, лидирующие в политических партиях и движениях. Основные иракские семьи, их роль в элитных группах

Как правило, устройство общества формируется в течение долгих исторических периодов и является результатом накопленного опыта и постоянного изменения. Общественное устройство не статично, а способно к саморефлексии (в результате внутренних изменений) и рефлексии на внешние обстоятельства.

Несмотря на то, что в новую политическую элиту Ирака сторонники бывшего президента не могли попасть по определению, тем не менее именно предыдущий вектор внутриполитического развития во многом проясняет дальнейшие политические процессы в стране и формирование новой элиты. Постсаддамовскую политическую систему в Ираке можно назвать гибридной или переходной, поскольку в ней смешивались традиционные (в элите их представляли кланы и семьи) и формальные институты. С течением времени стало очевидным сохранение клановости/семейственности в политической элите Ирака.

Именно конгломерат различных семей/кланов (связанных в основном прагматически общей историей борьбы с С. Хусейном) и стала представлять собой иракская элита после 2003 г. Эти семьи составляли контрэлиту баасистам в саддамовский и досаддамовский период. Ими же и была выстроена новая политическая система, которая зависела от их позиционирования в Ираке и вовне его в условиях региональных и глобальных трансформаций.

Стоит отметить и фрагментированность постсаддамовской элиты Ирака. Так, директор программы Международной кризисной группы по Ближнему Востоку и Северной Африке Й. Хилтерманн замечает: «Мы должны называть их (власть в Ираке в постсаддамовский период – прим. автора) правящими элитами – во множественном числе, – поскольку они разнообразны. Основное различие между ними не в этноконфессиональном разрезе, хотя и это присутствует, а в разнице между теми, кто находился в изгнании, и иракцами, которые никогда не покидали Ирак… в отличие от первой группы, находившиеся в Ираке люди, которые всплыли в правительстве в 2003 г., были в основном неполитическими технократами –

причина, по которой они пережили репрессии… Элиты разбиты на группы, отражающие этносекторальную динамику, но в которых преобладают бывшие изгнанники, с заметными исключениями…»[376]. На этот аспект обращал внимание в 2003 г. и Л.Л. Данилов: «потребуются профессионалы (речь идет об управленцах первого звена – министрах и руководителях крупных ведомств), которые рано или поздно придут в столкновение с политиками-эмигрантами»[377].

Критериями выделения семей и кланов в постсаддамовских элитах Ирака стоит обозначить наличия у них: 1) капитала; 2) истории в Ираке (в т.ч. борьбы с режимом С. Хусейна) и политического представительства; 3) племенного или конфессионального авторитета у населения; 4) военизированных формирований; 5) внешней поддержки (региональной и международной). Исходя из этих критериев, мы можем выделить несколько семей, влияние которых на политический процесс в Ираке было критичным. В постсаддамовский период и в условиях де-факто деградировавших и разрушенных институтов власть обрели авторитетные семьи, среди которых выделялись Аляуи/Чалаби, Барзани, Талабани, а также ставшие особенно значимыми в новой элите религиозные семьи Садр и аль-Хаким. Отдельные семьи крупнейших племен (в основном суннитских или их суннитской части[378]) Обайд, Шаммар, Джубур, Дулайм также были участниками сложившегося конгломерата, но зачастую выпадали из политического процесса и не могли защитить свои позиции.

[376] Интервью автора с директором ближневосточной программы Международной кризисной группы Й. Хилтерманном по переписке. Брюссель-Москва. 2019 г.

[377] Данилов Л.Л. Тенденции и перспективы постконфликтного урегулирования в Ираке // Иракский кризис. Международный и региональный аспект. Под ред. Е.С.Мелкумян. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003. С. 172.

[378] Проблем с представительством шиитских племен или шиитской части племен, включавших себя как шиитов, так и суннитов, возникало меньше ввиду закрепления их интересов через шиитские политические силы.

5.2.1. Семьи Аляуи и Чалаби: финансовые ресурсы, связи с Западом и светский подход для постсаддамовского Ирака

Одними из наиболее влиятельных и находившихся до 2003 г. в изгнании иракских политиков стали Ахмад Чалаби[379] и Айяд Аляуи[380] (об их деятельности см. Глава 4, п. 1). Оба этих лидера сыграли ключевую роль в привлечении внешних сил – в первую очередь, США и Великобритании (где они проживали, как и большая часть политической элиты Ирака) – к свержению режима С. Хусейна[381]. Примечательным стал их бэкграунд, поскольку они были представителями аристократических шиитских иракских семей Чалаби и Аляуи. Во многом история их семей называется в качестве отправной точки и мотивов этих политиков в свержении режима С. Хусейна и участия в политической жизни нового Ирака[382].

Начало подъема клана Чалаби восходит к османскому периоду. Клан Чалаби происходит из Джазира ибн Умар (современный город Джизре в Турции), находящегося к северу от Мосула. В 1534 г. османский султан Сулейман I Великолепный захватил Багдад. В этот же период османы передали в управление приехавшим с ними в Багдад праотцу клана Чалаби Мухаммаду территории района Аль-Казымийи[383]. С тех пор история семьи Чалаби была связана с управлением и

---

[379] Ахмад Чалаби, родился в Багдаде 30.10.1944 г. Основатель Иракского национального конгресса, член Временного управляющего совета Ирака в 2003-2004 гг., министр нефти 2005-2006 гг., заместитель премьер-министра 2005-2006 гг., председатель комитета по дебаасификации. Учился на бакалавра математики в Массачусетском технологическом институте (США), в 1969 г. получил степень доктора наук (PhD) в Чикагском университете. Затем работал в Американском университете Бейрута. В 1971 г. женился на Лейле Оссайран, дочери известного ливанского политика, занимавшего, среди других должностей пост спикера парламента Ливана, Аделя Оссайран (родом из шиитских районов страны). Позднее проживал в Иордании и Британии (где получил гражданство) до возвращения в Ирак в 2003 г. (на территории Иракского Курдистана в более ранний период). Умер 3 ноября 2015 г.

[380] Айяд Аляуи, родился в Багдаде (Аадамийя) 31.03.1944 г. Основатель Иракского национального согласия (ИНС), премьер-министр временного правительства Ирака 2004-2005 гг., член Временного управляющего совета Ирака в 2003-2004 гг., вице-президент Ирака 2014-2015, 2016-2018 гг., лидер коалиции «Аль-Иракийя». Происходит из известной шиитской семьи. Окончил медицинский факультет Багдадского университета, затем получил степень магистра в Лондонском университете в 1975 г. Защитил PhD в том же университете в 1979 г. Согласно данным Arab Reporters for Investigative Journalism, был дважды женат (после смерти первой жены Утур Дуейша он женился на Санаа Хусейн Аляуи).

[381] Chan S. Ahmad Chalabi, Iraqi Politician Who Pushed for U.S. Invasion, Dies at 71 // The New York Times. 3.11.2015. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.nytimes.com/2015/11/04/world/middleeast/ahmad-chalabi-iraq-dead.html (last visited: 15.02.2020).

[382] Roston A. Ahmad Chalabi, The Man Who Gave Us ISIS // BazzFeed. 3.11.2015. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.buzzfeednews.com/article/aramroston/ahmad-chalabi-the-man-who-gave-us-isis (last visited: 16.02.2020).

[383] Зухейр Ф.А. Абдул Хусейн Чалаби, его жизнь и политическая роль в истории Ирака 1876-1939 (حَاته اجلليب احلسني عبذ العرام تاريخ يف السَّاسٌ ودوره 1876-1939) // Журнал факультета основного образования Университета Аль-Мустансирийя. Том 25, №105. 2019. С. 251.

делами аль-Казымийи (када, отдельная территориальная единица в Багдаде), а сами представители семьи были известны как наиболее богатые и преуспевающие дельцы.

Пик могущества и богатства семьи Чалаби приходится на монархический период Ирака. Тамара Чалаби, дочь Ахмада Чалаби, в своей книге, посвященной истории ее семьи, отмечает, что в 1920-х гг. Чалаби использовали свое влияние в истеблишменте, включая духовенство в священных городах Наджафе и Кербеле, для укрепления связей между королем Фейсалом и шиитским и суннитским духовенством, которые были недоверчивы как к королю, так и к британцам[384]. Дедом Ахмада Чалаби был Абдель Хусейн аль-Чалаби ат-Тайи (род. 1876 г.), который в начале XX в. возглавлял Министерство образования Ирака[385] и был единственным министром-шиитом в хашимитском правительстве[386]. Его сын, Абдель Хади Чалаби, занимал множество государственных и министерских постов, включая пост министра общественных работ. Абдель Хади вел как финансовые операции членов иракской монархии, так и духовных лидеров шиитов Наджафа. Семья Чалаби была близка к восемь раз занимавшему пост премьер-министра Нури Саиду (1887-1958 гг.) и успешно переводила свое экономическое влияние в политическое измерение и наоборот[387]. Сыновья Абдель Хади также были известны как государственные лица и специалисты в сфере финансов и торговли, среди них Рушди Чалаби (член парламента, министр без портфеля (1954 г.), сельского хозяйства (1955-1957), экономики (1958), транспорта (1958))[388], один из ведущих правоведов страны Хасан Чалаби, финансисты и торговцы Хазим, Джавад и Ахмад Чалаби. В успешное положение семьи также вносила вклад их мать, Биби

---

[384] Dreyfuss B. BOOK REVIEW: Tamara Chalabi's 'Late for Tea at the Deer Palace' // The Nation. 7.03.2011. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.thenation.com/article/archive/book-review-tamara-chalabis-late-tea-deer-palace/ (last visited: 16.02.2020).

[385] Ф.А. Зухейр. Абдул Хусейн Чалаби, его жизнь и политическая роль в истории Ирака 1876-1939 (اجلليب احلسني عبذ العرام تاريخ يف السّاسٌ ودوره حًاته 1876-1939) // Журнал факультета основного образования Университета Аль-Мустансирийя. Том 25, №105. 2019. С. 252.

[386] История семьи Чалаби [Электронный ресурс] // Газета "Коммерсантъ". №145. 10.08.2004. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/496491 (дата обращения: 20.04.2018).

[387] Roston, A. The Man Who Pushed America to War: The Extraordinary Life, Adventures, and Obsessions of Ahmad Chalabi. New York: Nation Books, 2008. P. 15.

[388] Dougherty B.K., Ghareeb E.A. Historical Dictionary of Iraq. Lanham, MD and Oxford, UK: The Scarecrow Press, 2004. P. 56.

Хасан аль-Бассам Чалаби, которая в равной степени сочетала превосходные навыки управления домашним хозяйством с политическими делами.

Со свержением Хашимитов в результате революции 1958 г. в Ираке семья Чалаби покинула страну, уехав в Британию, Ливан, Иорданию и США. Ахмад Чалаби и его братья продолжили заниматься финансовыми вопросами и стали во главе нескольких финансовых структур на Ближнем Востоке и в Европе. Сам Ахмад Чалаби женился на дочери ливанского политика Аделя Оссейран Лейле Оссейран, что считается его пропуском в политическую жизнь Ливана, где он также через семью Оссейран познакомился и наблюдал за действиями обладавшим особым влиянием на шиитов страны Мусой ас-Садром[389]. А. Чалаби последовательно наращивал свои контакты и получил доступ к различным региональным игрокам, включая иранцев и курдов, что было полезно ему в дальнейшем.

Братья Чалаби развили бизнес в Иордании, где стали печально известны в связи с обанкротившимся в 1980-е гг. банком «*Petra Bank*». В 1992 г. по этому делу иорданский военный суд приговорил Ахмада Чалаби к 22 годам лишения свободы за мошенничество и растрату средств[390]. Тем не менее братья Чалаби продолжили свою деятельность, а получивший британское гражданство Ахмад Чалаби стал ключевым лоббистом, продвигавшим идеи вторжения США в Ирак[391]. После свержения режима С. Хусейна первым генеральным директором организованного Специального иракского трибунала стал племянник А. Чалаби британский и американский юрист Салем Чалаби (род. 1963), что вызвало массу споров ввиду неприкрытого непотизма. Позднее он ушел с этого поста, но продолжил работать со своим дядей, занимаясь не только юридическими консультациями. Отмечается, что Ахмад Чалаби имел хорошие контакты с американскими неоконсерваторами и

---

[389] Bonin R. Arrows of the Night: Ahmad Chalabi and the Selling of the Iraq War. New York: Anchor Books, 2012. P. 56.
[390] Семенова В. Финансовые пирамиды Ахмада Чалаби. Вашингтон хочет сменить Саддама на иракского «Мавроди» [Электронный ресурс] // Время новостей. 17.04.2003. Режим доступа: http://www.compromat.ru/page_13002.htm (дата обращения: 22.04.2019).
[391] Mayer J. The Manipulator Ahmad Chalabi pushed a tainted case for war. Can he survive the occupation? // The New Yorker. 7.06.2004. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.newyorker.com/magazine/2004/06/07/the-manipulator (last visited: 16.02.2020).

Пентагоном, что обеспечило ему поддержку американцев, когда он вернулся в Ирак в 2003 г. Однако Государственный департамент США и ЦРУ склонялись к поддержке другого иракского политика в изгнании – дальнего родственника А. Чалаби Айяда Аляуи[392].

Айяд Аляуи восходит к известной своей коммерческой деятельностью в Ираке шиитской семье, которая также дала Ираку множество государственных деятелей времен монархии. Среди них бывший министр здравоохранения Абдель Амир Аляуи. Брат Абдель Амира Аляуи и отец Айяда Аляуи Хишам был багдадским коммерсантом, а мать Наджат – представительницей ливанской семьи Оссейран (той же, что и жена А. Чалаби Лейла Оссейран)[393]. Такое аристократическое наследие могло препятствовать в продвижении Айяда Аляуи после революции 1958 г., свергнувшей монархию. Тем не менее сам Айяд Аляуи еще будучи студентом вступил в партию Баас в 1961 г. (у него могли быть разные мотивы)[394] и быстро продвигался по партийной лестнице. В 1971 г. А. Аляуи направился в Ливан, затем был переведен в Европу. Он имел разногласия с партийными лидерами и особенно восходившим на ведущие позиции в партии Саддамом Хусейном, который в свою очередь видел для консолидации своей власти опасными таких лиц, как А. Аляуи. Последний вышел из партии, в которой все более смещался баланс сил (включая смещение доминирования конфессионального баланса от шиитов к суннитам). Покинув Ливан, А. Аляуи направился в Лондон, где получил дополнительное медицинское образование. Однако покушение на его убийство в Лондоне, организованное, как считается, спецслужбами С. Хусейна, заставило его активнее работать над организацией

---

[392] Claude P. The CIA's main man in Baghdad // The Guardian. 23.07.2004. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.theguardian.com/theguardian/2004/jul/23/guardianweekly.guardianweekly1 (last visited: 18.02.2020).

[393] Аль-Мох, З. Ияд Аляуи.. Известный аристократ и бывший баасист, который предостерегает от попадания в ловушки окаменелых позиций (на араб. أياد علاوي.. الأرستقراطي الشعبي والبعثي السابق المحاذر للوقوع في مطبات المواقف المتحجرة) [Электронный ресурс] // Аш-Шарк аль-Аусат. 29.05.2004. Режим доступа: https://archive.aawsat.com/details.asp?issueno=9165&article=236484#.XniaX4gzZPY (дата обращения: 19.02.2020).

[394] Там же.

оппозиции режиму. Айяд Аляуи обрастал контактами, а также взаимодействовал с британской разведкой МИ-6 и американским ЦРУ[395].

После свержения С. Хусейна А. Аляуи занимал множество постов в Ираке, среди которых и пост премьер-министра временного правительства (2004-2005). Стоит отметить, что из клана Аляуи на государственных позициях был также Али Абдель Амир Аляуи[396]. Али Аляуи приходится племянником Ахмаду Чалаби, будучи сыном его старшей сестры. Она была замужем за министром здравоохранения в монархический период Абделем Амиром Чалаби (дядей Айяда Аляуи)[397]. Именно Али Аляуи был основным конкурентом Ахмада Чалаби в конце 1970-х гг., когда клан Аляуи-Чалаби хотел расшириться и начать бизнес в Иордании. Это были скорее споры, чем расколы, поэтому в 2003 г. Али Аляуи занял министерский пост в первом правительстве Ирака, представляя политическую партию Ахмада Чалаби.

Движение «Иракский национальный конгресс» А.Чалаби не получило поддержки населения, и Чалаби перешел в деятельность за кулисами иракской политики, сохраняя определенную степень влияния до своей смерти в 2015 г. – был председателем финансового комитета парламента. В свою очередь, Айяд Аляуи сначала триумфально выиграл выборы 2010 г. во главе светской коалиции «Аль-Иракийя», а затем ввиду ряда внутренних проблем и политики конкурентов был вынужден уступить, так и не вернувшись на пост премьера.

В 2018 г. Айяд Аляуи, его жена Санаа Хамид Хусейн аль-Хассуна (возможно, из авторитетного клана аль-Хассуна и в родственных связях с Хамидом Хусейном аль-Хассуна, бывшим могущественным руководителем первого корпуса иракской

---

[395] Отношения Аляуи с американской и британской разведками (на араб. علاقة علاوي مع المخابرات الامريكية والبريطانية) [Электронный ресурс] // Дунья аль-Ватан. 18.11.2014. Режим доступа: https://www.alwatanvoice.com/arabic/news/2004/11/18/12870.html (дата обращения: 19.02.2020).

[396] Али Абдель Амир Аляуи, родился в 1947 г. в Багдаде. Министр торговли Ирака 2003-2004 гг., министр обороны 2004 г. (в правительстве Айяда Аляуи), министр финансов 2005-2006 гг., советник премьер министра. Получил степень бакалавра в области гражданского строительства в Массачусетском технологическом институте (США) в 1968 г. и степень магистра делового администрирования (MBA) Гарвардской школы бизнеса в 1971 г.

[397] Махбуб М. Ияд Аляуи, противоречивый политик (на араб. أياد علاوي السياسي المثير للجدل) [Электронный ресурс] // Иляф. 7.02.2012. Режим доступа: https://elaph.com/Web/opinion/2012/2/714856.html (дата обращения: 19.02.2020).

армии) и дети Сара, Наджат и Хамза получили ливанское гражданство[398]. Для Айяда Аляуи это стало третьим гражданством после иракского и британского. Тем не менее протесты в Ираке 2018-2020 гг. создали новые условия для появления вновь семьи Аляуи на высших государственных позициях. Так, двоюродный брат Айяда Аляуи Мухаммад Тауфик Хуссейн Аляуи[399] был назначен президентом Бархамом Салехом на пост премьер-министра Ирака в феврале 2020 г., однако был вынужден снять свою кандидатуру, поскольку два раза не смог утвердить состав кабинета министров в парламенте. Мухаммад Тауфик Аляуи ранее также был членом парламента Ирака – сначала в 2006 г., а затем в 2008 г., заменив члена комитета по правам человека Аиду Шариф Оссейран – двоюродную сестру Айяда Аляуи по материнской линии – после ее смерти.[400]

Наиболее загадочной личностью из родственников Айяда Аляуи является его старший брат – Сабах Хашим Аляуи. Он известен своей дипломатической (занимал позиции в ООН) и коммерческой деятельностью в Европе и на Ближнем Востоке, в основном ведя свои дела из Ливана. После возвращения в Ирак в 2003 г. он работал со своим братом. Позднее вошел в совет директоров нидерладской частной военной компании «Red Alert Group», чей контингент в Ираке возглавил бывший американский военный[401]. Сабах Аляуи также был управляющим банка «Trans Iraq Bank», который ввиду нарушений был взят под контроль иракского Центробанка в 2012 г. Годом ранее Сабах Аляуи вошел в партнерство с ливанской семьей Кеббе, члены которой были акционерами ливанско-канадского банка (был распущен,

---

[398]Неожиданный ливанский указ об обретении гражданства. Айяд Аляуи и его семья (на араб. مفاجأة مرسوم التجنيس اللبناني... اياد علاوي وعائلته) [Электронный ресурс] // Ас-Сумарийя. 08.06.2018. Режим доступа: https://www.alsumaria.tv/news/238785/مفاجأة-مرسوم-التجنيس-اللبناني-اياد-علاوي-وعائلته/ar. (дата обращения: 19.02.2020).

[399] Мухаммад Тауфик Хуссейн Аляуи Амин ар-Рубайи, родился в Багдаде 1.07.1954 г. Министр связи Ирака в 2006-2007 гг. и 2010-2012 гг. Член парламента 2006 г. и 2008-2010 гг. Он начал обучение в Багдадском университете, однако, недоучившись, перехал в Бейрут. Получил степень бакалавра в области архитектуры в Американском университете Бейрута в 1980 г. Затем переехал в Великобритаю, где получил британское гражданство. Занимался строительным бизнесом и принимал участие в конференциях оппозиции режиму С. Хусейну. После 2003 г. заниимал ряд государственных постов.

[400] Кем является Мухаммад Аляуи, которому поручено возглавить иракское правительство? (на араб. من هو محمد علاوي المكلف برئاسة الحكومة العراقية؟)[Электронный ресурс] // Скай Ньюз Арабийя. 01.02.2020. Режим доступа: https://www.skynewsarabia.com/middle-east/1317433-محمد-علاوي-المكلف-برئاسة-الحكومة-العراقية؟ (дата обращения: 20.02.2020).

[401] Sabah Allawi Joins Board of Directors. Red Alert Force Formed // GlobeNewsWire. 29.09.2003. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.globenewswire.com/news-release/2003/09/29/301062/45750/en/Sabah-Allawi-Joins-Board-of-Directors-Red-Alert-Force-Formed.html (last visited: 19.02.2020).

попав в черный список США, когда банк обвинили в отмывании денег для Хизбуллы). Согласно данным журналистов газеты «Аль-алям аль-джадид», ссылающимся на панамские документы, у Сабаха Аляуи есть несколько оффшорных компаний, партнерами в которых выступают его дочь Майя и племянница, дочь Айяда Аляуи, Сара[402].

Таким образом, клан Аляуи-Чалаби, будучи элитой в монархический период Ирака, на протяжении десятилетий развивал свои контакты и бизнесы в иммиграции. Помимо этого, представители клана вели деятельность по формированию вокруг себя оппозиции режиму С. Хусейна. Для этой группы нынешних политических элит Ирака возвращение – восстановление своего статуса и положения, утраченного их отцами и дедами в результате революции 1958 г. Получив поддержку Запада, в первую очередь Великобритании и США, им удалось пролоббировать решения по вторжению в Ирак, что позволило им занять ключевые позиции в стране в постсаддамовский период.

5.2.2. Семьи Ааль Садр и Ааль Хаким: история и положение в постсаддамовском Ираке

Наиболее стойкими представителями борьбы с С. Хусейном из шиитов стали религиозные семьи (Ааль/бейт) Садров и Аль-Хаким. Садры, как было отмечено выше, не только идеологически стояли у истоков правящей с 2003 г. партии «Даава» через Мухаммада Бакира ас-Садра, но представляли отдельное движение во главе с молодым и влиятельнейшим шиитским клериком Муктадой ас-Садром. Своей популярностью и легитимностью у населения Муктада ас-Садр обязан своим предкам. Семья Садр принадлежит древнейшему и одному из наиболее авторитетных родов на всем Ближнем Востоке, будучи частью рода аль-Мусауи. Представители семьи Садров носят титул «сейид» (господин), поскольку являются

[402] Кязым М. «Панамские документы» и другие материалы раскрывают скрытые компании Аляуи и его семьи (на араб. (أوراق بنما) ووثائق أخرى تكشف الشركات الخفية لعلاوي وعائلته) [Электронный ресурс] // Arab Reporters for Investigative Journalism (ARIJ).] 2016. Режим доступа: https://arij.net/investigation/أوراق-بنما-ووثائق-أخرى/ (дата обращения: 19.02.2020).

потомками пророка ислама Мухаммада. Непосредственно сами Садры[403] и аль-Мусауи связаны с пророком через седьмого из двенадцати имамов шиитов Мусы ибн Джаафара аль-Казима. Современная история семьи ученых Садров берет свое начал из ливанского района Джебель Амиль.

Стоит отметить, что Шарафутдины сохраняли лидерство в ливанской общине шиитов и в середине XX в. и через кровнородственные отношения были связаны с шиитами Ирака и Ирана. Так, женившись на представительнице семьи Шарафутдин, бывший президент Ирана Мухаммад Хатами стал связанным с Абдель Хусейном Шарафудтином аль-Мусауи – религиозным лидером шиитов Ливана в 1950-е гг.[404] А сами Садры не забывали свои ливанские корни.

Именно из среды семьи Садров и вышел идеологический основатель крупнейшей правящей в Ираке с 2003 г. Партии исламского призыва «Даава» Мухаммад Бакир ас-Садр (1935-1980), который родился в багдадском районе аль-Казимийя. Именно в этом районе располагается золотая мечеть аль-Казимийя (или аль-Казимейн), где находится могила седьмого шиитского имама Мусы аль-Казима (праотца Садров) и девятого имама Мухаммада ат-Таки. Кроме того, там располагается гробница шиитского энциклопедиста и ученого Наср ад-Дина ат-

---

[403] Отец Муктады ас-Садра – великий аятолла Мухаммад Мухаммад Садык ас-Садр (1906–1986) – родился в священном Наджафе в семье Мухаммада Садыка ас-Садра (1906–1986). Последний в свою очередь являлся сыном Мухаммада Махди ас-Садра и внуком сейида Исмаила ас-Садра (ум. в 1919-1920 гг.). Именно родившийся в Исфахане (Иран), но в ливанской семье Исмаил ас-Садр известен среди первых, кто стал носителем фамилии Садров и перебрался в Наджаф, где и стал «марджаа» (пример для подражания – с араб.)[403]. Отец Исмаила ас-Садра великий аятолла Садр ад-Дин ибн Салех называется патриархом семьи Садров, которая в свою очередь является ветвью семьи Шарафутдинов из ливанского района Джебель Амиль (а Шарафутдины – часть семьи Нур ад-Дин), восходящую к Мусе аль-Казиму, а через него к первому шиитскому имаму и четвертому праведному халифу Али ибн Абу Талибу и дочери пророка Мухаммада Фатиме.

Праотцом семьи Шарафутдин можно назвать Салеха Шарафутдина аль-Амили или Салеха Аль-Кабира аль-Амилий аль-Меккий (род. 1710 г.), известного шиитского ученого земель исторического Шама (Леванта). Салеху Шарафутдину и его семье пришлось покинуть Джебель Амиль Ливана ввиду политических действий и гонений со стороны правителя Палестины и значительной части Сирии при османах Ахмада-паши аль-Джаззара (1775—1804 гг.). Последним были уничтожены основные шиитские религиозные тексты ученых Джебель Амиля[403]. Сначала Салех Шарафутдин был сослан Ахмадом аль-Джаззаром в тюрьму среди других шиитских ученых Джебель Амиля, затем людьми аль-Джаззара был убит сын Салеха Абу ль-Баракят (1197 г. по хиджре), что подвело Салеха покинуть Джебель Амиль. Так, Салех Шарафутдин и его сыновья переехали из Ливана в иракский Наджаф – священный для шиитов город. От Салеха Шарафутдина и одного из его сыновей – Сейида Садр ад-Дина бен Салеха (1779-1848 гг.) – и пошла одна из ветвей знаменитой семьи Садров, известной в Ливане, Ираке и Иране.

[404] The Shia Revival: How Conflicts within Islam Will Shape the Future. By VALI NASR, W.W. Norton & Company, 2016. P. 170.

Туси и там же умер отец самого Мухаммада Бакира ас-Садра аятолла Хайдер ас-Садр (1891–1937).

Считается, что первоначальный этап развития шиитского активизма и в целом антирежимного движения в Ираке находился в достаточно слабом состоянии, чтобы партии «Даава» представлять действительно партию с исламским видением и быть популярной в народе. По сути, Даава была явлением, зародившимся и завязанным на ряд улемов Наджафа, и, как пишет А.А. Игнатенко «вплоть до 1968 г. Партия призыва была орудием антикоммунизма в руках режима, установившегося в Ираке»[405]. Вопрос, однако, коренился не только в антикоммунизме, но и в целом в борьбе за умы шиитов. Именно представитель хаузы в Наджафе М.Б. ас-Садр был ключевым идеологическим отцом-основателем движения. Шииты также признавали и принимали коммунистические идеи и были представлены в этой среде, равно как и были представлены в управляющих структурах «Баас». Считается, что к 1957 г. до 75% партийного руководства «Баас» составляли шииты, в то время как их доминирование в партии закончилось в 1963 г., когда к власти в партии пришло в основном суннитское военное крыло баасистов[406].

После прихода баасистов к власти в Ираке в 1968 г. ситуация для «Даавы» и шиитских ученых Наджафа ухудшилась, поскольку баасисты несли мощный секуляристский заряд своей идеологии, а их шиитский элемент уступал суннитскому. После событий 1979 г. в Иране, в конце 1970-х и в 1980-е гг., власти Ирака вели жесткую политику в отношении усмирения и подчинения религиозной шиитской элиты видя в ней поддерживающих силы «экспорта исламской революции» из Ирана. 31 марта 1980 г. был принят закон, по которому члены партии «Даава» подвергались смертной казни. В том же году был убит открыто поддержавший исламскую революцию и в Ираке Мухаммад Бакир ас-Садр и его

---

[405] Игнатенко А.А. Халифы без халифата. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. С. 33.

[406] Shiite Politics in Iraq: The Role of the Supreme Council. Baghdad/Istanbul/Brussels: International Crisis Group, Middle East Reports № 70, 15.11.2007. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.refworld.org/pdfid/473d5d632.pdf (last visited: 19.02.2020).

сестра Амина, более известная как Бинт аль-Худа. Начались демографические чистки. Около 150 тыс. человек из числа шиитов были высланы из своих мест проживания в Ираке по направлению к Ирану[407]. Именно последователи М.Б. ас-Садра и партии «Даава» впоследствии встали у руля нового Ирака после 2003 г.

На протяжении 1980-х гг. сторонники партии «Даава» стали в основном проживать в Иране, но ее члены не пожелали полностью зависеть от Тегерана. В Тегеране партии исламского призыва приходилось взаимодействовать с другими оппозиционными С. Хусейну группами под эгидой Высшего совета исламской революции в Ираке (ВСИРИ). Ввиду идеологического расхождения с ВСИРИ (по-разному оценивали необходимость имплементации концепта вилаят-е факих) члены Даавы образовали новые органы и расширили свою деятельность в регионе. Стоит упомянуть о непосредственных политиках, функционерах и приверженцах партии «Даава», которые занимали пост премьер-министра в постсаддамовский период. Среди них выделился Нури Джавад аль-Малики[408], один из лидеров партии «Даава». Сначала он проживал в Иране, затем переехал в Дамаск. Нури аль-Малики выступал против полного перехода партии под контроль иранцев[409]. После 1988 г. партия «Даава» проходила через очередную трансформацию. Основная часть партии создала Политбюро (аль-Мактаб ас-Сиясий), которое стало центральным

---

[407] Игнатенко А.А. Халифы без халифата. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. С. 34.

[408] Нури Камиль Мухаммад Хасан аль-Малики, родился в городке Тувайридж провинции Бабиль (ныне город административно находится в провинции Кербала), 1.07.1951 г. Премьер-министр Ирака 2006-2014 гг., вице-президент Ирака 2014-2015, 2016-2018 гг. С 2007 г. генеральный секретарь партии «Даава» и глава коалиции «Правовое государство». Родился в религиозной шиитской семье, занимавшей почетное место в племени Аль-Али конфедерации племен Бану Малик и известной своими видными представителями. Среди них особенно стоит отметить деда Нури аль-Малики Мухаммада Хасана Абу аль-Мухасини, одного из основных лидеров антибританской революции 1920 г., поэта и министра просвещения Ирака (1925г.). В 1973 г. Нури аль-Малики получил диплом бакалавра по исламским наукам в одном из обучавших основам религии багдадских колледжей, а затем в 1992 г. получил магистерскую степень по арабской литературе Университета Салах ад-Дина в Эрбиле. В партии Даава с 1963 г. В 1979 г. покинул Ирак из-за преследований со стороны режима С. Хусейна. Проживал в Иордании, Сирии и с 1982 г. в Иране вплоть до своего отъезда в Сирию в 1989 г., где он возглавил сирийское отделение партии «Даава». После 2003 г. вернулся в Ирак, был заместителем главы комитета по дебаасификации, участвовал в подготовке проекта конституции страны. Был избран членом парламента в списке от Объединенной иракской коалиции, от которой же в апреле 2006 г. был номинирован на должность премьер-министра страны (получил поддержку и от лидера Даавы на тот момент Ибрахима аль-Джаафари, также ранее претендовавшего на пост премьера, что было негативно воспинято другими политическими силами). Несмотря на то, что Нури аль-Малики потерял свой пост премьер-министра в 2014 г., он сохранил влияние и продолжает возглавлять одну из ключевых политических сил страны коалицию «Правовое государство».

[409] Cogan J. Behind the installation of Jawad al-Maliki as Iraqi prime minister // World Socialist Web Site. 26.04.2006. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.wsws.org/en/articles/2006/04/iraq-a26.html (last visited: 20.02.2020).

аппаратом партии. Политбюро переехало в Дамаск и Лондон, где публиковало партийную газету «Саут аль-Ирак», официальный орган партии. Идеологически партия стала склоняться в сторону учения Мухаммада Хусейна Фадлаллы (1935-2010 гг.), соратника основателя Даавы М.Б. ас-Садра. Сам Х. Фадлалла свою причастность к движению не признавал. Оказывая идеологическую поддержку, он, тем не менее, не принимал участия в ее политических и практических действиях[410]. Политбюро партии состояло из трех ветвей – лондонского (возглавлял Ибрахим аль-Джаафари), иранского (Али аль-Адиб) и дамасского (Нури аль-Малики)[411]. Таким образом, М.Б. ас-Садр повлиял на формирование движения и партии «Даава», из среды которой позже вышли функционеры, ставшие премьер-министрами Ирака, как Ибрахим аль-Джаафари и Нури аль-Малики[412].

Отдельно от Партии исламского призыва, которую можно на начальных этапах связать с М.Б. ас-Садром, его братом, великим аятоллой Мухаммадом Мухаммадом Садыком ас-Садром, было развито другое шиитское антисаддамовское движение, названное в итоге движением садристов. После войны в Заливе 1990 г. именно ему приписывают лидерство в шиитских восстаниях 1990-1991 гг. Несмотря на подавление восстаний силами режима, М.М.С. ас-Садр обрастал сетью контактов, привлекая на свою сторону молодых и радикализовавшихся шиитов. Последние прибывали к М.М.С. ас-Садру под Багдад и располагались в наиболее бедных районах. Одни из таких гетто, где проповедовал ас-Садр, были названы сначала мадинат ас-саура (город революции), а затем и мадинат Саддам (или Саддам-сити), в честь привнесенной С. Хуссейном бедноты Ираку. Этот район, как и другие бедные районы, к которым аппелировал М.М.С. ас-Садр, стали основной социальной базой для великого аятоллы и его движения. Руководству Баас было проблематично установить над ними контроль, а в условиях отсутствия государственной поддержки бедных районов и деревень страны

---

[410] Беренкова Н.А. Феномен шиитского активизма в Ливане и его влияние на международные отношения Ближнего Востока (1967-2013 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15. Н. Новгород, 2015. С. 74.

[411] Dai, Ya. Transformation of the Islamic Da'wa Party in Iraq: From the Revolutionary Period to the Diaspora Era // Asian and African Area Studies, 7 (2), 2008. P. 254.

[412] Кратко об аль-Малики (на араб. سطور فى المالكي) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Нури аль-Малики. 2015. Режим доступа: https://nourialmaliki.me/سطور-في-المالكي/الإعلامي-المركز/ (дата обращения: 19.02.2020).

популярность М.М.С. ас-Садра и далее росла за счет предоставления простейших социальных услуг его сторонниками племенному населению. Движение садристов разрасталось. Тем не менее М.М.С. ас-Садр обрел такое влияние в стране, что угрожал целостности режима. 9 февраля 1999 г. он и двое его сыновей Мумиль и Мустафа были расстреляны в своей машине[413]. Считается, что решение об их ликвидации было принято властями в целях установления полного контроля над ситуацией. Начавшиеся восстания в шиитской среде, вызванные убийством популярного великого аятоллы, как и участие в них Высшего совета исламской революции в Ираке из-за рубежа, властям удалось подавить. Оставшиеся двое сыновей М.М.С. ас-Садра находились с тех пор под полной опекой спецслужб режима. Один из них, ставший затем лидером движения садристов, молодой шиитский клерик Муктада ас-Садр, сыграл заметную роль в истории Ирака. Во многом не обладая тем же религиозным авторитетом, что и его кровные родственники, его личность стала персонифицирована и была для масс выразителем Садров и их движения в постсаддамовский период[414]. Его позиция была зачастую радикальна и не находила поддержки аль-хаузы аль-ильмийи (научной семинарии) в Наджафе, где ключевым направлением был квиетизм, а духовным лидером и марджаийя (институт религиозного наставничества[415]) стал великий аятолла Али ас-Систани[416]. Али ас-Систани выдвинулся на первый план ввиду близости к семье влиятельных шиитских ученых аль-Хои, чьим сторонником был он сам. Ударом по семье аль-Хои стало убийство возвратившегося из изгнания в 2003 г. старшего сына Абу аль-Касима аль-Хои сейида Абдель Маджида аль-Хои, ранее возглавлявшего в Лондоне Фонд аль-Хои (см. Глава 5, п. 3)[417].

Садры находились в конкуренции за влияние на шиитскую общину Ирака с другими семьями – аль-Хаким (Табатабаи), аль-Хои и др. Семья (Ааль/бейт) аль-

---

[413] Raphaeli N. Understanding Muqtada al-Sadr // Middle East Quarterly 11, № 4, 2004. Pp. 33–42.
[414] Ibid.
[415] Беренкова Н.А. Особенности шиитских транснациональных движений в арабских странах Ближнего Востока // Религия и общество на Востоке, 2018, №2. С. 113
[416] Fuller G.E. Islamist Politics in Iraq after Saddam Hussein. Washington, DC: United States Institute of Peace, Special report №108, 2003. P. 5.
[417] Ibid. P. 4.

Хаким обрела особое влияние в постсаддамовском Ираке**.** Ключевой фигурой раннего постсаддамовского этапа в период оккупации можно назвать Мухаммада Бакира аль-Хакима, иракского шиитского клерика, проживавшего в Иране до свержения С. Хусейна в 2003 г. Уже в постсаддамовский период о нем Ф.А. Дорофеев пишет: «По признанию ряда аналитиков, Мохаммад аль-Хаким обладает серьезным политическим капиталом и влиянием на местных шиитов, тем более что возглавляемая им организация представляет себя защитником интересов шиитского большинства в Ираке. У аль-Хакима и его сторонников есть все шансы превратиться в ведущую политическую силу послевоенного Ирака, с мнением которой придется считаться. Особенно в таком деликатном деле, как распределение мест в будущих гражданских органах власти»[418].

Ключевым представителем семьи аль-Хаким, обеспечивавшим своими работами и ученостью авторитет семье, был отец М.Б. Аль-Хакима великий аятолла Мухсин ат-Табатабаи аль-Хаким (1889–1970). Он получил статус марджаа и главы высшей теологической школы («аль-хауза аль-ильмийя») в Наджафе после смерти до того единственного авторитета и марджаа, великого аятоллы Хусейна Боруджерди (1875-1961). В период управления в Наджафе Мухсином аль-Хакимом хауза разрослась, а на роль марджаа начали претендовать гораздо больше лиц[419]. Это был период децентрализации шиитского богословия и знания, равно как и отношения шиитских улемов к политике.

Мухсин ат-Табатабаи аль-Хаким, как и затем сменивший его Абу аль-Касим Аль-Хои, в целом считался представителем традиционной школы квиетизма, дистанцирования от активного участия религиозных ученых в политической практике. В этот же период оформилась тенденция к стремлению части более молодых шиитских ученых влиять на политический процесс. Среди ключевых улемов, представителей шиитского активизма, стоит назвать аятоллу Рухоллу Хомейни (проживавшего в этот период в Наджафе и ведшего свою политическую

[418] Дорофеев Ф.А. Шиитский фактор в Иракском кризисе: прогнозы и реалии [Электронный ресурс] // Издательский дом «Медина». 21.12.2011. Режим доступа: http://idmedina.ru/books/materials/?3722 (дата обращения: 19.02.2020).
[419] Shanahan, R. From Tyre to Tehran: Transnational Links amongst Lebanese Shi'a Clerical Families // Journal of Shi'a Islamic Studies, 6 (3), 2013. P. 317.

деятельность из Ирака на Иран) и Мухаммада Бакира ас-Садра с Мусой ас-Садром (после смерти М. аль-Хакима поддержал аль-Хои в качестве марджаа и главы хаузы в Наджафе[420]), ставшего впоследствии ключевым религиозным шиитским лидером Ливана и пропавшего в Ливии в 1978 г. при невыясненных обстоятельствах. Таким образом, можно было наблюдать два разных доктринальных течения в среде шиитской учености в Наджафе в 1960-е и 1970-е гг.[421] Мухсин аль-Хаким в этом плане также запомнился политическим действием, однако оно не было направлено непосредственно против режима (скорее могло использоваться им в борьбе с коммунистами). В 1960 г. Мухсин аль-Хаким издал фетву об объявлении членов Иракской коммунистической партии (ИКП) отступниками, сравнив коммунизм с многобожием и неверием (ширк и куфр). В целом этот шаг, как и развитие Партии исламского призыва в этот период, можно назвать исламской реакцией на растущую популярность коммунистических идей в Ираке среди городской бедноты и возвышение в основном суннитской ассоциации «Братьев-мусульман»[422].

Считается, что семья Аль-Хаким происходит из того же ливанского района Джебель Амиль, что и семья Садров. Именно там один из предков Мухсина аль-Хакима стал известным доктором (араб. «хаким» - врач, мудрец), что дало название семье[423]. Семья ат-Табатабаи аль-Хаким возводит свою родословную, как и другие в основном члены иранской ветви семьи Табатабаи, к внуку пророка Мухаммада и второму шиитскому имаму Хасану ибн Али. В то же время по материнской линии Мухсин аль-Хаким связан с бани Шайба – арабским племенем, которое испокон веков хранит ключи от Каабы. И, как и семья Садров, члены семьи аль-Хаким также повлияли на формирование оппозиции баасистам в Ираке. Хакимы, как и Садры, внесли свой вклад и в основание Даавы. Так, считается, что Мухсин аль-Хаким

---

[420] Ajami F. The Vanished Imam: Musa al Sadr and the Shia of Lebanon. Itacha and London: Cornell University Press, 1986. P. 194.

[421] Nasr V.R. Review of Joyce N. Wiley, The Islamic Movement of Iraqi Shiʿas (Boulder, Colo.: Lynne Rienner, 1992) // International Journal of Middle East Studies, Vol. 25, № 4. 1993. Pp.718-719.

[422] Кузнецов А.А. Неожиданные альянсы в преддверии парламентских выборов в Ираке. Часть 1 [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. 29.03.2018. Режим доступа: www.iimes.ru/?p=43049 (дата обращения: 19.02.2020).

[423] Shanahan, R. From Tyre to Tehran: Transnational Links amongst Lebanese Shi'a Clerical Families // Journal of Shi'a Islamic Studies, 6 (3), 2013. P. 321.

молчаливо поддержал, а его сыновья сейиды Мухаммад Махди и Бакир аль-Хакимы непосредственно участвовали в основании партии «Даава» с М.Б. ас-Садром и сейидом Муртадой аль-Аскари[424].

В 1970-е гг. М.Б. ас-Садр и Мухаммад Бакир аль-Хаким, сын Мухсина аль-Хакима, работали вместе, поддерживая шиитскую общину Ирака. Однако они оба не раз подвергались аресту со стороны властей, например, М.Б. аль-Хаким был арестован в 1976 г. за «подстрекательство к восстанию» и членство в партии «Даава», отпущен только ввиду протеста со стороны лидера хаузы в Наджафе аль-Хои президенту Ирака аль-Бакру[425]. Но новая волна гонений на отдельных представителей шиитского населения началась в 1979 г., когда был убит М.Б. ас-Садр, что подвело М.Б. аль-Хакима к понимаю необходимости отъезда из страны в Сирию, Ливан, а затем и в Иран, где он базировался до возвращения в Ирак после свержения С. Хусейна в 2003 г.

В Иране М.Б. аль-Хаким стал открытым врагом баасистов и возглавил Высший совет исламской революции в Ираке со штаб-квартирой в Тегеране. ВСИРИ и Даава проводили террористические акты внутри Ирака, два из которых пришлись на 1983 г. В ответ на это режим С. Хусейна арестовал оставшихся в Ираке членов семьи аль-Хаким (около 70 человек)[426], казнив пятерых братьев М.Б. аль-Хакима, сыновей бывшего марджаа ат-таклид и главы хаузы в Наджафе Мухсина аль-Хакима (всего было убито 17 прямых потомков Мухсина аль-Хакима). Это было четким посланием о том, что подобные террористические акты будут сопровождаться казнями остававшихся в Ираке родственников перебежчиков и врагов режима (что сработало)[427]. Другой сын Мухсина аль-Хакима, сыгравший важную роль в основании Даава, Мухаммад Махди был также

---

[424] Grand Ayatollah Sayyid Muhsin al-Tabataba'i al-Hakim (1889–1970) // Ulama index. [Electronic resource]. Mode of access: www.islamic-laws.com/marja/mohsinhakim.htm (last visited: 22.02.2020).

[425] Darwish A. Ayatollah Mohammad Bakr al-Hakim. Shia cleric who favoured an Islamic regime for Iraq // The Independent. 30.08.2003. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.independent.co.uk/news/obituaries/ayatollah-mohammad-bakr-al-hakim-37024.html (last visited: 22.02.2020).

[426] Alhakim A. Iraq: The endless terror of Ba'ath rule. My family's fate // Journal Index on Censorship, 1990, Volume 19 №10. P.15.

[427] Iraq's Shias: Saddam Blunts A Potential Threat. Directorate of Intellegence (CIA). NESA 84-10294. 11.1984. Declassified in Part – Sanitized Copy Approved for Release 2012/01/24. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP85T00314R000300110003-5.pdf. P.4. (last visited: 22.02.2020).

вынужден покинуть страну и затем был убит в суданской столице Хартуме руками иракского режима в 1988 г.[428]

В 1990-е гг. ВСИРИ во главе с М.Б. аль-Хакимом стали воспринимать изменившуюся региональную и международную повестку, примыкая к иракской оппозиции в изгнании вне Ирана. Патрон-клиентские отношения между новым иранским лидером аятоллой Али Хаменеи и ВСИРИ сохранялось, но иранцы допускали выход ВСИРИ во внешний мир. Одними из ключевых сторон, с которыми ВСИРИ наладили отношения, были не только европейские государства, но и США. Во многом ВСИРИ ожидали, что американцы поддержат восстания шиитов Ирака в 1990-1991 гг., после войны в Заливе, но этого не произошло. Сам ВСИРИ использовал в риторике свою непосредственную поддержку населению в борьбе с иракским режимом, однако на деле это участие многими называлось скромным и даже «попыткой пристроится к чужому движению»[429]. Установление контактов между ВСИРИ и администрацией Б. Клинтона вызывало смешанные чувства у обеих сторон. Однако для американцев ВСИРИ мог оказаться полезным непрямым каналом для взаимодействия с иранскими консерваторами, в то время как для ВСИРИ это была возможность выйти на взаимодействие с иракской оппозицией на Западе. Для иранцев в свою очередь такое дозволение большей автономизации ВСИРИ и их взаимодействие с американцами тоже предполагало возможность сигнализировать Западу о готовности Ирана к сохранению диалога и нежелание оставаться изгоем[430].

ВСИРИ включился в работу поддерживаемого американцами Иракского национального конгресса А. Чалаби. Официальные лица ВСИРИ тогда говорили, что «было очень трудно работать со светскими партиями и коммунистами. Но аятолла Мухаммад Бакр Аль-Хаким утверждал, что это важно делать, чтобы

---

[428] Shiite Politics in Iraq: The Role of the Supreme Council. Baghdad/Istanbul/Brussels: International Crisis Group, Middle East Reports № 70, 15.11.2007. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.refworld.org/pdfid/473d5d632.pdf (last visited: 19.02.2020).

[429]Shiite Politics in Iraq: The Role of the Supreme Council. Baghdad/Istanbul/Brussels: International Crisis Group, Middle East Reports № 70, 15.11.2007. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.refworld.org/pdfid/473d5d632.pdf (last visited: 19.02.2020). P. 6.

[430] Ibid. P.7.

показать иракскому народу и международному сообществу, что иракская оппозиция состоит из множества сил, объединенных в один фронт»[431]. От контактов с А. Чалаби (а через него – с американцами) ВСИРИ только выиграл и продолжал развивать свою сеть контактов на Западе. Представители ВСИРИ в западных странах затем стали влиятельными лицами в Ираке, как например, Адель Абдель Махди, который был представителем ВСИРИ в Париже (стал затем вице-президентом и премьер-министром Ирака); заседавший от ВСИРИ в Лондоне Хамид аль-Баяти стал постоянным представителем Ирака при ООН; представлявший ВСИРИ в Дамаске Байян Джабер Солагх занимал в постсаддамовском Ираке позиции министра внутренних дел и финансов.

В преддверии американской операции в Ираке контакты между ВСИРИ и американцами участились. В 2002 г. состоялась встреча иракской оппозиции в США, на которой присутствовали возглавивший делегацию ВСИРИ брат лидера организации Абдель Азиз аль-Хаким, Хумам Хамуди, который позже служил председателем конституционного комитета Ирака, и уже упомянутые Хамид аль-Баяти и Адель Абдель Махди. Ранее ВСИРИ была включена в списке организаций, поддержанных США (Iraqi Liberation Act). Средства ВСИРИ были не нужны, поскольку А.А. аль-Хаким уже имел поддержку Ирана, но само взаимодействие с американцами для ВСИРИ было полезным в контексте свержения режима С. Хусейна. Подготовленные ВСИРИ и иранским Корпусом стражей исламской революции (КСИР) силы корпуса «Бадр» (вооруженное крыло ВСИРИ) настораживали американцев, которые не позволили бойцам Бадр проникнуть в Ирак с вооружением, поскольку американцы считали их иранскими инструментами влияния. Сближение с американцами до их вторжения в Ирак гарантировало лидерам ВСИРИ место во Временном управляющем совете Ирака и участие в создаваемых американцами институтах.

После свержения С. Хусейна аятолла М.Б. аль-Хаким вернулся в Наджаф, где согласился на условия американцев и на разоружение своих солдат, реорганизовав

[431] Ibid.

Бадр в гражданскую организацию по восстановлению Ирака. Войдя в Ирак без оружия, членам Бадр было несложно затем объявить о необходимости поддержания порядка и защиты иракских шиитских святынь, с целью чего они вновь получили оружие, а затем просачивались на службу в Министерство внутренних дел Ирака. При этом, находясь в Иране, лидеры ВСИРИ были приверженцами принципа «вилаят аль-факих», а попав в оккупированный американцами Ирак, М.Б. аль-Хаким стал делать акценты на демократических процедурах. При этом в самой партии скорее процветала клановость. Так, в августе 2003 г. М.Б. аль-Хаким был убит в результате взрыва автомобилей у Мечети имама Али, а его место во главе ВСИРИ занял бывший до того лидером корпуса «Бадр» его брат Абдель Азиз аль-Хаким. Лидер ВСИРИ Абдель Азиз аль-Хаким в итоге возглавил избирательный список Объединенного иракского списка на выборах 2005 г. У самого А.А. аль-Хакима был диагностирован рак легких, и его сын, Аммар аль-Хаким, стал обретать влияние в партии, которую и возглавил в 2009 г.[432] Будучи представителем молодого поколения клерикалов из семьи аль-Хаким, Аммар аль-Хаким стремился обновить высшие ряды партийных деятелей Высшего исламского совета Ирака (ВИСИ), бывшей ВСИРИ, более молодыми членами партии. Тем не менее это предложение не было поддержано его старшими коллегами по партии.

Получив отказ на предложение о реализации своих инициатив, в июле 2017 г. Аммар аль-Хаким вышел из состава ВИСИ, одной из старейших в Ираке партий, и основал новое «Движение национальной мудрости» (Тайяр аль-Хикма аль-Уатаний или Хикма). Большинство членов парламента (24 из 29 человек) из коалиции «Граждане» (коалиция «аль-Мууатин»), в основном базировавшейся на ВИСИ, перешли в новое движение А. аль-Хакима (что говорит об авторитете и руководящей роли его клана).

Семья аль-Хаким продолжила иметь своих представителей как в

[432] Schmidt, S. Shia-Islamist political actors in Iraq. Who are they and what do they want? Copenhagen: Danish Institute for International Studies, 2008. P. 25.

политической, так и в богословской сферах. Так, «Рой Моттахедех, ученый Гарвардского университета, заявил, что по мнению Хакимов, после смерти ас-Систани член их семьи должен претендовать на высшую должность марджаа; у них есть кандидат – аятолла Мохаммад Саид аль-Хаким, двоюродный брат Абдула Азиза аль-Хакима, лидера Высшего исламского совета Ирака»[433].

Таким образом, семья аль-Хаким и ее движение обладало рядом преимуществ, которые делали ее солидной политической силой в Ираке. Среди них – «слаженная партийная структура и лидерство, сильная внутренняя дисциплина, мощная милиция, которая защищала святыни, религиозное руководство и прагматичная политика, которая помогала скрашивать (или размывать подозрения) ее этноконфессиональную повестку дня и иранские корни»[434].

5.2.3. Семьи Барзани и Талабани: история борьбы и оформления интересов

Ключевыми семьями в Иракском Курдистане традиционно выступают Барзани и Талабани. Семью Барзани связывают с суфийским накшбандийским тарикатом и деревней Барзан, откуда происходит племя Барзан[435]. Считается, что влияние шейхов Барзан возросло в 1825 г., когда великий шейх тариката Накшбандийя Таха ан-Нахри передал руководство тарикатом шейху Таджиддину Барзани[436]. Позднее внук шейха Таджуддина шейх Абдулла Барзани направил своего сына Абдель Саляма I Барзани к великому шейху Таха ан-Нахри получать религиозное образование. Руководство суфийским братством содействовало шейхам Барзан в их авторитете, и вокруг них стали собираться и другие курдские племена.

---

[433] Slavin B. Mullahs, Money, and Militias. How Iran exerts its influence in the Middle east. Washington, DC: United States Institute of Peace, Special report № 206, 2008. P.5.

[434] Shiite Politics in Iraq: The Role of the Supreme Council. Baghdad/Istanbul/Brussels: International Crisis Group, Middle East Reports № 70, 15.11.2007. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.refworld.org/pdfid/473d5d632.pdf (last visited: 19.02.2020). P.11.

[435] Племя Барзан (на араб. قبيلة بارازان) [Электронный ресурс] // Al-hakawati Arab Cultural Trust. Режим доступа: al-hakawati.net/Cultures/CultureDetails/36/قبيلة-بارازان (дата обращения: 19.02.2020).

[436] Ахмад М.Р. Курдское движение в Ираке. Роль барзанистов на пути к самоуправлению 1918-1968 гг. (на араб. الحركة الكردية في العراق). Амман: Дар аль-Муатаз, 2014. С. 29.

Шейхи племени Барзани не раз возглавляли вооруженные движения еще в период существования Османской империи. После смерти шейха племени Барзани Мухаммада в 1903 г. власть перешла к его сыну Абдель Саляму II, который возглавил вооруженное сопротивление и противостоял Османской империи в 1909-1914 гг. Войскам османского султана удалось арестовать, а затем – после суда в Мосуле – казнить Абдель Саляма. Власть перешла его брату Ахмаду Барзани (1896–1969), который взаимодействовал с британцами. В целом после перехода Мосульского вилаята под контроль британцев у них тяжело складывались отношения с курдскими племенами и их лидерами. Британцы так и не смогли установить контроль надлежащего уровня над территориями, населенными курдами[437]. В 1920-1930 гг. Ахмаду Барзани удалось подчинить многие курдские кланы на севере Ирака[438].

В 1932 г. иракское правительство направило свои силы безопасности в регион Барзан для установления порядка, однако шейх Ахмад Барзани этого не допустил, что привело к кровопролитию[439]. Тогда на стороне иракского правительства выступили британцы, вытеснив отряды Ахмада Барзани к турецкой границе. Тем не менее братья Ахмад и Мустафа Барзани продолжили свои операции в разных местах на севере Ирака. Последовала амнистия со стороны правительства в Багдаде в 1933 г., что позволило семье Барзани и около 200 связанным с ней лицам вернуться в Ирак. Иракское правительство рассчитывало на то, что ситуация стабилизируется, однако этого не произошло. Последовала очередная военная кампания, которая вынудила барзанистов скрываться в горах. Дальнейшая история семьи Барзани связана с борьбой за самоуправление для Иракского Курдистана и действиями муллы Мустафы Барзани во главе Демократической партии Курдистана (см. Глава 4, п. 2). После смерти Мустафы Барзани лидером ДПК стал

---

[437] Бреховских А.А. Британцы в Иракском Курдистане: попытка установления контроля над оккупированными территориями и ее результаты в 1918-1920 гг. // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2015. №4. С. 56-71.

[438] Ihsan M. Nation Building in Kurdistan: Memory, Genocide and Human Rights. London and New York: Routledge, 2017. Pp. 178.

[439] Абдель Ати М. Семья Барзани и вооруженные действия курдов (на араб. عائلة البارزاني والعمل المسلح الكردي) [Электронный ресурс] // Al-Jazeera. Режим доступа: https://www.aljazeera.net/specialfiles/pages/f5103e88-398f-45ca-8c66-d9f64b94cc42 (дата обращения: 21.02.2020).

его сын Масуд Барзани. В 1990-е гг. он добился сначала де-факто неподконтрольности Иракского Курдистана правительству С. Хусейна, а затем, после 2003 г., стал президентом признанного официальным Багдадом Курдского автономного района (КАР).

Суфийский элемент истории также важен для второй влиятельнейшей из семей Иракского Курдистана – Талабани. Табалани были среди двух ключевых семей (помимо доминировавшей в XIX в. Барзанджи), следовавших суфийскому кадирийскому тарикату[440]. Если Барзанджи доминировали в Сулеймании и окрестностях, то Талабани – в Киркуке (из которого они происходят)[441]. Среди основных представителей суфиев Талабани стоит назвать шейхов Ахмада Талабани (исламский ученый XVIII в.) и его сына шейха Абдель Рахмана аль-Халиса, укрепившего положение семьи. Как и барзанисты накшбандийского тариката, суфийские кадырийские семьи Барзанджи и Талабани также не раз поднимали восстания в населенных курдами провинциях на рубеже XIX-XX вв., внося свой вклад в курдское националистическое движение[442]. Руководство кадырийским тарикатом далее переходило в семье Талабани от Абдель Рахмана аль-Халиса к его потомкам – сыну Али (ум. 1912 г.) и далее от отца к сыну. Второй сын шейха Абдель Рахмана, шейх Риза Талабани, приобрел большую славу как поэт на курдском языке Сорани.

В конце XIX в. отношения между семьями Барзанджи и Талабани, особенно в Киркуке, стали напряженными (считается, что во многом увеличение экономического и политического состояния семьи Талабани происходило за счет позиций семьи Барзанджи). Обе семьи обязаны своим влиянием религиозной харизме их лидеров (Барзанджи же даже были сейидами – потомками пророка

[440] Bruinessen M. The Qadiriyya and the lineages of Qadiri shaykhs in Kurdistan / Mullas, Sufis, and Heretics: The Role of Religion in Kurdish Society. Istanbul: Isis Press, 2000. Pp. 213-230.
[441] Ibid.
[442] Leezenberg M. Religion among the Kurds. Between Naqshbandi Sufism and IS Salafism / The Kurdish Question Revisited. Amsterdam: Amsterdam School for Cultural Analysis (ASCA), 2017. Pp. 33-46.

Мухаммада), но обретая больше земель, вооруженные отряды и зависимых крестьян, они превращались в образования феодально-племенного типа[443].

Семья Талабани играла важную роль в иракском политическом процессе. Хасан Талабани, внук поэта Ризы, был министром в кабинете Абдель Карим Касема (1959-1963). Мукаррам Талабани был также министром и видным членом Иракской коммунистической партии; Джалал Талабани (чей отец Хусамуддин был шейхом из рода Кой Санжак) стал одним из ведущих курдских националистических лидеров. После падения режима С. Хусейна Дж. Талабани стал президентом Ирака, а члены его семьи занимали ведущие позиции в Патриотическом союзе Курдистана (ПСК) и Иракском Курдистане в целом (см. глава 4 пункт 2).

В 2010-е гг. кланы Барзани и Талабани находились на этапе необходимости сохранения своего лидерства в Иракском Курдистане и переживали поколенческий переход. Этот переход в курдской элите снова показал, что в курдском социальном пространстве власть сохраняется в руках сложившихся в элите ключевых кланов. ДПК упрочили свое положение, что гарантировало партии ведущую роль при формировании нового правительства, портфели в котором они снова оказались готовы разделить с ПСК.

ПСК и Горран (см. Глава 4, п. 3) продолжали переживать внутренний системный кризис ввиду смерти своих лидеров – Джаляля Талабани и Нуширвана Мустафы соответственно. Отсутствие Джаляля Талабани сказывалось на единстве ПСК, тем не менее его сыновья и племянники продолжали формировать повестку дня партии. Наивысший официальный пост среди двух сыновей Д. Талабани занимал Кубад Талабани в качестве заместителя премьер-министра Курдского автономного района (КАР). В свою очередь его брат, Бафель Талабани, не занимая официальных позиций, де-факто участвовал в политической жизни партии и региона (возглавлял службу разведки ПСК Дазгай Зиньяри с 2003 г., позднее

[443] Bruinessen, M. The Qadiriyya and the lineages of Qadiri shaykhs in Kurdistan / Mullas, Sufis, and Heretics: The Role of Religion in Kurdish Society. Istanbul: Isis Press, 2000. Pp. 213-230.

уступив позицию двоюродному брату Лахуру Талабани)[444]. Серьезно возросла роль в принятии политических решений Херо Ахмад, жены Джаляля Талабани, как и его племянников – Араса, Лахура и Полада Талабани. Отец последних – шейх Дженги Талабани – был старшим братом Джаляля и редко принимал публичное участие в политических процессах в Иракском Курдистане[445]. Именно Лахур и Полад отвечают за блок безопасности Иракского Курдистана, занимая позиции руководителей Дазгай Зиньяри (разведки ПСК) и Контртеррористической группы (элитные силы специального назначения) соответственно[446]. Арас Дженги Талабани, занимавший высокие политические посты в ПСК, называется среди влиятельнейших бизнесменов Ирака[447]. Таким образом, можно заключить, что разветвленная семья Дженги-Талабани после смерти основателя ПСК Джаляля Талабани сохранила свои позиции как в партии, так и на региональном уровне, продолжая оставаться ключевой политической силой из считающейся оплотом ПСК Сулеймании, с которой ДПК делит министерские портфели. В 2020 г. стало известно, что ПСК возглавили два представителя из семьи Талабани, ставшие сопредседателями – Лахур и Бафель Талабани.

Гораздо успешнее проходил поколенческий переход и консолидация ДПК вокруг клана Барзани. Так, в постреферендумный период в партии и в ее подходах к управлению КАР наметилась перспектива изменений. На первые роли стал выходить многолетний премьер-министр КАР, племянник президента Масуда Барзани, Нечирван Барзани. Кроме того, стало усиливаться влияние и находившегося долгое время на позиции секретаря Совета безопасности КАР старшего сына самого Масуда Масрура Барзани. По итогам выборов 2018 г. новое

---

[444] Eppel M. Kurdish Leadership in Post-Saddam Iraq: National Challenges and Changing Conditions / Iraq Between Occupations: Perspectives from 1920 to the Present (edited Baram A., Rohde A., Zeidel R.). New York: Palgrave Macmillan, 2010. P. 89.

[445] Смерть старшего брата Джаляля Талабани (на араб. الطالباني لجلال الاكبر الشقيق وفاة) [Электронный ресурс] // Аль-Масаля.10.03.2016. Режим доступа: http://almasalah.com/ar/news/69027/الطالباني-لجلال-الاكبر-الشقيق-وفاة (дата обращения: 22.02.2020).

[446] Murphy J. Kurdistan's Elite Counterterrorism Group Takes the Fight to ISIS // Sofrep. Military Grade Content. 21.09.2015. [Electronic resource]. Mode of access: https://sofrep.com/news/kurdistans-elite-counterterrorism-group-takes-fight-isis/ (last visited: 22.02.2020).

[447] Phillips D.L. The Great Betrayal: How America Abandoned the Kurds and Lost the Middle East. London, New York: I.B. Tauris and Co. Ltd, 2019. P. 14.

правительство Иракского Курдистана не могло собраться в течение нескольких месяцев ввиду проблем в договоренностях между ДПК и ПСК. Но итог оказался позитивным для ДПК и семьи Барзани. Во многом благодаря главе партии и уже бывшему на тот момент в отставке президенту КАР на должность нового президента был избран его племянник Нечирван Барзани. В свою очередь Масрур Барзани занял позицию премьер-министра КАР, что для него, конечно, стало серьезной переменой, поскольку в основном его опыт лежал в лоне обеспечения безопасности. И если ранее он был подотчетен только своему отцу, то в новой позиции он становится публичной фигурой, как и ему приходится включаться в первую очередь в вопросы управления, экономики и отношений с центром (багдадским правительством)[448].

Таким образом, сохранение кланов в элите и их обновление (а в случае ДПК и продвижение со стороны самого Масуда Барзани) гарантировало безопасный поколенческий переход. Несмотря на разные условия, как и развитие политической конкуренции, в целом в политической элите Иракского Курдистана произошел транзит от отцов к сыновьям и племянникам в кланах Барзани и Талабани, включавший их институциональное закрепление как в традиционных лидирующих в Курдистане партиях ДПК и ПСК, так и в политических институтах КАР.

5.2.4. Племена северо-востока страны и проблемы включения в постсаддамовскую структуру элит. На примере семей Ас-Сулейман (Дулайм) и аль-Явар (Шаммар)

В постсаддамовском Ираке сохранялась значимость фактора племенной организации в политическом процессе. Стоит отметить, что такие крупные иракские племена, как Шаммар, Джубур и Дулайм имеют в своем составе как суннитские ветви, так и шиитские. Во многом племена разрешают вопросы «на

[448] Wahab B. Iraqi Kurdistan's New Government // The Washington Institute for Near East Policy. 11.07.2019. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/iraqi-kurdistans-new-government (last visited: 23.02.2020).

земле», когда этого не может сделать государство[449]. Согласно Кузнецову А.А., «в Ираке насчитывается около 150 племен. 20-30 наиболее крупных из них способны влиять на политическую жизнь. Самыми крупными суннитскими племенами являются Дулейм в провинции Анбар и окрестностях Багдада, Джубур в провинциях Найнава и Салахеддин, Убейд в провинции Найнава, а также племя Шаммар»[450]. Семьи шейхов иракских племен могут рассматриваться в качестве части иракских политических элит. В данном пункте мы выделим наиболее авторитетные семьи ключевых иракских племен. Поскольку данное исследование посвящено элитам, обозначим, что важно определить разную степень признания родов внутри племени. Именно это является значимым в данном контексте, поскольку племя (кабиля) – большая и не всегда сплоченная политическая единица, в то время как род (ашира)[451], как замечает А.Р. Аганин, был и остается «базовой единицей трайбалистского сообщества». Именно среди наиболее авторитетного рода существуют ключевые кланы (хафз) и семьи (аиля или бейт), которые и определяют во многом процесс принятия решений.

Именно представители этих традиционных институтов зачастую принимают участие в выборном процессе и задействованы в работе формальных государственных институтов. Принадлежность к племени и после 2003 г., как и в 1920 г. при образовании иракского государства, была ключевой для занятия важных государственных постов[452]. Как отмечает Х. Давуд, «в первое временное правительство Ирака, назначенное 1 июня 2004 года, вошли несколько членов

---

[449] Khan J. The Iraqi Tribal Structure. Background and Influence on Counter-Terrorism // Perspectives on Terrorism. Vol 1, № 1. 2007. P. 4.

[450] Кузнецов А.А. О племенном факторе в иракской политике [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. 16.04.2016. Режим доступа: www.iimes.ru/?p=28058 (дата обращения: 23.02.2020).

[451] Аганин А.Р. Племена и кланы Иорданского Хашимитского Королевства. М.: Институт Ближнего Востока. 2013. 2-е изд., испр. и доп. С. 18.

[452] Среди ключевых племенных конфедераций Ирака можно выделить Шаммар, Джубур, Дулайм, Обайд. Последние три считаются изначально родственными племенными конфедерациями, мигрировавшими на территорию Ирака в течение нескольких веков. Их отцами-основателями считаются братья Джубур, Тамир и Обайд – сыновья Амра бин Маади (йеменского короля из дома Зубайд, входящей в дом Мазхидж надплеменной организации Кахтан), сыгравшего значительную роль в распространении созданного пророком Мухаммадом в VII в. государства. Эти племена постепенно мигрировали из Йемена на территорию центральной части Аравийского полуострова, а затем и севернее – в районы сирийской пустыни и аль-Джазиры (на территории современных Сирии и Ирака). Условно можно указать, что племя Дулайм занимает территории вокруг Альбу Камаля на сирийско-иракской границе, Джубур в верховьях реки Евфрат (направились к Тигру на восток в XIX в.), а Обайд внутри района аль-Джазиры.

значительных племен: кроме временно исполнявшего обязанности президента Гази аль-Явара (племянника шейха могущественного племенного союза Shammar), в правительстве оказались Аднан аль-Джанаби (государственный секретарь без портфеля – из племени Janabi), отец которого занимал важный пост в правительстве Саддама Хусейна; Малик Дохан аль-Хасан (министр юстиции – из племенного союза Jebur), Лейла Абдул-Латиф (министр труда – из племенного союза al-Tamim), Луэй Хатем (министр транспорта, его отец был лидером племени Ors – Erris)»[453].

Периодически происходит слом в связях между формализованным представителем племени, занимающим государственный пост, и его соплеменниками, что негативно отражается на процессе размывания традиционных институтов. В этих условиях племена, оказавшись маргинализированными, снова обращаются к автономному существованию и противопоставляют себя государству. Это проявилось, например, в контексте разделённости племён в период распространения ИГИЛ[454].

Разделённость существовала как между племенами, так и внутри них между кланами, а также по возрастной структуре (между шейхами, остававшимися верными правительству, и молодыми членами племени, переходящим на сторону ИГИЛ), что позволяло ИГИЛ осваивать новые методы и инструменты борьбы, привлекая молодые кадры. Такая ситуация демонстрирует где-то коллапс племенных структур, но не в позитивном для Ирака как государства ключе (поскольку усиливает архаизацию, а не государственные институты), а негативном, поскольку, выходя из племён (или раскалывая изнутри), их части вливаются в альтернативные и вражеские государству структуры. Особенно разделённость проявляется в региональном разрезе, в провинциях Анбар и Найнава. Как правило, крупные племенные конфедерации могут включать как суннитов, так и шиитов. Однако в провинциях Анбар и Найнава проживает в основном суннитское население. Важность регионального аспекта формирования элит Ирака отмечал и

[453] Дауд О. Иракские племена: от Саддама Хусейна до Дэвида Петрэуса // Социальная антропология во Франции. XXI век / Под ред. Елены Филипповой и Бориса Петрика. М.: ФГНУ "Росинформагротех", 2009. С. 181-198.
[454] Хотя ключевой фактор будет освещен в контексте маргиназалиции семей кланов Северо-Запада страны, о чем далее.

Н.Наим: «Региональная идентичность кланов в элите – это очень важный аспект. Клановая идентичность человека, происходящего из Басры, совершенно иная от того, кто происходит из Кербалы, Мосула или Анбара»[455].

Семья аль-Явар клана аль-Джарба племенной конфедерации Шаммар

Одним из влиятельнейших племен в Ираке можно назвать Шаммар (ранее восходившее к йеменской племенной конфедерации Тайи). В средние века Шаммар располагалось в основном на Аравийском полуострове с центром в городе Хаил (на территории современной Саудовской Аравии) в районе Джабаль Шаммар. Мы не будем передавать историю племени Шаммар в Аравии. В XVII в. часть племени во главе с семьей Джарба покинули Джабаль Шаммар, направляясь на север, и осели на территории современных Сирии и Ирака (в Ираке их позиции особенно сильны в Мосуле). Стоит упомянуть, что в результате поражения шейхов Шаммар, нанесенного им британцами, в 1927 г. этот племенной союз распался на две части. В Сирии стала руководить семья Даххама бен Аль-Хади аль-Джарбы, а в Ираке – Аджиля аль-Явера аль-Джарбы. В самом Ираке Шаммар делятся на преимущественно суннитскую северную (Шаммар аль-Джарба) и шиитскую южную (Шаммар Тога) части племени. Аджиль аль-Явер выступил ранее в революции 1920 г. против британцев. Позднее, в 1924 г., он принял участие в формировании учредительного парламента Ирака (от Мосула) и стал его членом. После американской оккупации Ирака в 2003 г. именно его внук Гази Машааль аль-Явер[456] стал первым президентом Ирака в период формирования временного иракского правительства.

Гази Машааль аль-Явар приходился племянником шейху машаих (статус наиболее влиятельного из шейхов племенной конфедерации) Шаммару Мухсину Аджилю аль-Яверу[457]. Назначениями на государственные посты оккупационная

---

[455] Интервью автора с научным директором Zenith Council (Германия) Н. Наимом. Москва. 2019 г.

[456] Родился в Мосуле 11 марта 1958 г. В 1986 г. получил степень бакалавра по специальности гражданского строительства на техническом факультете Университета нефти и минералов им. Короля Фахда в Дахране (Саудовская Аравия) и степень магистра в Университете Джорджа Вашингтона.

[457] Хасан М. «Как если бы сегодня»… Гази аль-Явар избран временным президентом Ирака, 1 июня 2004 года (на араб. «زي النهارده».. ٢٠٠٤ يونيو ١ اختيار غازى الياور رئيساً مؤقتاً للعراق) [Электронный ресурс] // Аль-Мысри аль-Йоум. 01.06.2019. Режим доступа: https://www.almasryalyoum.com/news/details/1401825 (дата обращения: 23.02.2020).

американская администрация старалась привлечь на свою сторону наиболее авторитетных представителей одного из крупнейших иракских племен, стараясь обеспечить себе его лояльность. Однако деятельность Гази аль-Явера не оказала существенного влияния на политический процесс в Багдаде, в целом это зависело и от небольших возможностей, которые предоставлял ему пост президента Ирака.

Шаммар, как и другие племена Ирака, прошло через тяжелый период во время распространения власти ИГИЛ по Северо-Западу страны в 2014 г. Отдельные члены племени Шаммар могли как быть в составе ИГИЛ, так и воевать против этой организации. Как отмечает Р. Мансур, «нет ни одного племени, которое не имеет или бы не имело членов, связанных с ИГИЛ или поддерживающих его»[458]. Деятельность ИГИЛ ударила по авторитету шейхов Шаммар. Поскольку ИГИЛ к тому же похищали и убивали членов племени Шаммар, это настроило шейхов на прагматическое взаимодействие с силами, готовыми вести борьбу против террористов. На земле это выразилось во взаимодействие шейхов Шаммар с курдскими отрядами Пешмерга. Так, племенные силы шейха Шаммар Абдуллы Аджиля аль-Явара совместно с курдскими отрядами Пешмерга выбили ИГИЛ из Рабиа, что стало результатом сделки между А.А. аль-Явером и руководством Демократической партии Курдистана (ДПК). Отмечалось, что шейх регулярно посещал Эрбиль, где у него сложились хорошие отношения с лидерами ДПК[459].

Но, конечно, в целом представители Шаммар не раз выступали против политики курдов, которую те проводили в провинции Найнава и в ее центре – Мосуле. Так, в 2009 г. члены Шаммар, выступив вместе с мосульским кланом братьев Нуджайфи (имеют тесные связи с Турцией), поддержали на выборах в совет провинции блок «Аль-Хадба», который получил большинство голосов. Предыдущая правящая с 2005 г. коалиция, в которой доминировали курды, получила второе место. Несмотря на расколы, Аль-Хадба заявил, что не предоставит курдам мест в совете провинций. Лидер крупнейшей партии

[458] Mansour R. The Sunni Predicament in Iraq. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2016. P. 20.
[459] Van den Toorn Ch., Ali A. Challenges and Opportunities in post-ISIS Territories: The Case of Rabia. Suleimani: Institute of Regional and International Studies, American University of Iraq Sulaimani, 2015. P. 3.

«Движение за справедливость и реформы» (ДСР), входившей в блок «Аль-Хабда», шейх Абдулла Аджиль аль-Явар тогда заявил, что «курды должны уважать закон Ирака и уважать то, что избиратели дали Аль-Хадбе большинство»[460]. В своем интервью, рассказывая о программе ДСР, Абдулла Хумейди Аджиль аль-Явер тогда заявил: «Наше движение опирается на иракский народ, представленный иракскими племенами и кланами, а также на других лиц, в том числе технократов, профессоров университетов, представителей интеллигенции и угнетенной общественности, особенно в провинции Найнава. Провинция сталкивается с серьезными вызовами, угрожающими ее самобытности и существованию, со стороны Иракского Курдистана, который получил 16 административных единиц, богатых нефтью и другими ресурсами, с необъявленными амбициями присоединить их к Курдистану после установления контроля над ними»[461].

Позднее, в 2017 г. в Мосуле Абдуллу Хумейди Аджиля аль-Явера аль-Джерба рода племенной конфедерации (союза) Шаммар в Ираке назначили своим шейхом. Его официальный статус звучит как Шейх Машаих благородного племенного союза Шаммар в Ираке и в арабском мире (на арабской родине). Он заместил на этой позиции своего умершего дядю шейха Мухсина Аджиля аль-Явера[462]. Сегодня у иракской ветви племени Шаммар сохраняются исторические связи с Саудовской Аравией и другими соседними для Ирака государствами. Шаммар обладает серьезным влиянием в различных сферах на Ближнем Востоке и ведет многомиллиардные бизнесы.

Семья ас-Сулейман клана Альбу Ассаф конфедерации племен Дулайм

---

[460] Lawrence Q. Arab-Kurd Conflict Deepens In Mosul // NPR. 8.05.2009. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=103937615 (last visited: 24.02.2020).

[461] M. Al-Chammari. Iraqi figure voices support for Saudi anti-terror laws // Al-Monitor. 1.04.2014. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.al-monitor.com/pulse/politics/2014/04/iraq-justice-reform-movement-head-support-saudi-terror.html (last visited 25.02.2020).

[462] Аль-Явар стал шейхом для всех шамарских племен в Ираке и в арабском регионе (на араб.. الياور شيخا لعموم قبائل شمر في العراق والمنطقة العربية) [Электронный ресурс] // Аммун.ньюз. 13.08.2017. Режим доступа: https://www.ammonnews.net/index.php?page=article&id=326976 (дата обращения: 23.02.2020).

Традиционно в элиту страны входили члены руководящих семей племенной конфедерации Дулайм. По различным данным, состав племени в Ираке включает более трех млн человек[463]. Кланы племени Дулайм распространены в основном в районе сирийско-иракской границы, в провинции Анбар[464], в таких городах, как Рамади и Фаллуджа. Часть племен конфедерации Дулайм располагаются в непосредственной близости к Багдаду и в западной части столицы. Руководящей семьей Дулайм можно назвать ас-Сулейман из клана Альбу Ассаф – традиционно лидеры Дулайм являются представителями этого клана. Так, например, еще 31 июля 1921 г. король Фейсал посетил шейха конфедерации племен Дулайм Али Сулеймана, встретившись с тысячами членов конфедерации, которые присягнули ему на верность (хотя многие кланы Дулайм и позднее были настроены антибритански)[465]. Так зарождалось современное иракское государство с участием британцев, в котором Дулайм сыграли важную роль в основании и развитии институтов государственности как в монархический, так и в республиканский периоды, особенно при президентах из союзнического для Дулайм клана аль-Джумайли Абдель Саляме Арефе (1963-1966) и Абдель Рахмане Арефе (1966-1968).

В настоящий момент эмиром племени Дулайм является Раад Абдель Джаббар ас-Сулейман аль-Ассафи ад-Дулайми. Тем не менее для новейшей истории Ирака примечательной и знаковой фигурой стоит назвать его двоюродного брата и бывшего эмира Дулайм – Али Хатема ас-Сулеймана аль-Ассафи ад-Дулайми (родился 1 января 1971 г. в Багдаде). После вторжения США в Ирак Али Хатем Сулейман возглавил сопротивление племен в провинции Анбар. Тем не менее к 2006 г. в условиях распространения Аль-Каиды в Ираке, ограничения прав шейхов Анбара со стороны радикальной организации, он стал бороться против АКИ[466].

---

[463] Sheikh Ali Hatem Suleiman // PeoplePill. [Electronic resource]. Mode of access: https://peoplepill.com/people/ali-hatem-al-suleiman/ (last visited 25.02.2020).

[464] Аль-Азауи аль-Махами А. Энциклопедия племен Ирака (на араб. العراق عشائر موسوعة). Бейрут: ад-Дар аль-Арабийя лиль-Маусуат, 2005. Издание 1, часть 2. С. 127.

[465] Ар-Рауий Х.Х.А. Методы зарубежной пропаганды, направленные на арабский мир (на араб. اساليب الدعاية الاجنبية الموجهة الى الوطن العربي). Амман: Дар ан-Нашр Муассасат аль-Уаррак, 2010. С. 82.

[466] Кузнецов А.А. О раскладе сил среди суннитских племен Ирака. Часть 2 [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. 14.10.2017. Режим доступа: www.iimes.ru/?p=38377 (дата обращения: 25.02.2020).

Этот момент стал ключевым для американских оккупантов, которые увидели для себя шанс стабилизировать ситуацию в сфере безопасности при взаимодействии с шейхами, на которых они вышли напрямую, минуя правительство в Багдаде, и поддерживали связи вплоть до своего выхода из Ирака в 2011 г. После завершения повстанческой деятельности в результате понимания американцами и Багдадом необходимости взаимодействия с суннитскими племенами Али Хатем ас-Сулейман сформировал местную полицию численностьюв 60 тыс. человек, став одной из наиболее влиятельных фигур Анбара[467]. В 2008 г. он сформировал политическую партию «Национальный фронт спасения Ирака» для участия в предстоявших выборах, на которые он шел в коалиции «Правовое государство» Нури аль-Малики. Тем не менее сразу после выборов вскрылись жесткие разногласия. 10 членов племени А.Х. ас-Сулеймана были арестованы полицией из Карбалы в одном из самых западных городов Анбара Эр-Рутбе. А.Х. ас-Сулейман пригрозил чуть ли не созданием государства Анбар. Позднее он сформировал другую партию – «Баарик Ирак», но она была запрещена к участию в выборах 2014 г.[468]

Такой дискриминационный подход Багдада после выхода американцев в 2011 г. не мог не вызвать реакцию. В течение 2012-2013 гг. в провинции Анбар продолжались массовые демонстрации. Десятки тысяч человек так и не были услышаны, правительство Н. аль-Малики решило применить репрессивные меры[469]. Участие представителей провинции Анбар в политическом процессе блокировалось. Депутат парламента Ирака (председатель комитета по экономике) от оппозиционного Иракского списка и одновременно представитель племени Альбу Альуан (входит в конфедерацию Дулайм) Ахмад аль-Альуани поддерживал демонстрации и был настроен категорически против действий премьера Н. аль-Малики. Согласно сообщениям, 13 декабря 2013 г. в дом депутата в Эр-Рамади

---

[467] Sheikh Ali Hatem Suleiman // PeoplePill. [Electronic resource]. Mode of access: https://peoplepill.com/people/ali-hatem-al-suleiman/ (last visited 25.02.2020).

[468] Parker N., Al-Khalidi S. Special Report: The doubt at the heart of Iraq's Sunni 'revolution' // Reuters. 4.08.2014. . [Electronic resource]. Mode of access: https://www.reuters.com/article/us-iraq-security-alisuleiman-specialrepo/special-report-the-doubt-at-the-heart-of-iraqs-sunni-revolution-idUSKBN0G40OP20140804 (last visited 25.02.2020).

[469] Cockburn P. The harm before the storm: Army battles to expel resurgent al-Qa'ida from Iraq // The Independent. 5.01.2014.[Electronic resource]. Mode of access: https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/the-harm-before-the-storm-army-battles-to-expel-resurgent-al-qa-ida-from-iraq-9040155.html (last visited 26.02.2020).

ворвались сотрудники сил безопасности Ирака и похитили (арестовали) его. Несмотря на то, что Багдад в тот момент опирался на Закон о борьбе с терроризмом от 2005 г., само дело против А. аль-Альуани носило откровенно политизированный характер[470] и было юридически слабым (о его дальнейшей судьбе информация в открытых источниках противоречива, но совершенно точно, что его брат был убит)[471]. Эти события, как и позднее попытка разгона демонстрантов, аресты и убийства в провинции Анбар (включая членов племени Дулайм) привели к объявлению Али Хатемом ас-Сулейманом того, что суннитские территории не будут частью Ирака при шиитском правлении. Кроме того, он объявил о формировании военного совета повстанцев племен Анбара. Таким образом, действия центрального правительства привели к трагическим последствиям и радикализации населения. Позднее Али Хатем ас-Сулейман заявлял, что ИГИЛ – это лишь небольшая часть из тех, кто выступил против багдадского правительства, и при необходимости иракские племена способны выступить против ИГИЛ, но не раньше, чем Н. аль-Малики оставит свой пост[472]. Это, конечно, привело к проблемам с правительством Ирака и вынудило А.Х. ас-Сулеймана покинуть страну.

Разногласия между Али Хатемом и Нури аль-Малики сохранялись. Согласно сообщениям, Али Хатем Сулейман сохранял свое уже ставшее ограниченным влияние, несмотря на то что был вынужден покинуть страну. С 2015 и до 2018-2019 гг. о нем было меньше информации в СМИ. Считалось, что он жил в Катаре, но в 2018-2019 гг. поступали сообщения о его недолгом пребывании в провинции Анбар. Позднее он дал интервью каналу «*Sharqiya News»,* в котором заявил о том, что сохраняет иракское гражданство и готов вернуться, но ключевым вопросом является преодоление систематической проблемы иракского государства, а не

---

[470] Decision of IPU Governing Council of the Inter-Parliamentary Union, Geneva “Ahmed Jamil Salman Al-Alwani Decision adopted unanimously by the IPU Governing Council at its 197th session” of 21.10.2015. Iraq IQ/62. [Electronic resource]. Mode of access: http://archive.ipu.org/hr-e/197/IQ62.pdf (last visited 26.02.2020).

[471] Iraq: MP Ahmad Al Alwani Sentenced to Death After Flawed Trial // Al-Karama. 16.01.2015. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.alkarama.org/en/articles/iraq-mp-ahmad-al-alwani-sentenced-death-after-flawed-trial (last visited 26.02.2020).

[472] Sheikh Ali Hatem Suleiman // PeoplePill. [Electronic resource]. Mode of access: https://peoplepill.com/people/ali-hatem-al-suleiman/ (last visited 25.02.2020).

личные мотивы. По его словам, он не был заинтересован в «личной политической сделке» с правительством Ирака и желал исправления условий проживания в стране, закрепления прав граждан[473]. Попытки суннитских политиков, например, Хамиса аль-Ханджара, содействовать этому процессу продолжались[474]. Сам же Али Хатем ас-Сулейман отрицал посредничество кого-либо между ним и правительством в Багдаде. По его словам, он в посредничестве не нуждался. Тем не менее вопрос возвращения Али Хатема ас-Сулеймана продолжал стоять на повестке дня.

Возможно, имел место и раскол внутри племенной конфедерации Дулайм ввиду преувеличения роли самого Али Хатема ас-Сулеймана. В период его отсутствия дела племени в Ираке контролировались другими представителями той же семьи. Эмиром племени в Ираке был пожилой шейх Маджид Абдель Раззак аль-Илли ас-Сулейман (до 2003 г. проживал в Иордании)[475], который умер в 2017 г., а затем шейх Раад Абдель Джаббар ас-Сулейман. Согласно иракским СМИ, Шейх Раад обладал продолжительными связями с центральным правительством в Багдаде, сражался против ИГИЛ и не относил себя к каким-либо политическим партиям и движениям[476]. В постигиловский период особое значение обрел и представитель одного из влиятельных племен конфедерации Дулайм Джамаль аль-Карбули из крупного и влиятельного племени аль-Карабиля. Именно Дж. Аль-Карбули и Х. аль-Ханджар стали ключевыми игроками от суннитских сил в политическом процессе Ирака в постигиловский период.

Американцы, решившие вопросы безопасности при прямом взаимодействии с шейхами, сами были искусственной спайкой между семьями, уже находящимися

---

[473] Диалог.. Али Хатем ас-Сулейман [Выпуск программы «Хиуар» телеканала Аш-Шаркийя. Интервью с Али Хатемом ас-Сулейманом] // YouTube. 8.09.2019. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=LendE85fqbU&app=desktop (дата обращения: 27.02.2020).

[474] Ад-Дляуи Д. Иракский политик отказывается возвращаться в Багдад в свете иранского доминирования (на араб. سياسي عراقي يرفض العودة لبغداد في ظل الهيمنة الإيرانية) // Аль-Айн аль-Ихбарийя. 9.01.2019. Режим доступа: https://al-ain.com/article/iraqi-refuses-qatari-iran-hegemony (дата обращения: 27.02.2020).

[475] Али Хатем ас-Сулейман. Любитель ястребов и испытывающий непрязнь к наукам (на араб. علي حاتم السليمان عاشق وكاره-الصقور-عاشق-السليمان-حاتم-علي/http://almasalah.com/ar/news/8152 الصقور) // Аль-Масаля. 10.03.2016. Режим доступа: الدراسة (дата обращения: 27.02.2020).

[476] Избрание шейха Раада Абдель Джаббара ас-Сулеймана амиром племени Дулайм (на араб. اختيار الشيخ رعد عبد الجبار السليمان أميرا لقبائل الدليم) // Багдад Пост. 14.02.2017. Режим доступа: https://www.thebaghdadpost.com/ar/Story/16772/اختيار-الدليم-لقبائل-أميرا-السليمان-الجبار-عبد-رعد-الشيخ (дата обращения: 27.02.2020).

у власти в Багдаде, и семьями, претендовавшими на участие в перераспределении государственных ресурсов. В условиях выхода США из Ирака в 2011 г. и отсутствия доверия у этих двух оставшихся сторон при отсутствии нахождения ими компромисса, начало вооруженного конфликта было вопросом времени. К 2014 г. произошел раскол внутри племен, который был возможен как между шейхами и их соплеменниками (молодыми и вливавшимися в ИГИЛ), так и внутри руководящих семей племен. Постсаддамовские политические элиты продолжали находится в процессе поиска возможностей принятия ключевыми семьями друг друга и механизмов взаимодействия между ними.

5.3. Роль религиозных институтов в политическом процессе и их влияние на политические элиты

Исследователи отмечают наличие процесса постоянной смены элит по нескольким причинам, среди которых существуют две, связанные с ценностями: естественная смена общественных ценностей как часть исторического процесса и непрерывная борьба внутри элиты за признание ценностей.[477] И именно борьбу элиты за признание ценностей, ключевыми из которых в Ираке необходимо признать исламские ценности, также можно учитывать при формировании контрэлит в саддамовском и элит в постсаддамовском Ираке. Ключевыми выразителями исламских ценностей стали религиозные институты, существовавшие в Ираке.

Влияние религиозных структур было традиционно значимым для страны еще до образования самого Ирака в период его нахождения в качестве трех вилаятов Османской империи. Так, священные для шиитов Ирака и всего мира города Наджаф и Кербала обладали необходимой степенью автономии при любой власти. Представляется важным проследить роль религиозных структур в политическом процессе и формирование политической элиты Ирака.

После вторжения США в Ирак в 2003 г. американцам было необходимо

[477]Аль-Двани М.Ф.Х. Ценностные основания теории элит // Вестник СпбГУ. 2014. № 13 (2). С. 146.

опереться на локальных акторов. Поскольку большинство было представлено шиитами, американцы нашли опору в лице имевшихся и складывавшихся до американского вторжения в Ирак шиитских политических сил[478]. Считается, что ключевым разделением между шиитами можно назвать раскол между внутрииракскими силами (жившими в Ираке в период правления С. Хусейна, представленными движением садристов и др.) и внешними иракскими силами (проживавшими вне Ирака, представленным Даава, ВСИРИ и др.). Однако в постсаддамовском Ираке существовало и религиозно-правовое разделение на последователей наджафской школы верховного шиитского марджаа Али ас-Систани и сторонников школы Рухоллы Хомейни. Если А. ас-Систани опирался на принципы «власти уммы» (вилаят аль-умма) и квиетизм, то школа Р. Хомейни – на принцип «власть факиха (богослова-законоведа)» (вилаят аль-факих) и активизм[479]. Подход Р. Хомейни заключался в необходимости установления теократического руководства государством со стороны духовного лица. Он разрабатывал эту теорию, находясь в изгнании в Наджафе в течение 14 лет. Теория исходила из его интерпретации шиитской традиции и юриспруденции, по которой он считал, что «вся власть непогрешимых имамов, включая политическое руководство, должна быть передана священнослужителю, который способен вывести правовые нормы из своих источников и имеет полномочия и желание управлять исламским государством»[480]. Его теория оказала серьезное влияние на формирование институтов государственности в Иране после исламской революции 1979 г., которую он возглавил.

Политические движения шиитов в постсаддамовском Ираке не могли обретать влияние и авторитет без хотя бы посмертного благословения крупного религиозного деятеля – великого аятоллы, «объекта (или источника) подражания» (марджа ат-таклид) или, что еще лучше, «абсолютного объекта подражания»

---

[478] Schmidt S. Shia-Islamist political actors in Iraq. Who are they and what do they want? Copenhagen: Danish Institute for International Studies, 2008. P.28.

[479] Абдулджаббар Ф. Протестные движения в Ираке. От самоидентификации до политических вопросов (на араб. حركات االحتجاج العراقية من سياسة الهوية إلى سياسة القضايا). Лондон: LSE Middle East Centre, 2018. P. 9.

[480] Al-Qarawee H.H. Sistani, Iran, and the Future of Shii. Clerical Authority in Iraq. Crown Center For Middle East Studies. Middle East Brief № 105, 2017. P.3.

(марджа ат-таклид аль-мутлак)[481]. Однако в иракских реалиях многое зависело от марджаа Наджафа.

Звание лидера, или марджаа, Наджафа давало возможность также перераспределять доходы с пожертвований в шиитской общине. Н.А. Беренкова пишет, что «согласно Корану, мусульмане обязаны платить не только закят (налог в пользу бедных), но также и хумс (пятая часть). Хумс сыграл важную роль в администрировании шиитской общины… Если суннитские улемы трактуют эту суру как налог на военную добычу, то шииты понимают ее в самом широком смысле как налог на любой доход. ½ хумса – доля имама, сахм аль-имам (Бог, Пророк и его близкие родственники). Оставшаяся часть принадлежит не обычным сиротам, беднякам и путникам (на кого рассчитан закят), а Хашимитам, членам семьи Мухаммада. Подобная система добровольного внутриконфессионального налога существует до настоящего времени и играет большую роль в утверждении позиций улемов в общине. Подобная система утверждает независимость шиитского «духовенства» и их легитимность в глазах общины, в то время как суннитские улемы часто назначаются и получают заработную плату от государства»[482].

Еще Л.Л. Данилов отмечал, что противоречия в иракской шиитской общине «происходили по линии теолого-идеологических разногласий между тремя крупнейшими духовными центрами иракского шиизма – Эн-Наджафом, Кербелой и Казымайном (в Багдаде) (…) Достаточно упомянуть, что в этом скрытом от неискушенной публики противостоянии участвуют такие известные шиитские семейства как Аль-Хаким, Бахр Аль-Улюм, Кашиф Аль-Гита, Мударриси, Хойи и Садр. Все они имеют своих сторонников и противников на персональном и клановом уровне» [483].

---

[481] Shiite Politics in Iraq: The Role of the Supreme Council. Baghdad/Istanbul/Brussels: International Crisis Group, Middle East Reports № 70, 15.11.2007. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.refworld.org/pdfid/473d5d632.pdf (last visited: 19.02.2020).

[482] Беренкова Н.А. Феномен шиитского активизма в Ливане и его влияние на международные отношения Ближнего Востока (1967-2013 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15. Н. Новгород, 2015. С. 42.

[483] Данилов Л.Л. Тенденции и перспективы постконфликтного урегулирования в Ираке // Иракский кризис. Международный и региональный аспект. Под ред. Е.С.Мелкумян. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003. С. 178.

Сохранялись две крупнейшие религиозно-правовые школы и центры шиитской учености: хаузы (семинарии) в иракском Наджафе и иранском Куме. Именно хаузы ответственны за подготовку имамов, проповедников, профессоров и исследователей шиитского ислама. Хаузы в разных странах преподавали фикх, усул, философию, корановедение и арабский язык[484]. В настоящий момент образовательная программа включает и другие современные науки.

На протяжении долгого времени хаузы не ассоциировали с конкретными городами. Хауза располагалась там, где проживали наиболее авторитетные муджтахиды. В Наджафе хауза установилась в XI в. с переездом туда из Багдада шейха ат-Таифа ат-Туси (ум. 1067), наиболее видного ученого своего времени, за которым в Наджаф направились и другие представители шиитской учености. С тех пор на протяжении многих веков хауза продолжала свою образовательную и исследовательскую деятельность. Даже несмотря на стремление османов (поддерживавших суннитские школы), а затем иракских властей (после 1920 г.), лишить религиозные центры шиитов возможности осуществлять свою деятельность, последние хотя и подвергались ограничениям, но продолжали работать[485].

История отношений между властью и религиозными институтами в Ираке с 1921 г. шла в лоне парадигмы модернизации. Еще молодое иракское государство обозначило рамки для стремившихся повлиять на политический процесс ученых (улама) Наджафа. Так, когда один из этих ученых Махди аль-Халлисси обвинил иракское правительство в нерепрезентативности коллективного иракского народа и пробританских действиях, правительство направило его в изгнание в Иран (откуда тот происходил). Вместе с ним направилась часть его соратников. Им было разрешено вернуться в Наджаф только после того, как они приняли условие правительства о невмешательстве во внутриполитические дела. Таким образом были очерчены рамки для деятелей шиитского духовенства иранского

[484] Kassem A. The Modernization of the Hawza? Lebanon as a Case Study // Contemporary Arab Affairs, Vol. 11 № 4, 2018. P. 83.
[485] Kadhim A .The Hawza and Its Role in Post-War Iraq. Boston: Institute for Iraqi Studies, Boston University, 2012. P.3.

происхождения в их притязании на политическую власть в Ираке. Государство в течение XX в. придерживалось светскости, централизации и институционализации. В постмонархический период иракские власти только усиливали ограничения в отношении деятельности хаузы, а позднее депортировали отдельных ее студентов иранского происхождения.

Испытанием для хаузы в Наджафе стал период власти в Ираке С. Хусейна (1979-2003). Хаузе Наджафа приходилось лавировать в условиях ирано-иракской войны, а затем – вторжения Ирака в Кувейт и восстания шиитов 1990-1991 гг. Опираясь на часть вывезенных из Ирака в США архивных данных баасистов, А. аль-Казим замечает, что баасисты относились со значительной степенью антагонизма и откровенной враждебностью к хаузе Наджафа и ее руководителю и марджаа Абу аль-Касиму аль-Хои[486]. А. аль-Казим описывает эти отношения как бурные и антагонистические «отношения между двумя центрами власти в иракском обществе, шиитским духовным руководством в Наджафе и централизированным иракским государством, представленным партией «Баас»[487].

Абу аль-Касим аль-Хои воздерживался от публичной критики действий иракской власти с целью минимизации ущерба для хаузы. С таким умеренным подходом могли быть несогласны другие шиитские ученые, среди которых были представители семьи Садров. Это рождало параллельные шиитские структуры, чем пользовалось правительство в Багдаде. Несмотря на эти структуры и даже вакуум власти в шиитской духовной общине, усилившиеся после смерти Абу аль-Касима аль-Хои, переход руководства в хаузе состоялся к его сподвижникам по умеренному (квиетистскому) подходу в отношении религии и политики. Великий аятолла Али ас-Систани, будучи наиболее авторитетным из учеников и соратников А.а-К. аль-Хои, после его смерти в 1992 г. встал во главе хаузы в Наджафе[488]. Тогда

[486] Абу аль-Касим аль-Хои, родился в иранском городе Хой (провинция Западный Азербайджан) в 1899 г. В 13 лет переехал в Наджаф, где обучался шиитской теологии. Стал наиболее видным великим аятоллой в 1971 г. после смерти М. аль-Хакима. В 1990-1991 г. был арестован С. Хусейном после восстаний на шиитском юге Ирака. Считается, что С. Хусейн заставил аль-Хои выступить вместе с ним на телевидении в свою поддержку. Аль-Хои разрешили вернуться в Наджаф, но сохранили под арестом. В 1992 г. аль-Хои умер в Наджафе в возрасте 92 лет.
[487] Kadhim A .The Hawza and Its Role in Post-War Iraq. Boston: Institute for Iraqi Studies, Boston University, 2012. P.3.
[488] Ibid.

же ему перешло управление всеми активами А.а-К. аль-Хои как руководителя хаузы.

В 1989 г. Абу аль-Касим аль-Хои основал благотворительную организацию Фонд аль-Хои в Лондоне. Сначала организацию возглавил его сын Мухаммад Таки аль-Хои, а после его смерти в 1994 г. бежавший из Ирака другой сын Абу аль-Касима аль-Хои Абдель Маджид аль-Хои. Абдель Маджид вернулся в Ирак в 2003 г. Однако ему не удалось оказать воздействие на политический процесс, поскольку в условиях оккупации и хаоса начались атаки на шиитских религиозно-политических лидеров. Абдель Маджид аль-Хои был убит у Мечети Имама Али (англоязычная литература указывает на то, что убийцами могли быть сторонники Муктады ас-Садра). Позднее в результате взрыва у той же мечети был убит лидер ВСИРИ Мухаммад Бакир аль-Хаким.

Проблемы в сфере безопасности рождались условиями вакуума власти. В этих же условиях наблюдалась конкуренция внутри шиитской общины, что ставило под вопрос авторитет находившегося до 2003 г. под домашним арестом Али ас-Систани. Основным конкурентом авторитета А. ас-Систани стало более радикальное движение садристов во главе с Муктадой ас-Садром. Считается, что одним из первых действий садристов в 2003 г. против «традиционалистов» хаузы стала осада дома А. ас-Систани и попытка заставить его покинуть Наджаф (чуть ли не с призывами вернуться в Иран, откуда он происходил). Но популярность А. ас-Систани у арабских племен помогла ему пережить эту атаку[489]. Он тогда призвал к защите, и около 1500 представителей местного населения и племен вблизи Наджафа выдвинулись в его поддержку, окружив дом и садристов. Последователям М. ас-Садра пришлось отступить[490].

Существует и точка зрения, что А. ас-Систани поддержали другие участники шиитского религиозного истеблишмента, включая семью аль-Хои. Определенную роль сыграл Фонд аль-Хои. Устав Фонда предусматривал, что во главе его

[489] Kadhim A .The Hawza and Its Role in Post-War Iraq. Boston: Institute for Iraqi Studies, Boston University, 2012. P. 8.
[490] Camp D. Battle for the city of the dead: In the shadow of the Golden Dome, Najaf, August 2004. Minneapolis, Minn: Zenith Press, 2011. P. 150.

попечительского совета должен стоять наиболее авторитетный марджаа, поддержанный тремя четвертями членов центрального комитета Фонда. После смерти базировавшегося в Куме Мухаммада Риды аль-Кулбайкани в 1993 г. Фонд обратился к Али ас-Систани. Фонд контролировался семьей аль-Хои. Хорошие связи Фонда с западными столицами, лицами в оппозиции и их поддержка англо-американского плана по свержению режима С. Хусейна усилила позиции Фонда. Х.Х. аль-Карави считает, что, возможно, это также повлияло на решение оккупантов поддержать умеренного шиитского деятеля, поскольку большинство их контрагентов в Ираке не обладали реальным влиянием на массы, а А. ас-Систани в целом придерживался позиции невмешательства в политику и только лишь «наставления» на правильный путь[491]. Такой расклад позволил А. ас-Систани занять исключительную позицию в политической жизни Ирака.

В условиях постсаддамовского Ирака отношения между государством и шиитской духовной властью изменились – последние получили более формализованный статус[492]. Оккупанты не могли выйти на прямой контакт с марджаа – такова была традиция со времен британской оккупации 1920-х гг. Контакты были непрямые. Однако для вернувшихся из изгнания шиитских политиков была важной артикуляция их близости к А. ас-Систани, что придавало им дополнительный вес и легитимность. Сам ас-Систани воздерживался от радикальных решений и старался занимать равноудаленную позицию. Такое стратегическое видение, исходящее из традиционной шиитской школы квиетизма[493], позволило ему выступать в качестве необходимого актора в кризисные периоды. Например, ранее мы уже писали о ситуациях, когда А. ас-Систани удалось договориться о завершении боевых действий между оккупантами и садристами в 2004 г., выступить с фетвой о защите Ирака для борьбы с ИГИЛ в 2014 г. Согласно одному из докладов МООНСИ, именно с 2014 г. «марджаийя» –

---

[491] Al-Qarawee H.H. The ‘formal’ Marjaʿ: Shiʿi clerical authority and the state in post-2003 Iraq // British Journal of Middle Eastern Studies, 46:3, 2019. Pp: 481-497.
[492] Ibid.
[493] Филин Н.А., Пилоян М.Г. Аятолла Али Систани: новые возможности старой школы шиитского религиозного наставничества // Общенациональный научно-политический журнал «Власть». 2015, № 2. С. 133-137.

«группа религиозных деятелей, которые играют важную роль в формировании иракского общества» – стали более заметны в политике. Понимая это, как и воздействие духовенства Наджафа на багдадское правительство, МООНСИ даже предложили открыть свое представительство в Наджафе[494]. Кроме того, в прессе получили широкое освещение взаимодействие А. ас-Систани и специального представителя Генерального секретаря МООНСИ Жанин Хеннис-Пласшерт. В целом, офис А. ас-Систани был открыт для встреч с различными политическими деятелями, учеными, экспертами, представителями международных организаций.

А. ас-Систани влиял и непосредственно на политический процесс. Так, в 2018 г. политический процесс буксовал на фоне многотысячных массовых демонстраций и митингов[495], среди которых запомнились выступления в Басре. Ситуация даже выходила из-под контроля, когда протестующие подожгли консульство Ирана в Басре и направлялись к американскому, но не добрались до него. Во многом проблему удалось разрешить при участии офиса верховного духовного лидера Ирака аятоллы Али ас-Систани, который поддерживал требования демонстрантов. Все ещё остававшемуся премьер-министром Ирака Х. аль-Абади также приходилось не раз посещать Басру, контролировать работу структур безопасности и выступать с идеями разрешения кризиса. В конечном счёте существовала необходимость политическим элитам прийти к договоренностям относительно состава кабинета министров. Вмешательство марджаийя Али ас-Систани вновь стало катализатором достижения согласия. Первое заседание обновлённого парламента после майских выборов 2018 г. было проведено только в сентябре. В итоге политическим силам удалось избрать правительство во главе с Аделем Абдель Махди, но через год массы вновь вышли

---

[494] Доклад генерального секретаря ООН от 2016 г. «Смета расходов на финансирование специальных политических миссий, добрых услуг и других политических инициатив, санкционированных Генеральной Ассамблеей и/или Советом Безопасности. Миссия Организации Объединенных Наций по оказанию содействия Ираку» [Электронный ресурс] // UN Docs. 2016. Режим доступа: A/71/365/add.5 - R - A/71/365/add.5 -Desktop (undocs.org) (дата обращения: 27.02.2020).

[495] Mustafa B. Explaining Basra's unrest — from polluted water to a cry against Iraq's elites and Iran // University of Birmingham. 09.2018. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.birmingham.ac.uk/research/perspective/explaining-basra.aspx (last visited: 28.02.2020).

на улицы, и снова А. ас-Систани занял позицию демонстрантов, что привело к отставке правительства А. А. Махди (см. Глава 2).

Несмотря на отсутствие какого-либо формального закрепления функций института «марджаийя» в конституции, на деле этот неформальный элемент иракского общества способен влиять на всю политическую систему и действия политических элит. Хотя и неформальный институт великого марджаа был формализован в другом ключе. Марджаа указан в законе об администрировании атабата – священных мест в городах Ирака. Согласно закону, премьер-министр назначает главу агентства шиитских вакфов после консультаций с великим марджаа (в 1983 г. при С. Хусейне эти вопросы были в исключительном ведении государства). Кроме того, закон закреплял назначение генеральных секретарей, ответственных за управление священными местами (атабат), в соответствии с шиитской правовой традицией и мнением великого марджаа. Глава агентства вакфов предлагал, а великий марджаа утверждал кандидатов на эти позиции. Так было с Абдель Махди аль-Карбалаи, которого назначили генеральным секретарем Мечети Имама Хусейна, Ахмадом ас-Сафи (Мечеть Имама Аббаса), Зияуддином Зейнаддином и Низаром Хаблом аль-Матином (Мечеть Имама Али). А. М. аль-Карбалаи и А. ас-Сафи ввиду их положения и донесения мнения А. ас-Систани до последователей стали мощными фигурами (на пятничных молитвах выступали от имени А. ас-Систани). Другой влиятельной фигурой стал сын А. ас-Систани Мухаммад Рида, заведующий офисом великого марджаа[496].

Институт «марджаийя» в Ираке не является формализованным, однако Х.Х. аль-Карави отмечает символичность упоминания великих мараджи (марджаа во множественном числе) в преамбуле к иракской конституции: «откликаясь на зов наших религиозных лидеров… и на требование (или наставление – прим. автора) наших великих мараджи…»[497]. Религиозные лидеры были упомянуты во

[496] Al-Qarawee H.H. The ‘formal’ Marjaʿ: Shiʿi clerical authority and the state in post-2003 Iraq // British Journal of Middle Eastern Studies, 46:3, 2019. Рц
p: 481-497.

[497] Конституция Ирака 2005 г. (دستـور جمهـورية العـراق) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета представителей (парламент) Ирака. 2005. Режим доступа: https://ar.parliament.iq/العراقي-الدستور/ (дата обращения: 18.12.2017).

множественном числе в качестве призывавших написать конституцию, что, таким образом обозначило их наставническую роль[498].

Это подводит нас к выводу о том, что изменились отношения между властью и религиозными институтами. В целом в постсаддамовском Ираке возросла роль ислама, что также выразилось и в словах конституции 2005 г., где ислам признается основным источником законодательства[499]. М.А. Сапронова отмечает, что если еще в конституции 1970 г. «основой общества провозглашалась социалистическая солидарность (ст. 10) и создание социалистического строя на научной и революционной основе (ст. 12а)», то в новой конституции же ни один закон не может быть принят, «если он противоречит установленным нормам ислама»[500]. Институт марджаийя же в постсаддамовском Ираке стал приемлемым для государства источником легитимности для политических деятелей и партий, а также инструментом преодоления кризисов государственности, сохраняя при необходимости путем своей интервенции в том числе и позиции сформировавшихся с 2003 г. политических элит.

5.4. Аль-Хашд аш-Шаабий между Наджафом и Тегераном. Новые элементы в военно-политическом измерении

В 2014 г. на фоне перехода ряда городов под контроль ИГИЛ, упавших цен на нефть и экономических проблем в Багдаде разгорелся политический кризис. В ситуацию пришлось вмешаться до того не участвовавшему или, по убеждению американского исследователя Вали Насра, не желавшему участвовать в политической жизни страны шиитскому духовному лидеру Али ас-Систани. После того, как под власть ИГИЛ попала провинция Найнава, 10 июня 2014 г. великий аятолла издал фетву (фатауа – решение сведущего в исламском праве авторитетного лица по той или иной политической, общественной проблеме) с

[498] Al-Qarawee H.H. The ‘formal’ Marjaʿ: Shiʿi clerical authority and the state in post-2003 Iraq // British Journal of Middle Eastern Studies, 46:3, 2019. Pp: 481-497.
[499] Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Конституция Ирака 2005 года и принципы ислама // Ислам в современном мире. 2017. № 2. С. 142.
[500] Сапронова М.А. Арабский мир: реформы политического устройства // Азия и Африка сегодня. №3. 2009. С. 22

призывом к гражданам, «которые могут держать оружие в руках и бороться с террористами, защитить свою страну, ее население, честь ее граждан и ее священные места»[501], а также к иракским политическим деятелям объединить усилия. Кроме того, А. ас-Систани объявил о своей поддержке вооруженным силам страны, в их борьбе с ИГИЛ. В результате были сформированы «аль-Хашд аш-Шаабий» («Силы народного ополчения» (СНО)), в основном представленные шиитскими группировками, часть которых имели экстремисткий характер и были сформированы задолго до этих событий[502]. Стоит отметить, что несмотря на то, что в целом этот ключевой элемент сил безопасности страны финансировался из бюджета правительства Ирака, руководство СНО имело долгую историю отношений с Ираном. Сформировать эти силы иранцы помогли при непосредственном руководстве главы подразделения «Кодс» Корпуса стражей исламской революции (КСИР) генерала Касема Сулеймани[503]. Еще до формирования СНО в единый механизм отдельные ее части получали средства и вооружения из Ирана посредством КСИР. Этим объясняются тесные контакты руководителей группировок СНО с иранским генералом Касемом Сулеймани. Именно последнему приписывают организацию фронта борьбы и перелом в войне с ИГИЛ в 2014 г. под Багдадом, когда СНО удалось отстоять столицу и дальше развернуть наступление на позиции ИГИЛ.

Чрезмерная самостоятельность и влияние на принятие политических решений со стороны этих финансируемых из Ирана шиитских вооруженных группировок (финансирование правительства Ирака было оформлено позднее) было проблемным моментом в общем планировании боевых действий и дисциплины. Причем эти группы стали одними из наиболее эффективных сил,

---

[501] Заявление ас-Сайида Али ас-Систани (долгой ему жизни) в Наджафе о последних событиях в сфере безопасности в провинции Найнава (на араб. بيان صادر من مكتب سماحة السيد السيستاني - ظلّه دام - في النجف الأشرف حول التطورات الأمنية الأخيرة في محافظة نينوى) // Официальный сайт Его Высокопреосвещенства ас-Сайида Али аль-Хусейна ас-Систани. 2006. Режим доступа: http://www.sistani.org/arabic/statement/24906/ (дата обращения: 21.03.2018)

[502] Мамедов Р. Ш. Асад без Путина: как добить «Исламское государство». [Электронный ресурс] // РБК. 15.03.2016. Режим доступа: http://www.rbc.ru/opinions/politics/15/03/2016/56e7c9609a79472616a80935 (дата обращения: 16.03.2018).

[503] Al-Arabiya. Iran's General Qassem Suleimani 'masterminds' Iraq ground war // Al-Arabiya. 5.11.2014. [Electronic resource]. Mode of access: http://english.alarabiya.net/en/perspective/profiles/2014/11/05/Iran-s-General-Qassem-Suleimani-masterminds-Iraq-ground-war.html (last visited: 2.05.18).

боровшихся с ИГИЛ. Силы народного ополчения включили в себя такие формирования, как ВИСИ (военное крыло – Кавалерия надежды «Фурсан аль-амаль»), Организация Бадр, Бригады мира («Сарайа ас-салям», сформирована из членов бывшей Армии Махди), Катаиб Хизбулла, Катаиб сайид аш-шухада, Бригады имама Али («Катаиб аль-имам Али»), Лига праведников («Асаиб ахлу ль-хакк»), движение «Харакят хизбулла ан-нуджаба», Бригады обещанного дня («Лива аль-йом аль-маууд»), Бригады Абу Фадль аль-Аббас[504].

В то же время некоторые арабские суннитские племена присоединились к СНО в целях борьбы с ИГИЛ. Большинство из них участвовали ранее в Советах «Пробуждения», когда удалось победить АКИ. По различным оценкам, число бойцов племенных формирований варьируется от 4 до 7 тыс. человек. Племена, которые присоединились к СНО впервые участвовали в боях под Тикритом. Из 25-30 тыс. человек военного контингента наступления на Тикрит, около 3 тыс. человек составили арабы сунниты, которые играли активную роль в освобождении Альбу Аселя и аль-Алема. Некоторые суннитские племена (официально, на деле же внутри они были расколоты) поддерживали СНО. Среди них Джубур, Хамдани, Лихейб, Кууайш, Исрави, Хабаш, Обейд, Шаммар, аль-Хазрадж из Тикрита, аль-Обайди и аль-Иззи из Диялы, аль-Джугхайфа, Альбу Нимр, Альбу Махед, Альбу Сухейб, Абу Риша, Альбу Дияб, Альбу Фарал, Альбу Итейбе, Альбу Ассаф, Альбу Фахад[505]. Часть этих племен поддерживали Нури аль-Малики во время его пребывания на посту премьер-министра, и, считается, что их члены даже сохраняют с ним хорошие отношения. Сомнительно, чтобы эти племена действовали в лоне интересов всего суннитского населения и имели качественную репрезентативность (в целом существует и проблема разделенности внутри племен). Кроме того, отсутствие руководства затрудняло их способность

[504] Duman B. A New Controversial Actor in Post-ISIS Iraq: Al-Hashd Al-Shaabi (The Popular Mobilization Forces). ORSAM, 2015. P. 9.
[505] Duman B. A New Controversial Actor in Post-ISIS Iraq: Al-Hashd Al-Shaabi (The Popular Mobilization Forces). ORSAM, 2015. P. 12.

действовать едино. Поэтому СНО было трудно обрести легитимность среди суннитов и убедить большинство из них в благих намерениях[506].

Роль Сил народного ополчения в политической жизни Ирака оставалась очень тяжелой темой, поскольку сама организация все же была очень разрозненна и представляла собой зонтичную структуру. Исследователи отмечают две ключевые составляющие СНО: а) структуры, которые существовали до фетвы А. ас-Систани, формировались под покровительством Ирана (Хашд аль-Валаи); и б) структуры СНО, созданные в ответ на фетву 2014 г. и связанные с шиитским религиозным руководством в Наджафе или марджаийя (Хашд аль-Марджии). Тем не менее были и другие группы, например, последователи Муктады ас-Садра (Сарая ас-Салям), суннитские племенные ополчения (аль-Хашд аль-Ашаирий) и бригады из этноконфессиональных меньшинств Ирака (йезидов и христиан). Количество группировок и бойцов с 2014 г. увеличивалось, как и зоны ее административного контроля. Отдельно вызывала тревогу степень иранского влияния на эти организации, их военное доминирование в Ираке и сомнительные действия в отношении противников в основном в суннитских районах страны[507]. Именно вокруг участия представителей СНО в выборах 2018 г. в парламент и было сосредоточено внимание иракских политиков и их спонсоров.

7 апреля 2015 г. своим указом Х. аль-Абади подчинил СНО офису премьер-министра, чем легализовал статус СНО. Позднее 19 декабря 2016 г. президент Ирака Фуад Маасум подписал прошедший в парламенте закон о включении СНО в силы безопасности Ирака (Закон об аль-Хашд аш-Шаабий[508]). Таким образом, СНО оказались инкорпорированы в систему безопасности Ирака, став официальной силой со схожими с иракской армией правами. Однако часть группировок СНО продолжила существовать в более автономном режиме, хотя и в целом согласуя свои позиции с правительством. В этом раскладе главнокомандующим оставался

---

[506] Ibid.

[507] Ibid. P. 9.

[508] Включение Закона об организации «аль-Хашд аш-Шаабий» № 40 от 2016 г. (на араб. قانون العدد تضمن هيأة الحشد الشعبي رقم (40) لسنة 2016) [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Ирака. 5.01.2017. Режим доступа: https://www.moj.gov.iq/view.2899/ (дата обращения: 16.03.2016).

премьер-министр Х. аль-Абади. В свою очередь председателем СНО стал советник премьер-министра по национальной безопасности Фалех аль-Файяд. Заместителем председателя СНО был назначен Джамаль Джаафар Мухаммад, более известный как Абу Махди аль-Мухандис. Среди других лидеров СНО стоит отметить руководителей Сарайя ас-Салям Муктаду ас-Садра (военным лидером стал его советник по вопросам безопасности Казым аль-Исауи) и корпуса «Бадр» Хади аль-Амири, а также лидера военизированной группировки «Асаиб Ахль аль-Хакк» Кайса аль-Хазали (движение откололось от «Армии Махди» Муктады ас-Садра в 2004 г.). Допускаем включение этих лиц в состав разрозненной военной элиты Ирака, поскольку они обладали достаточными ресурсами для определения и влияния на процесс принятия решений.

Понимая влияние СНО, ее влияние на массы и пропаганду, нельзя было не предположить, что члены организации пожелают усилить свои позиции политически. Одним из путей инкорпорирования во власть для членов СНО стало участие в парламентских выборах. Еще до выборов 2018 г. Х. аль-Абади даже попытался остановить этот процесс, заявив, что кандидаты в депутаты в случае перехода в политическую плоскость должны уйти в отставку с военной должности. СНО продолжили набирать политический вес в обществе и стремились выиграть на выборах 2018 г. Некоторые члены СНО в итоге отказывались от своей военной принадлежности для участия в политическом процессе, что показывало разнородность самой структуры[509].

Осознавая потенциал СНО, стремившийся переизбраться Х. аль-Абади предложили лидерам СНО сформировать с ним коалицию[510]. Во главе коалиции со стороны руководства СНО выступил Х. аль-Амири, уже имевший опыт работы в правительстве на различных позициях. Сформированная было коалиция распалась за один день после ее объявления, и Х. аль-Абади и Х. аль-Амири возглавили на

---

[509] Rudolf I. From Battlefield to Ballot Box: Contextualising the Rise and Evolution of Iraq's Popular Mobilisation Units. London: ICSR. King’s College London. 31.05.2018. P. 3.

[510] Iraqi PM clings to election schedule amid setbacks // Daily Sabah. 18.01.2018. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.dailysabah.com/mideast/2018/01/18/iraqi-pm-clings-to-election-schedule-amid-setbacks (last visited: 28.02.2020).

выборах два разных списка – «Наср» (Победа) и «Фатх» (Завоевание) соответственно.

Западные аналитические центры и СМИ заняли алармистские позиции в отношении возможности СНО получить политическое представительство посредством выборов, назначенных на май 2018 г. Однако иракский контекст подсказывал, что такая позиция была не всегда к месту, поскольку часть группировок СНО уже имели многолетний опыт участия в избирательном процессе (как, например, Бадр или Асаиб Ахль аль-Хак)[511]. Члены Бадр во многом составляли оппозицию в изгнании с 1982 по 2003 гг. и были частью властвующих групп Ирака с 2003 г.

Таким образом, в ответ на призыв марджаийя в Ираке формировалась новая политическая реальность при сохранении и институционализации старых элементов военно-политического процесса в стране. Этим воспользовались традиционно желавшие укрепить свои позиции в Ираке представители иранского шиитского политического активизма, что разделило группы СНО по линии приверженцев идей А. ас-Систани (большинство) и Р. Хомейни (меньшинство). Сам процесс институционализации таких элементов военно-политического процесса как СНО, несмотря на внутреннюю разделенность входящих в эту организацию группировок, обозначил мощный вызов существовавшим до того традиционным политическим силам. Руководство СНО, уже до того рассматривавшееся в качестве радикальной части политической элиты Ирака, выходило с новых позиций и приобретало особый политический вес, который оформился по итогам парламентских выборов 2018 г. Лидеры СНО не только обрели особую легитимность, став законной частью иракских вооруженных сил, но и вторглись в политический процесс, заставив разрозненную традиционную политическую элиту страны находить новые формы представления себя

[511] Haddad F. Understanding Iraq's Hashd al-Sha'bi State and Power in Post-2014 Iraq // The Century Foundation. 5.03.2018. [Electronic resource]. Mode of access: https://tcf.org/content/report/understanding-iraqs-hashd-al-shabi/?session=1 (last visited: 29.02.2020).

населению. Тем не менее вопрос о будущем СНО в политическом процессе Ирака остается противоречивым.

Выводы:

Несмотря на создание фасада политического процесса, серьезную роль в Ираке стали играть неформальные элементы взаимодействия элит и групп интересов, подчинявшиеся неписаным законам. Этноконфессиональная дезинтеграция была изначально заложена в основы иракской государственности системой этноконфессиональных квот («мухасаса таифийя»). Кланы использовали «мухасаса таифийя» и этноконфессиональную риторику для мобилизации масс в контексте собственного утверждения в постсаддамовском Ираке.

Большую значимость в политическом процессе сохранял фактор клановой и племенной организации. Разделённость существовала как между племенами, так и внутри них – между кланами, среди которых выделялись отдельные семьи, которые стали играть важную роль в постсаддамовском Ираке.

Американцы, решившие вопросы безопасности к 2009 г. при прямом взаимодействии с шейхами, стали искусственной спайкой между семьями, уже находившимися у власти в Багдаде, и семьями, претендовавшими на участие в перераспределении государственных ресурсов. Поэтому отдельные семьи и кланы (суннитов Северо-Запада страны) были реинтегрированы в иракское государство не в контексте всеобъемлющего примирения и принятия со стороны других кланов, уже вставших у власти в 2003-2005 гг., а путем попытки их привлечения и включения американцами в политический процесс.

В условиях выхода США из Ирака в 2011 г. и отсутствия доверия у этих двух оставшихся сторон при отсутствии нахождения ими компромисса, вооруженный конфликт оказался неизбежен. К 2014 г. произошел раскол внутри племен, который был возможен как между шейхами и их соплеменниками (молодыми и вливавшимися в ИГИЛ), так и внутри руководящих семей племен.

В постсаддамовский период заметным стало участие неофициального элемента сложившейся постсаддамовской системы – марджаийя Али ас-Систани.

Действия и заявления равноудаленного от всех политических сил религиозного лидера шиитов Ирака вносили вклад в стабилизацию ситуации и влияли на политические элиты страны, особенно в кризисные периоды. Для борьбы с ИГИЛ и в ответ на призыв марджаийя в Ираке формировалась новая политическая реальность при сохранении и институционализации старых элементов военно-политического процесса. Этим воспользовались традиционно желавшие укрепить свои позиции в стране представители иранского шиитского политического активизма, что разделило группы Сил национальной обороны (СНО) по линии приверженцев идей А. ас-Систани (большинство) и Р. Хомейни (меньшинство). Сам процесс институционализации таких элементов военно-политического процесса как СНО, несмотря на внутреннюю разделенность входящих в эту организацию группировок, обозначил мощный вызов существовавшим до того традиционным политическим силам. Руководство СНО, уже до того рассматривавшееся в качестве радикальной части политической элиты Ирака, выходило с новых позиций и приобретало особый политический вес, который оформился по итогам парламентских выборов 2018 г. Лидеры СНО не только обрели особую легитимность, став законной частью иракских вооруженных сил, но и вторглись в политический процесс, заставив разрозненную традиционную политическую элиту страны находить новые формы представления себя населению.

Заключение

Постсаддамовскую ***политическую систему***, в рамках которой шел процесс формирования новой иракской элиты, ***можно назвать гибридной*** или переходной, поскольку в ней смешивались традиционные (кланы, семьи, племена, религиозные институты) и формальные институты.

Формирование политической элиты постсаддамовского Ирака оформилось в начальный оккупационный период. Особую роль в этом процессе играли США. После вторжения в Ирак в 2003 г. американцами была создана Временная коалиционная администрация (ВКА) – оккупационный орган для управления Ираком, а при ней – включивший представителей новой элиты Ирака Высший управляющий совет (ВУС). ***Юридической базой*** создания формальных политических институтов впоследствии стали конституция 2005 г. и законодательство, на основе которого формировались государственные структуры (правительство и парламент) и создавались политические партии. Специфика избирательного процесса заключалась в том, что он испытывал сильное влияние извне и проходил в рамках менявшихся под каждый электоральный цикл избирательных законов, как и закрепления дебаасификации, что использовалось новыми элитами для недопущения неугодных бывших партийных деятелей руководящей в саддамовский период Баас.

Создаваемая система государственных институтов предполагала использование принципа «мухасаса», активно поддержанного в т.ч. американцами для распределения государственных постов между основными этноконфессиональными группами Ирака. С учетом того, что, согласно новому законодательству, ключевой фигурой в системе органов государственной власти становился премьер-министр, то и основная борьба разгорелась именно за этот пост, который предоставлялся шиитской общине. Договоренность по кандидатуре премьер-министра была частью более глобальных соглашений о министерских портфелях и перераспределения доходов от продажи нефти. Тем не менее сама

должность премьер-министра имела ряд ограничений, связанных в т.ч. с неприятием усиления этого института со стороны ключевых кланов в элите.

В период после 2005 г. шел активный процесс создания политических партий и блоков на этноконфессиональной основе. По сути, именно под них при помощи американцев и создавалась вся новая иракская государственность. Получавшие за счет преимуществ данной системы свои позиции иракские политики и партии по итогам выборов распределяли средства, находившиеся на балансе того или иного министерства, между представителями отдельных этноконфессиональных групп. В результате этого функционирование новой государственности Ирака было направлено на монопольное и постоянное перераспределение капитала и доходов от нефти между партиями и лицами, имевшими доступ к государственной службе за счет квот их этноконфессиональных групп. Институты государственности находились в разделенном и малоэффективном состоянии. Этот процесс вскоре показал неэффективность этноконфессиональных образований, невозможность создавать устойчивые политические союзы (что ярко продемонстрировал избирательный процесс, в частности, выборы в парламент 2010, 2014 и 2018 гг.), т.к. внутри отдельных этноконфессиональных групп шло размежевание по линии кланов/семей и племен.

Серьезную роль в Ираке стали играть неформальные элементы взаимодействия элит и групп интересов, подчинявшиеся неписаным законам, и, прежде всего, фактор клановой и племенной организации общества. Клановая борьба имела место и внутри этноконфессиональных групп; приводила в политическом процессе к скорым распадам политических коалиций в парламенте, а также к борьбе за распределение экономических и властных ресурсов. Дезинтеграция в рамках одной этноконфессиональной группы могла открывать двери для взаимодействия одного клана этой группы с кланами других этноконфессиональных групп.

При этом стоит отметить отдельные семьи/кланы, которые стали играть важную роль в постсаддамовском Ираке. Именно конгломерат семей (связанных в

основном прагматически общей историей борьбы с С. Хусейном) и стала представлять собой б***о***льшая часть иракской элиты после 2003 г. Такие семьи были в каждой из основных этноконфессиональных иракских групп, которые в условиях де-факто деградировавших и разрушенных институтов обрели власть. Это такие авторитетные семьи как Аляуи/Чалаби (потомки и представители изгнанной в республиканский период аристократии времен монархического периода в Ираке), Барзани/Талабани (ведущие курдские кланы), а также ставшие особенно значимыми в новой элите религиозные семьи Садр и аль-Хаким. Отдельные семьи крупнейших племен Обайд, Шаммар, Джубур, Дулайм также были участниками сложившегося конгломерата, но зачастую выпадали из политического процесса и не могли защитить свои позиции.

Американцы, решившие вопросы безопасности к моменту первого вывода войск из Ирака в 2011 г. при прямом взаимодействии с шейхами, ***стали искусственной спайкой между семьями***, уже находившимися у власти в Багдаде, и семьями, претендовавшими на участие в перераспределении государственных ресурсов. Поэтому отдельные семьи и кланы (суннитов Северо-Запада страны) были реинтегрированы в иракское государство не в контексте всеобъемлющего примирения, кооптации в элиту и принятия со стороны других кланов, уже вставших у власти в 2003-2005 гг., а путем попытки их привлечения и включения американцами в политический процесс. Впоследствии американцы вывели свои войска, не добившись окончательного компромисса между элитными группами. Это привело к политическому кризису, деградировавшему в вооруженный конфликт 2014 г. в условиях раскола внутри племен, который был возможен как между шейхами и их соплеменниками (молодыми и вливавшимися в ИГИЛ), так и внутри руководящих семей племен.

Отдельные процессы шли ***в курдской среде***. В 2017 г. иракские курды открыто выразили протест в отношении сложившейся в Ираке политической системы. Использование референдума и националистической риторики в мышлении части правящей элиты, представленной кланом Барзани, позволило им

преодолеть нараставшую политическую фрагментацию в Курдском автономном районе и консолидировать власть. В этом контексте референдум проводился не столько ради непосредственно достижения независимости, но в целом был связан с вопросами сохранения и распределения властных ресурсов внутри правящей элиты. Объявленный политической элитой Иракского Курдистана в одностороннем порядке референдум был негативно воспринят центральным правительством и проходил в условиях внутренних разногласий между курдскими силами. Это, как и отсутствие международного признания вместе с противодействием региональных акторов, подвело к реакции центрального правительства и провальным последствиям для курдской автономии, выразившимся в ослаблении ее позиций и перехода контроля над рядом спорных территорий центральным властям в Багдаде. Тем не менее правящей элите, особенно клану Барзани, удалось сохранить свои позиции и консолидировать власть через референдум, подогревший необходимый элите курдский национализм, и последовавшие выборы, как и провести поколенческий переход от старшего поколения к следующему в рамках своих семей.

Отдельным неформальным элементом, гарантировавшим легитимность и влиявшим на политические элиты, стал институт религиозного наставничества «марджаийя» (великий аятолла Али ас-Систани). Несмотря на сохранение квиетистского подхода, в отличие от дооккупационного периода роль религиозных институтов в политическом процессе усилилась. Она стала критически важной в кризисные моменты, оказывая влияние на постсаддамовскую систему власти и политические элиты. При этом религиозный истеблишмент Наджафа испытывал конкуренцию со стороны Тегерана, влиявшего на процессы в Ираке. Так, для борьбы с ИГИЛ и в ответ на призыв марджаийя А. ас-Систани в Ираке формировалась новая политическая реальность при сохранении и институционализации старых элементов военно-политического процесса в стране. Этим воспользовались традиционно желавшие укрепить свои позиции в Ираке представители проиранского шиитского политического активизма, что разделило

группы Сил национального ополчения (СНО) по линии приверженцев идей А. ас-Систани (большинство) и Р. Хомейни (активное меньшинство). Сам процесс институционализации таких элементов военно-политического процесса как СНО, несмотря на внутреннюю разделенность входивших в эту организацию группировок, обозначил мощный вызов существовавшим до того традиционным политическим силам.

К 2018-2020 гг. в иракском обществе назрел ***запрос на секуляризацию***. Многими исследователями стала отмечатся растущие идеи светскости в политике, выразившиеся в лозунгах масштабных протестов 2019-2020 гг. Кроме того, если ранее еще была возможность для понимания выстраивания системы в контексте этноконфессиональной разделенности «мухасаса таифийя», то с течением времени происходила дезинтеграция в сторону распределения ресурсов, привилегий и доходов (в т.ч. от нефти) по партийным линиям, закладывая основу для так называемой «мухасаса хизбийя», или «партийной мухасасы», порождая неожиданные альянсы не только внутри отдельно взятой этноконфессиональной группы, но и между идеологическими линиями разлома.

К 2018-2020 гг. бывшие ключевыми с 2003 г. партии (в первую очередь т.н. «исламские партии») утратили доверие населения, что повлекло за собой развитие культуры массовых демонстраций и протестов. В ответ последовала реконфигурация и ребрендинг политических сил при сохранении тех же постсаддамовских элит. Возникшие с новой силой в октябре 2019 г. массовые движения привнесли игрока, которые аналитики назвали «иракской улицей». Несмотря на то, что фасадные изменения со сменой отдельных официальных лиц (включая премьер-министра) были предсказуемы, сами постсаддамовские элиты сохранялись. Сегодня иракское общество остается расколотым, а постсаддамовские политические элиты ***продолжают находиться в процессе поиска возможных компромиссов*** и выработки механизмов взаимодействия между ключевыми семьями, доминирующими в политическом процессе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Документы ООН и международных организаций, документы США и ВКА, законы иракских органов власти, выступления и интервью официальных лиц

1. United Nations Assistance Mission for Iraq // UNAMI Focus. 02.2009. № 30.
2. Decision of IPU Governing Council of the Inter-Parliamentary Union, Geneva “Ahmed Jamil Salman Al-Alwani Decision adopted unanimously by the IPU Governing Council at its 197th session” of 21.10.2015. Iraq IQ/62. [Electronic resource]. Mode of access: http://archive.ipu.org/hr-e/197/IQ62.pdf (last visited 26.02.2020)
3. Treaty of Alliance Between His Majesty in Respect of the United Kingdom and His Majesty the King of Iraq, Baghdad, 30 June 1930. Приводится в приложении № 4 по Tarbush, M.A. The Role of the Military in Politics: A Case Study of Iraq to 1941. Boston: Kegan Paul International. 1982.
4. CIA Directorate of Intelligence. Iraq’s Tikritis: Power Base of Saddam Hussein. 1987. Режим доступа: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP88T00096R000400540002-8.pdf (дата обращения 20.05.2019).
5. CIA Directorate of Intelligence. Iraq's Shias: Saddam Blunts A Potential Threat. Directorate of Intellegence (CIA). NESA 84-10294. 11.1984. Declassified in Part – Sanitized Copy Approved for Release 2012/01/24. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP85T00314R000300110003-5.pdf. P.4. (last visited: 22.02.2020).
6. Learning From Iraq: A Final Report from the Special Inspector General for Iraq Reconstruction // Global Securtiy.org. 03.2013. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.globalsecurity.org/military/library/report/2013/sigir-learning-from-iraq.pdf (last visited: 08.10.2017).
7. The Coalition Provisional Authority Order № 1: De-Ba'athification of Iraqi Society". The Coalition Provisional Authority. 16.05.2003. [Electronic resource]. Mode of access:

http://www.iraqcoalition.org/regulations/20030516_CPAORD_1_De-Ba_athification_of_Iraqi_Society_.pdf (last visited: 09.10.2017).

8. Talmon, S. The Occupation of Iraq: The Official Documents of the Coalition Provisional Authority and the Iraqi Governing Council. London: Bloomsbury Publishing PLC, 2013.
9. USA Public Law 105–338. “U.S. Congress Iraq Liberation Act of 1998.” of 31.10.1998.
10. Включение Закона об организации аль-Хашд аш-Шаабий № 40 от 2016 г. (на араб. تضمن العدد قانون هيأة الحشد الشعبي رقم (40) لسنة 2016) [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Ирака. 5.01.2017. Режим доступа: https://www.moj.gov.iq/view.2899/ (дата обращения: 16.03.2016)
11. Диалог. Али Хатем ас-Сулейман [Выпуск программы «Хиуар» телеканала Аш-Шаркийя. Интервью с Али Хатемом ас-Сулейманом] // YouTube. 8.09.2019. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=LendE85fqbU&app=desktop (дата обращения: 27.02.2020).
12. Доклад генерального секретаря ООН от 2016 г. «Смета расходов на финансирование специальных политических миссий, добрых услуг и других политических инициатив, санкционированных Генеральной Ассамблеей и/или Советом Безопасности. Миссия Организации Объединенных Наций по оказанию содействия Ираку» [Электронный ресурс] // UN Docs. 2016. Режим доступа: A/71/365/add.5 - R - A/71/365/add.5 -Desktop (undocs.org) (дата обращения: 27.02.2020).
13. Закон о выборах № 16 от 2005 г. (ред. от 5.10.2005) (قانون الانتخابات رقم (16) لسنة 2005) [Электронный ресурс] // Wiki.dorar. 2005. Режим доступа: http://wiki.dorar-aliraq.net/iraqilaws/law/19502.html. (дата обращения: 16.12.2018)

14. Конституция Ирака 2005 г. (دستـور جمهـورية العـراق) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета представителей (парламент) Ирака. 2005. Режим доступа: https://ar.parliament.iq/العراقي-الدستور/ (дата обращения: 18.12.2017).
15. Кратко об аль-Малики (на араб. المالكي فى سطور) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Нури аль-Малики. 2015. Режим доступа: https://nourialmaliki.me/سطور-فى-المالكي/الإعلامي-المركز/ (дата обращения: 19.02.2020).
16. Закон об управлении государством Ирак в переходный в период (قانون ادارة الدولة العراقية للمرحلة الانتقالية) [Электронный ресурс] // Wiki.dorar. 2004. Режим доступа: http://wiki.dorar-aliraq.net/iraqilaws/law/20670.html. (дата обращения: 15.11.2018).
17. Закон № 26 от 2009 г. по изменению закона о выборах № 16 от 2005 г. (قانون تعديل قانون الانتخابات رقم (16) لسنة 2005). [Электронный ресурс] / Официальный сайт Совета представителей (парламент) Ирака. 2005. Режим доступа: http://arb.parliament.iq/archive/2009/12/28/قانون-تعديل-قانون-الانتخابات-رقم-16-لسن/ (дата обращения: 18.12.2018)
18. Иракский Закон о выборах (قانون الانتخابات العراقي). [Электронный ресурс] / Al-Jazeera. 9.11.2009. Режим доступа: https://www.aljazeera.net/news/arabic/2009/11/9/قانون-الانتخابات-العراقي (дата обращения: 18.12.2018)
19. Закон о выборах в советы провинций, када и районов № 36 от 2008 г. (قانون انتخاب مجالس المحافظات و الأقضية والنواحي رقم (36) لسنة 2008). [Электронный ресурс] / Официальный сайт Совета представителей (парламент) Ирака. 13.10.2008. Режим доступа: http://arb.parliament.iq/archive/2009/12/28/قانون-تعديل-قانون-الانتخابات-رقم-16-لسن/ (дата обращения: 18.12.2018)
20. Заявление ас-Сайида Али ас-Систани (долгой ему жизни) в Наджафе о последних событиях в сфере безопасности в провинции Найнава (на араб. بيان في الأخيرة الأمنية التطورات حول الأشرف النجف في - ظلّه دام - السيستاني السيد سماحة مكتب من صادر نينوى محافظة) // Официальный сайт Его Высокопреосвещенства ас-Сайида Али

аль-Хусейна ас-Систани. 2006. Режим доступа: http://www.sistani.org/arabic/statement/24906/ (дата обращения: 21.03.2018)

21. Лидер Сайид Муктада ас-Садр (да сохранит его Аллах) издал важное заявление об иракской народной революции и приверженности сохранения и продолжения реформ, и отсутствии их поддержки со стороны людей слабых духом (на араб. يصدر بياناً مهما حول ثورة الاصلاح (أعزه الله)سماحة السيد القائد مقتدى الصدر الشعبية العراقية الاصيلة لتبقى مستمرة على مسارها وعدم حرفها من قبل أصحاب النفوس الضعيفة) // Официальный сайт ас-Сайида Муктады ас-Садра. 20.04.2016. Режим доступа: http://jawabna.com/index.php/permalink/8863.html (дата обращения: 28.04.2018)
22. Интервью автора с директором ближневосточной программы Международной кризисной группы Й. Хилтерманном по переписке. Брюссель-Москва. 2019 г. Перевод с английского языка.
23. Интервью автора со старшим научным сотрудником Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН К.М. Труевцевым. Москва. 2019 г.
24. Интервью с научным директором Zenith Council (Германия) Н. Наимом в Москве, 2019 г. Перевод с английского языка.
25. Интервью с экспертом, бывшим сотрудником миссии ООН по содействию Ираку (МООНСИ) в Багдаде (Ирак), пожелавшим остаться неназванным. 2019 г. Перевод с английского языка.
26. Интервью с научным сотрудником Международного центра исследований радикализации Департамента военных исследований Королевского колледжа Лондона Инной Рудольф. Москва-Лондон (видеосвязь). 2019 г. Перевод с английского языка.
27. Записи автора со встречи с членом Патриотического союза Курдистана в Эрбиле (Ирак), пожелавшего остаться неназванным. 2017 г. Перевод с арабского языка.

II. Научная литература

28. Аганин А.Р. Племена и кланы Иорданского Хашимитского Королевства. М.: Институт Ближнего Востока. 2013. 2-е изд., испр. и доп.
29. Аганин А.Р. Племена Сирийской пустыни и долины Евфрата. М.: Институт Ближнего Востока, 2018.
30. Адамов А. Ирак Арабский. Бассорский Вилайет в его прошлом и настоящем. С.-Петербургъ: Типография главного управления Уделов, 1912.
31. Алексеев И.Л. Династическая автократия и конкурентный трайбализм в средневековом мусульманском обществе: взгляд Ибн Халдуна // Вестник РГГУ. Серия "Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение". 2016. № 1.
32. Алиев А.А. Иран vs Ирак. История и современность. М.: МГУ, 2002.
33. Аль-Двани М.Ф. Политическая элита в социальной структуре Республики Йемен: диссертация на соискание степени канд. соц. наук: 22.00.04. Санкт-Петербург, 2016.
34. Аль-Двани М.Ф. Ценностные основания теории элит // Вестник СпбГУ. 2014. № 13 (2).
35. Арзамаскин Ю.Н. Принципы историзма в научном исследовании // Журнал армия и общество. 2011. № 3 (27).
36. Армии на современном Востоке / под ред. Д.В.Стрельцова. М.: Аспект Пресс. 2018.
37. Афанасьев А.В. Шейхи шиитских племен и британские мандатные власти в Ираке. Проблема взаимоотношений (1918-1932 гг.) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия "Гуманитарные и социальные науки". №51. 2013.
38. Афанасьев М.Н. Правящие элиты и государственность посттоталитарной России: Курс лекций. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996.
39. Ахмедов В.М. Армия в политическом процессе на Ближнем и Среднем Востоке // Политические системы и политические культуры Востока. Под

ред. профессора А.Д. Воскресенского. 2-е изд. перераб. и доп. М.: АСТ: Восток—Запад, 2007.

40. Ашин Г.К. Понятие «элита» и его роль в политических исследованиях // Философские науки, 2005. № 7.
41. Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность. М.: МГИМО-Университет, 2010.
42. Бартенев В.И. Восстановление Ирака после победы над «Исламским государством»: перспективы международного участия // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2018. №2. С.145-192.
43. Беренкова Н.А. Особенности шиитских транснациональных движений в арабских странах Ближнего Востока // Религия и общество на Востоке. ИВ РАН Вып. 2. 2018. С. 113-135.
44. Беренкова Н.А. Феномен шиитского активизма в Ливане и его влияние на международные отношения Ближнего Востока (1967-2013 гг.): диссертация на соискание степени канд. ист. наук: 07.00.15. Н. Новгород, 2015.
45. Бреховских А.А. Британцы в Иракском Курдистане: попытка установления контроля над оккупированными территориями и ее результаты в 1918-1920 гг. // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2015. №4. С. 56-71.
46. Валецкий О.В., Гирин А.В., Маркин А.В., Неелов В.М. Уроки Ирака. Тактика, стратегия и техника в Иракских войнах США. Центр стратегической конъюнктуры. М.: Издатель Воробьев А.В., 2015.
47. Валиахметова Г.Н. Концессия в Басре и установление монополии ИПК в нефтяном производстве Ирака, 1936-1938 гг. // Уральское востоковедение. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. Вып. 4.
48. Вертяев К.В., Иванов С.М. Курдский национализм. История и современность / Институт востоковедения РАН. М.: Ленанд, 2015.

49. Вертяев К.В., Жигалина О.И., Иванов С.М. Политические процессы в курдских ареалах стран Западной Азии (Ираке, Турции, Сирии, Иране). М.: Институт востоковедения РАН, 2013.
50. Васильев А.М. Война в Ираке: региональные и глобальные последствия // Вестник РАН. 2004. Т.74. № 1.
51. Воскресенский А.Д. Общие закономерности, региональная специфика и концепция незападной демократии // Сравнительная политика. 2011. № 1.
52. Воскресенский А.Д. Восток и страны Незапада на этапе политической модернизации // Практика зарубежного регионоведения и мировой политики. М.: Магистр-Инфра-М, 2014.
53. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. №2, 2016.
54. Гаман-Голутвина О. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2006. Гл. 6.1.
55. Гевелинг Л.В. Формирование элит и контрэлит в условиях меняющейся политической реальности (контуры теоретической модели) // Элиты стран Востока: сборник статей / под ред. А.Ю. Дугова и др. М., 2011. С. 6-7.
56. Голубев Д.С. Проблемы и перспективы суверенизации Иракского Курдистана // Мировое развитие. Выпуск 18. Большой Ближний Восток в мировой экономике и политике. М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 15.
57. Давыдов А.А. “Продвижение демократии” во внешней политике США в начале XXI века: диссертация на соискание степени канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2019.
58. Данилов Л.Л. Тенденции и перспективы постконфликтного урегулирования в Ираке // Иракский кризис. Международный и региональный аспект. Под ред. Е.С.Мелкумян. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003.
59. Данциг Б.М. Ирак в прошлом и настоящем. АН СССР, Ин-т народов Азии. М.: Изд-во вост. лит., 1960.

60. Дауд О. Иракские племена: от Саддама Хусейна до Дэвида Петрэуса // Социальная антропология во Франции. XXI век / Под ред. Елены Филипповой и Бориса Петрика. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2009.
61. Дружиловский С.Б. Влияние иракского кризиса на урегулирование курдской проблемы в Турецкой Республике // Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века. М.: Институт Ближнего Востока, 2006.
62. Дружиловский С.Б.Трансформация внешнеполитического курса Ирана. Влияние трансформации на российско-иранские отношения // Обозреватель. Observer. №3 (326). 2017.
63. Дука А.В. О подходах к анализу властных элит // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. СПб., №3, 2012.
64. Дука А.В. Теоретические проблемы в исследованиях властных элит // Журнал социологии и социальной антропологи. 2008. №1.
65. Жантиев Д.Р. Суфии в иракском сопротивлении (2003-2011) // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 13, №4. 2011.
66. Жантиев Д.Р. «Армия Махди» в Ираке: формирование и развитие // Вестник московского университета. Серия 13: Востоковедение. №4, 2012.
67. Жигалина О.И. Мулла Мустафа Барзани. Исторический портрет. М.: Институт востоковедения РАН, 2013.
68. Звягельская И.Д. «Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении». М.: «Аспект Пресс», 2018.
69. Звягельская И.Д. Конфликты на Ближнем и Среднем Востоке: тенденции и игроки // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: История и современность. 2017. №3.
70. Звягельская И.Д., Сурков Н.Ю. Российская политика на Ближнем Востоке: дивиденды и издержки большой игры: рабочая тетрадь РСМД № 51/2019. М.: НП Российский совет по международным делам, 2019. С. 11.

71. Зинин Ю.Н. Ирак после парламентских выборов 2010 года: этно-цивилизационный срез // Вестник МГИМО Университета. 2011.
72. Игнатенко А.А. Халифы без халифата. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988.
73. Исаев Л.М., Мардасов А.Г., Коротаев А.В. Протесты 2019 г. В Ираке в контексте новой волны ближневосточной дестабилизации // Сборник по итогам конференции Института Африки РАН «Перспективы стабилизации/дестабилизации политической ситуации на Ближнем Востоке и Северной Африки», 2019.
74. «Исламское государство»: феномен, эволюция, перспективы / А.И.Вавилов, Ю.Н.Зинин, А.А.Казанцев, А.В.Крылов, А.А.Орлов (руководитель), А.В.Федорченко, А.Л.Чечевишников, А.А.Ярлыкапов. Аналитические доклады ИМИ Выпуск 1(45). М.: МГИМО-Университет, 2016.
75. Казанцев А.А. "Большая игра" с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия / А.А.Казанцев. М.: МГИМО-Университет, 2008.
76. Казанцев А.А., Содиков Ш.Д. Политические элиты и перспективы эволюции политических систем Узбекистана и Казахстана / А.А. Казанцев, Ш.Д. Содиков // Ежегодник Института международных исследований. М.: МГИМО-Университет, 2014. Выпуск 1 (7). С. 116-124.
77. Казанцев А.А., Сафранчук И.А. Клановый фактор в политической жизни Кыргызстана. БОЛЬШАЯ ИГРА: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии. № 1(34) 2014.
78. Котлов Л.Н. Национально-освободительное восстание 1920 г. в Ираке. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1958.
79. Котлов Л.Н. Национально-освободительная борьба народов Ирака накануне восстания 1920 г. // Очерки по истории арабских стран. М., 1959.
80. Кочетков А.П. Демократия и элиты. М.: ПрофЭко, 2009.
81. Кириченко В.П. Трансграничная конфессиональная общность и национальное государство: шииты и власть в Ираке в годы правления

Саддама Хусейна (1979-2003) // Россия и мусульманский мир. 2015. № 11 (281).

82. Крылов А.В., Федорченко А.В. Ближний Восток: перспективы развития региональной ситуации. Международная аналитика. №3, 2015.
83. Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С.51-65.
84. Куделев В.В. «Аль-Каида» и война в Ираке // М.: Институт Ближнего Востока, 2009.
85. Кудряшова И.В. Сравнительный анализ динамики развития политических систем Турции, Египта, Ирана, Ирака // Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы. Науч.-метод. комплекс / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2011. С. 218-279.
86. Кузнецов В.А. Истоки и движущие силы вооруженного экстремизма и радикализации на Ближнем Востоке (на региональном уровне и на примере Туниса) // Пути к миру и безопасности. № 1 (52) Спецвыпуск: Проблемы терроризма, насильственного экстремизма и радикализации (российские и американские подходы). 2017.
87. Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М.: Институт Ближнего Востока, 2005.
88. Лапина Н.Ю. Региональные элиты России. ИНИОН РАН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион. пробл. М., 1997. 63 с.
89. Львов В.В. Современная политическая элита Ирака: а есть ли будущее? // Политическая элита Ближнего Востока. М., 2000.
90. Люсин С.Г. Роль шиитского движения в общественно-политической жизни современного Ирака // Арабский мир в конце XX века. Материалы I-ой конференции арабистов Института востоковедения РАН. М., 1996.

91. Малышева Д.Б. Ближний Восток между турбулентностью и развитием // Свободная мысль XXI. 2018, № 5. С. 131-140.
92. Малышева Д.Б. Политические процессы в постсоветской Центральной Азии [Текст] / Д. Б. Малышева // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 3.
93. Магомедов А.К. Политическая элита российской провинции // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 4. С.72-79.
94. Мамедов Р.Ш. Дебаасификация иракского общества и изменение политического статуса суннитов (2003-2004 гг.) // Сборник статей по материалам студенческих научно-практических конференций по востоковедению (Меликсетовские чтения). М.: ОЧУ ВО «ММА», 2017. С. 59-68.
95. Мамедов Р.Ш. Негосударственные и иррегулярные вооруженные формирования в сирийско-иракской конфликтной зоне // Мировое развитие. Выпуск 18. Большой Ближний Восток в мировой экономике и политике. Отв. ред.: Ю.Д. Квашнин, Н.В. Тоганова. М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 27-33.
96. Мамедов Р.Ш. Ирак. Формирование государственных институтов (2005-2018). Долгий путь к национальному согласию // Азия и Африка сегодня, № 11. 2018.
97. Мамедов Р.Ш. Суфизм как социально-политический регулятор жизни восточных регионов арабо-мусульманского мира X-XV вв. // Восточные общества: традиции и современность. Материалы II съезда молодых востоковедов стран СНГ. М.-Баку, 2014.
98. Мамедов Р.Ш. Иракские силы безопасности: сложный путь к институциональному восстановлению // В кн.: Армии и безопасность на Ближнем Востоке и в Северной Африке / Сост.: Р. Ш. Мамедов, Т. А. Махмутов, О. Пылова. М.: НП РСМД, 2019. С. 64-70.

99. Мамедов Р.Ш. Формирование политической элиты современного Ирака: американский и иранский факторы // Международная жизнь. 2019. № 11. С. 58-65.
100. Мамедов Р.Ш. Внешняя помощь Ираку: обещания доноров и компромисс политических элит // Азия и Африка сегодня. 2020. № 3. С. 59-64.
101. Мамедов Р.Ш., Морозов В.А. Влияние санкций ООН и США на политическую элиту Ирака // Вестник МГИМО-университета. 2020. № 13 (1).
102. Манафова А.Д. Нефтяная политика Ирака, 2003-2016 гг. М.: Институт Ближнего Востока, 2017.
103. Махмутов Т.А. Конвенциональные и неконвенциональные формы проявления политических последствий маргинализации в современной России: диссертация на соискание степени канд. полит. наук: 23.00.02. Уфа, 2006.
104. Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.
105. Миняжетдинов И.Х. «Балканизация Ирака»: факторы воспроизводства и распространения политического насилия // Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). М.: Институт востоковедения РАН, 2015.
106. Мирский Г.И. Ирак в смутное время 1930-1941 гг. М.: Изд. восточной литературы, 1961.
107. Мирский Г. И. Армия и политика в странах Азии и Африки. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1970.
108. Морозов В.М., Шебалина Е.О., Ефремов В.К. Суннитско-шиитская конфронтация как политический риск и фактор эскалации террористической угрозы // Страховое Право №1. 2020.
109. Мосаки Н.З. Курдистан и курдский вопрос в политике Запада и России (90-е годы XX века – начало XXI века). М.: Институт Ближнего Востока, Институт востоковедения РАН, 2011.

110. Мохов В.П. Элитизм и история. Проблемы изучения советских региональных элит. Пермь, 2000.
111. Наронская А.Г. Концептуальные подходы к изучению политических элит (мировой и отечественный опыт) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2019. Т. 14, № 1 (185). С. 86-91.
112. Наумкин В.В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов // Восток. 2006. №1. С. 65 – 87.
113. Наумкин В.В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 1. С. 66–96.
114. Наумкин В.В. Курдская головоломка Ближнего Востока (На примере Ирака) // Мировая экономика и международные отношения РАН. Т. 63, №5, 2019. С. 76-87.
115. Нуреев Р.М., Бусыгин Е.Г. Экономические санкции: издержки и выгоды конфронтации // Terra Economicus, 2017. Т.15. №3.
116. Политическая элита Ближнего Востока (сборник статей) // Институт изучения Израиля и Ближнего Востока и ИВ РАН. М., 2000. 176 с.
117. Понеделков А.В. Политико-административные элиты России. Ростов-на-Дону, 2005.
118. Примаков Е.М. Встречи на перекрестках. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2015.
119. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М., 2012.
120. Родригес А.М. Новая история стран Азии и Африки. XVI-XIX вв. Часть 3. Учебник для студ. высш. учеб. заведений / [А. М. Родригес и др.]; под ред. А. М. Родригеса: в 3 ч. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2010. Ч.3.

121. Сапронова М.А. Арабский восток: власть и конституции. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2001.
122. Сапронова М.А. Арабский мир: реформы политического устройства // Азия и Африка сегодня. №3. 2009.
123. Сапронова М.А. Иракская конституция в прошлом и настоящем (Из истории конституционного развития Ирака). М.: Институт Ближнего Востока, 2006.
124. Свешникова Ю. О значении курдского фактора в условиях меняющегося Большого Ближнего Востока // Индекс Безопасности. №2 (113), 2015.
125. Сарабьев А.В. Ливан: обыкновенная «консоциональная демократия» в региональном контексте. Вестник МГИМО-Университета. 2019; № 12 (4).
126. Ситдикова А.К. Баасистский режим Ахмеда Хасана Аль-Бакра в Ираке (1968 - 1979 гг.): автореферат диссертации ... кандидата исторических наук: 07.00.03: Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, 2015.
127. Смирнов В.А. Политические элиты в малых странах: вопросы теории. М.: РОССПЭН, 2017.
128. Старостин А.М. Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России. Ростов-н/Д.: СКАГС, 2003. 365 с.
129. Степанова Е.А. ИГИЛ и транснациональный исламистский терроризм // Пути к миру и безопасности. №2. 2014.
130. Степанова Н.В. История Ирака. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2016.
131. Сурков Н.Ю. Харизматическое лидерство в условиях Ближнего Востока и Северной Африки в XXI веке: региональная специфика и перспективы эволюции феномена // Вестник МГИМО-Университета. 2020; №13 (2).
132. Тимофеев И.Н. Политика США в области безопасности: проблемные направления и тенденции // Безопасность России – 2011. Экспертно-аналитическое обозрение. М.: ИД Критерий, 2010.

133. Федорченко А.В., Крылов А.В. Феномен «исламского государства» // Вестник МГИМО-Университета. № 2 (41). 2015. С. 174-183.
134. Филин Н.А., Пилоян М.Г. Аятолла Али Систани: новые возможности старой школы шиитского религиозного наставничества // Общенациональный научно-политический журнал «Власть». 2015, № 2. С. 133-137.
135. Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Конституция Ирака 2005 года и принципы ислама // Ислам в современном мире. № 2. 2017.
136. Хигли Дж. Элиты, массовые группы и пределы политики: методология и практика сравнительного анализа // Сравнительная политика. 2010;1(1). С. 50-72.
137. Abdullah, T.A.J. Dictatorship, Imperialism & Chaos: Iraq since 1989. London: Zed Books, 2006.
138. Abdul Jabar F. The Shi'ite movement in Iraq. London: Saqi Books, 2003.
139. Abdul Jabar F. The Iraqi protest movement: from identity politics to issue politics. LSE Middle East Centre papers series (25). London: LSE Middle East Centre, 2018.
140. Ajami F. The Vanished Imam: Musa al Sadr and the Shia of Lebanon. Itacha and London: Cornell University Press, 1986.
141. Alhakim A. Iraq: The endless terror of Ba'ath rule. My family's fate // Journal Index on Censorship. Vol. 19. №10, 1990.
142. Al-Qarawee H.H. Sistani, Iran, and the Future of Shii. Clerical Authority in Iraq. Crown Center For Middle East Studies. Middle East Brief № 105, 2017.
143. Al-Qarawee H.H. The ‘formal’ Marjaʿ: Shiʿi clerical authority and the state in post-2003 Iraq // British Journal of Middle Eastern Studies, 46:3, 2019. Pp: 481-497.
144. Al-Rikabi H. Reforming the Electoral System in Iraq. Baghdad: Al-Bayan Center for Planning and Studies, 2017.
145. Al-Saiedi A., Sissons M. A Bitter Legacy: Lessons of De-Baathification in Iraq. NY, Brussels: International Center for Transitional Justice, 2013.

146. Allawi, A.A. The Occupation of Iraq: Winning the War, Losing the Peace. USA: Yale University Press, 2007.
147. Baram, A. Turmoil in Iraq: The Regimes #2 Defects. Middle East Quarterly, 4(2). 1995. Pp. 15-21.
148. Baram A. Neo-Tribalism in Iraq: Saddam Hussein's Tribal Policies 1991–96 // International Journal of Middle East Studies. Vol. 29, № 1,1997. Pp. 1-31.
149. Berdal, M. and Suhrke, A. The Peace In Between: Post-War Violence and Peacebuilding. NY-London: Routledge, 2012.
150. Blaydes, L. State of Repression. Iraq under Saddam Hussein. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2018.
151. Bogaards M. Formal and Informal Consociational Institutions: A Comparison of the National Pact and the Taif Agreement in Lebanon // Nationalism and Ethnic Politics Journal. Volume 25, 2019. Pp. 27-42.
152. Bonin R. Arrows of the Night: Ahmad Chalabi and the Selling of the Iraq War. New York: Anchor Books, 2012.
153. Bruinessen, M. The Qadiriyya and the lineages of Qadiri shaykhs in Kurdistan / Mullas, Sufis, and Heretics: The Role of Religion in Kurdish Society. Istanbul: Isis Press, 2000. Pp. 213-230
154. Camp D. Battle for the city of the dead: In the shadow of the Golden Dome, Najaf, August 2004. Minneapolis, Minn: Zenith Press, 2011.
155. Cigar, N. L. Al-Qaida, the tribes, and the government: lessons and prospects for Iraq's unstable. Quantico, VA: Marine Corps University Press, 2011.
156. Clawson P. How Has Saddam Hussein Survived? Economic Sanctions, 1990-93. Washington, DC.: National Defense University, 1993.
157. Cochrane, M. The Fragmentation Of The Sadrist Movement. Washington: Institute For The Study of War, 2009.
158. Cordesman, A.H. Iraq: Sanctions And Beyond. New York: Perseus, 1997.
159. Cordesman A. H. Sadr and the Mahdi army: Evolution, Capabilities, and a New Direction. Washington: 2008.

160. Cordesman, A. H. Withdrawal From Iraq: Assessing the Readiness of Iraqi Security Forces. Washington, D.C.: The Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2009.
161. Çetinsaya, G. The Ottoman Administration of Iraq, 1890-1908. Soas/Routledge Studies on the Middle East, 2011.
162. Dai, Ya. Transformation of the Islamic Da'wa Party in Iraq: From the Revolutionary Period to the Diaspora Era // Asian and African Area Studies, 7 (2), 2008.
163. Dobbins, J., Jones, G. S., Runkle, B., Mohandas, S. Occupying Iraq: A History of the Coalition Provisional Authority. NY: Rand Publishing, 2009.
164. Dodge T. State and society in Iraq ten years after regime change: the rise of a new authoritarianism // International affairs. 2013. Pp. 241-257.
165. Dodge T. Iraq: From War to a New Authoritarianism. London: International Institute for Strategic Studies, 2013.
166. Dougherty, B.K., Ghareeb, E.A. Historical Dictionary of Iraq. Lanham-Toronto-Plymouth: Scarecrow Press, Inc., 2013.
167. Duman B. A New Controversial Actor in Post-ISIS Iraq: Al-Hashd Al-Shaabi (The Popular Mobilization Forces). ORSAM, 2015.
168. Eppel M. Kurdish Leadership in Post-Saddam Iraq: National Challenges and Changing Conditions // Iraq Between Occupations: Perspectives from 1920 to the Present (edited Baram A., Rohde A., Zeidel R.). New York: Palgrave Macmillan, 2010.
169. Fabal R.R.O. The British Administration of Iraq and Its Influence on the 1920 Revolution. Master Thesis. University of Oslo. 2015.
170. Fromkin, D. A Peace to End All Peace: The Fall of the Ottoman Empire and the Creation of the Modern Middle East. New York: Holt Paperbacks, 2001.
171. Fuller, G.E. Islamist Politics in Iraq after Saddam Hussein. Washington, DC: United States Institute of Peace, Special report №108, 2003.

172. Goodwin, K. The Tanzimat and the Problem of Political Authority in the Ottoman Empire: 1839-1876. Rhode Island: Honors Projects Overview, 2006.
173. Hashemi N., Postel D. Sectarianization: Mapping the New Politics of the Middle East // Oxford University Press, 2017.
174. Higley J. Elite Foundations of Liberal Democracy / J. Higley, M. Burton. Lanham: Rowman and Littlefield Publishers, 2006.
175. Hiltermann J.R. Elections and Constitution Writing in Iraq, 2005. Middle East at the Crossroads, 2006.
176. Hourani, A.H., Ruthven, M. A History of the Arab peoples. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2002.
177. Ihsan M. Nation Building in Kurdistan: Memory, Genocide and Human Rights. London and New York: Routledge, 2017.
178. Kadhim, A. Reclaiming Iraq: The 1920 Revolution and the Founding of the Modern State. Austin: University of Texas Press, 2012.
179. Kadhim A. The Hawza and Its Role in Post-War Iraq. Boston: Institute for Iraqi Studies, Boston University, 2012.
180. Kassem A. The Modernization of the Hawza? Lebanon as a Case Study // Contemporary Arab Affairs, Vol. 11 № 4, 2018.
181. Katzman, K. The Kurds in Post-Saddam Iraq. CRS Report RS22079. Congressional Research Service, 2010.
182. Khadduri, M., Ghareeb, E. War in the Gulf, 1990-91: The Iraq-Kuwait Conflict and Its Implications // Oxford University Press, 1997.
183. Khan J. The Iraqi Tribal Structure. Background and Influence on Counter-Terrorism // Perspectives on Terrorism. Vol 1, № 1. 2007.
184. Leezenberg M. Religion among the Kurds. Between Naqshbandi Sufism and IS Salafism / The Kurdish Question Revisited. Amsterdam: Amsterdam School for Cultural Analysis (ASCA), 2017. Pp. 33-46.
185. Luomi, M. Secterian Identities or Geopolitics? The Regional Shia-Sunni Divide in The Middle East // The Finnish Institute of International Affairs, 2008.

186. Lustick, I. Stability in deeply divided societies: Consociationalism versus control // World Politics. 31 (3), 1979. Pp. 325–44.
187. Mansour R. The Sunni Predicament in Iraq. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2016.
188. Mansour, R. Iraq's 2018 government formation: unpacking the friction between reform and the status quo. LSE Middle East Centre report. London: Middle East Centre, LSE, 2019.
189. Marr, Ph. Iraq's New Political Map // Special Report №179. Washington, DC: U.S. Institute of Peace, 2007.
190. McCarthy, J. Iraq's Governing Council Assumes Broad Authority. Open Society Institute. Middle East and North Africa Initiatives. Central Eurasia Project // Iraq Revenue Watch. № 1. 2004.
191. Metz, H.C. Iraq: A Country Study. Federal Research Division // Library of the U.S. Congress, 1990.
192. Nasr V.R. Review of Joyce N. Wiley, The Islamic Movement of Iraqi Shiʿas (Boulder, Colo.: Lynne Rienner, 1992) // International Journal of Middle East Studies, Vol. 25, № 4. 1993. Pp.718-719.
193. Nasr V. The Shia Revival: How Conflicts within Islam Will Shape the Future. W.W. Norton & Company, 2016.
194. Nieuwenhuis, T. Politics and Society in Early Modern Iraq: Mamluk Pashas, Tribal Shayks, and Local Rule Between 1802 and 1831. The Hague/Boston/London: Springer My Copy UK, 1982.
195. O'Driscoll, D. Baser, B. Independence Referendums and Nationalist Rhetoric: The Kurdistan Region of Iraq // Third World Quarterly. 2019 ; Vol. 40, No. 11. pp. 2016-2034.
196. Ottaway, M., Kaysi, D. The state of Iraq. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2012.
197. Phillips D.L. The Great Betrayal: How America Abandoned the Kurds and Lost the Middle East. London, New York: I.B. Tauris and Co. Ltd, 2019.

198. Putnam R.D. The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1976.
199. Raphaeli, N. Understanding Muqtada al-Sadr // Middle East Quarterly. 2004. Vol.11. № 4. P. 33-42.
200. Rajaee, F. The Iran-Iraq War: The Politics of Aggression // University Press of Florida, 1993.
201. Roston A. The Man Who Pushed America to War: The Extraordinary Life, Adventures, and Obsessions of Ahmad Chalabi. Nation Books; First Edition, 1st Printing edition. 2008.
202. Rudolf I. From Battlefield to Ballot Box: Contextualising the Rise and Evolution of Iraq's Popular Mobilisation Units. London: ICSR. King's College London. 31.05.2018.
203. Sadeghi-Boroujerdi E. Strategic Depth, Counterinsurgency, and the Logic of Sectarianization: The Islamic Republic of Iran's Security Doctrine and its Regional Implications // Sectarianization: Mapping the New Politics of the Middle East (edited by Hashemi N., Postel D.). New York: Oxford University Press, 2017.
204. Saouli, A. Sectarianism and political order in Iraq and Lebanon // Studies in Ethnicity and Nationalism Journal, Vol. 19, № 1, 2019. Pp. 67-87.
205. Scholvin S. Clashing geopolitical visions: Iraq from the first world war to the 1958 revolution // Revista Română de Geografie Politică, 2011.
206. Schmidt, S. Shia-Islamist political actors in Iraq. Who are they and what do they want? Copenhagen: Danish Institute for International Studies, 2008.
207. Selim G. The impact of post-Saddam Iraq on the cause of democratization in the Arab world // International Journal of Contemporary Iraqi Studies, № 6 (1), 2012. Pp. 53-87.
208. Shanahan, R. From Tyre to Tehran: Transnational Links amongst Lebanese Shi'a Clerical Families // Journal of Shi'a Islamic Studies, 6 (3), 2013.

209. Slavin B. Mullahs, Money, and Militias. How Iran exerts its influence in the Middle east. Washington, DC: United States Institute of Peace, Special report № 206, 2008.
210. Tripp Ch. A History of Iraq. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
211. Trumbull C. P. IV, Martin J.B. Elections and Government Formation in Iraq: An Analysis of the Judiciary's Role // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 44/2. 2011.
212. Van den Toorn Ch., Ali A. Challenges and Opportunities in post-ISIS Territories: The Case of Rabia. Suleimani: Institute of Regional and International Studies, American University of Iraq Sulaimani, 2015.
213. Wurmser D. Tyranny's Ally: America's Failure to Defeat Saddam Hussein. Washington, DC.: The Aei Press, 1999.
214. Iraq’s Secular Opposition: The Rise and Decline of Al-Iraqiya. Brussels/Baghdad: International Crisis Group, 2012. Report № 127.
215. Абу Хания Х., Абу Румман М. Организация «Исламское государство»: суннитский кризис и борьба за глобальный джихад (на араб. تنظيم الدولة الإسلامية: العالمية الجهادية على والصراع السنية الأزمة). Амман: My’accaca Фридрих Ейберт, 2015.
216. Абдулджаббар Ф. Протестные движения в Ираке. От самоидентификации до политических вопросов (на араб. حركات االحتجاج العراقية من سياسة الهوية إلى سياسة القضايا). Лондон: LSE Middle East Centre, 2018.
217. Аз-Зууейри, М. Аль-мазхабийя в современном Арабском Машрике. Ситуация с Османской империей и империей Сефевидов (на араб. **المذهبية في المشرق العربي الحديث: الحالة العثمانية الصفوية**) // Журнал «Омран». Выпуск 11, 2015.
218. Аль-Варди А. Исследование о сущности иракского общества (на араб. **ورقة في طبيعة المجتمع العراقي**). Аль-Ахрам, 1965.
219. Аль-Азауи аль-Махами А. Энциклопедия племен Ирака (на араб. موسوعة عشائر العراق). Бейрут: ад-Дар аль-Арабийя лиль-Маусуат, 2005. Изд. 1, ч. 2.
220. Аль-Амин М.А. Организация «Аль-Ахали»: происхождение, идеология и ее роль в иракской политике 1932-1946 гг. (на араб. جماعة الأهالي: منشؤها، عقيدتها،

ودورها في السياسة العراقية1932-1946.). Бейрут: Арабский институт исследований и публикаций, 2001.

221. Аль-Ансари, А. бу А. Понятие гражданского государства в западной и исламской мысли: Сравнительное изучение некоторых конститутивных текстов (на араб. **دراسة مقارنة لبعض النصوص)مفهوم الدولة المدنية في الفكر الغربي والإسلامي التأسيسية**)). Эрбиль: Арабский центр разработок и политических исследований, 2014.
222. Аль-Маджали, М.А. Изучение мер по защите от внутриконфессиональной нетерпимости и ее влияние на общественную безопасность (на араб. بيرالتدا **مكتبة المدينة الرقمية** - لا منأ ا علىەثروأ بيەلمذا لتعصبا قية منالوا). Эр-Рияд: Арабский университет наук безопасности им. принца Наифа, 2008.
223. Аль-Муфти Х. Ирак между двумя эпохами: Ясин аль-Хашеми и Бакр Сидки (на араб. ياسين الهاشمي وبكر صدقي :العراق بين عهدين). Рас-аль-Хайма, 1990.
224. Аль-Хашими Х. Организация ДАИШ в 2018 г. Иракский кейс. (на араб. تنظيم عام داعش 2018 - أنموذجا العراق). Центр международных и стратегических исследований по выработке политики, 2018. Стамбул.
225. Альян, И. Х. Религиозное государство и гражданское государство (на араб. الدولة الدينية والدولة المدنية). Иерусалим: Открытый университет Иерусалима, 2012.
226. Ар-Рауий Х.Х.А. Методы зарубежной пропаганды, направленные на арабский мир (на араб. اساليب الدعاية الاجنبية الموجهة الى الوطن العربي). Амман: Дар ан-Нашр Муассасат аль-Уаррак, 2010.
227. Ас-Саляби А.М. Османское государство. Факторы возвышения и причины распада. (на араб. الدولة العثمانية عوامل النهوض وأسباب السقوط). Порт-Саид, 2000.
228. Ас-Саляфи А. Ф. Гражданское государство: понятия и столпы (الدولة المدنية مفاهيم وأحكام). Каир: Университет аль-Азхар, 2011.
229. Ат-Тамими М.З.М. Политическая и капиталистическая элита иракского государства в период 1968-2003 гг. (на араб. النخبة السياسية ورأسمالية الدولة العراقية ١٩٦٨-٢٠٠٣). Багдад: Университет аль-Мустансирийя, 2013.

230. Атуф З. Партийная практика в Ираке после 2003 года... реальность и вызовы. (на араб. التجربة الحزبية في العراق بعد 2003.. الواقع والتحديات). Идрак Центр исследований и консультаций, 2018.
231. Ахмад М.Р. Курдское движение в Ираке. Роль барзанистов на пути к самоуправлению 1918-1968 гг. (на араб. الحركة الكردية في العراق). Амман: Дар аль-Муатаз, 2014.
232. Зухейр Ф.А. Абдул Хусейн Чалаби, его жизнь и политическая роль в истории Ирака 1876-1939 (عبذ احلسني اجلليب حًاته ودوره السًاسٌ يف تاريخ العرام 1876-1939) // Журнал факультета основного образования Университета Аль-Мустансирийя. Том 25, №105. 2019.
233. Иса М. Палестина и Его Высокопреосвященство Великий Муфтий Хадж Амин аль-Хуссейни. (на араб. فلسطين وسماحة المفتي الأكبر الحاج أمين الحسيني). Амман, 1998.
234. Чарунтаки М. Курды и американская внешняя политика: международные отношения на Ближнем Востоке с 1945 года (на араб. الكرد والسياسة الخارجية الأميركية: العلاقات الدولية في الشرق الأوسط منذ 1945). Бейрут: Дар аль-Фараби. 2013.

III. Электронные ресурсы

235. Александров А.И. О реальном влиянии баасистов на действия «Исламского государства» в Ираке [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. 24.06.2015. Режим доступа: http://www.iimes.ru/?p=24916 (дата обращения: 20.12.2017).
236. Беленькая М. «Поспешная» конституция Ирака, или Бомба замедленного действия [Электронный ресурс] // Риа Новости. 09.08.2005. Режим доступа: https://ria.ru/20050809/41122261.html (дата обращения: 16.01.2019).
237. Беленькая М. Ирак решил вопрос о власти Новые президент и кандидат в премьеры устроили все политические силы, включая Тегеран и Вашингтон [Электронный ресурс] // газета "Коммерсантъ". 03.10.2018. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3759641 (дата обращения: 04.11.2018).

238. Беленькая М. Роль уличности в истории. Протестующие в Ливане и Ираке не слушают обещаний своих правительств [Электронный ресурс] // Газета "Коммерсантъ". 30.10.2019. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4141786 (дата обращения: 02.02.2020).
239. Беленькая М. Теории заговора и гнев улиц. Что стоит за кровавыми протестами в Ираке [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги. 8.10.2019. Режим доступа: https://carnegie.ru/commentary/80015 (дата обращения: 02.02.2020).
240. Блок иракского премьера Нури Малики лидирует на выборах [Электронный ресурс] // BBC News Русская служба. 19.05.2014. Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/rolling_news/2014/05/140519_rn_iraq_maliki_elections.shtml (дата обращения: 23.03.2018).
241. Дорофеев Ф.А. Шиитский фактор в Иракском кризисе: прогнозы и реалии [Электронный ресурс] // Издательский дом «Медина». 21.12.2011. Режим доступа: http://idmedina.ru/books/materials/?3722 (дата обращения: 19.02.2020).
242. История семьи Чалаби [Электронный ресурс] // Газета "Коммерсантъ". №145. 10.08.2004. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/496491 (дата обращения: 20.04.2018).
243. Кузнецов А.А. Неожиданные альянсы в преддверии парламентских выборов в Ираке. Часть 1 [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. 29.03.2018. Режим доступа: www.iimes.ru/?p=43049 (дата обращения: 19.02.2020).
244. Кузнецов А.А. О племенном факторе в иракской политике [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. 16.04.2016. Режим доступа: www.iimes.ru/?p=28058 (дата обращения: 23.02.2020).
245. Кузнецов А.А. О раскладе сил среди суннитских племен Ирака. Часть 2 [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. 14.10.2017. Режим доступа: www.iimes.ru/?p=38377 (дата обращения: 25.02.2020).

246. Лукьянов Г.В. Политическая география «ДАИШ»: экспансия как стратегия выживания [Электронный ресурс] // Группа стратегического видения "Россия - исламский мир". 29.08.2019. Режим доступа: https://russia-islworld.ru/eksperty/politiceskaa-geografia-dais-ekspansia-kak-strategia-vyzivania-stata-grigoria-lukanova/ (Дата обращения: 21.11.2019).

247. Малыженков С. Движение «Горран». История и перспективы после смерти лидера [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам, 08.06.2017. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/dvizhenie-gorran-istoriya-i-perspektivy-posle-smerti-lidera/ (Дата обращения: 20.12.2019).

248. Мамедов Р.Ш. Асад без Путина: как добить «Исламское государство». [Электронный ресурс] // РБК. 15.03.2016. Режим доступа: http://www.rbc.ru/opinions/politics/15/03/2016/56e7c9609a79472616a80935 (дата обращения: 16.03.2016).

249. Мамедов Р.Ш. Время для «курдской политики» Москвы в Ираке? [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 28.09.2017. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vremya-dlya-kurdskoy-politiki-moskvy-v-irake/ (Дата обращения: 29.05.2018).

250. Мамедов Р.Ш. Пропаганда ИГ (запрещена в РФ) в Ираке на фоне политического кризиса 2012-2014 гг. [Материалы коллоквиума "Молодежь в мировом исламистском движении", состоявшегося 15 июня 2016 года в Институте Африки Российской академии наук. Видеосъемка проведена в рамках проекта "Исследования политических процессов в Азии и Африке"] // YouTube. 28.06.2016. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=Bc61iw0eysE (дата обращения: 23.03.2018).

251. Мамедов Р.Ш. Протесты в Ираке и чем опасна «мухасаса»? [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 12.12.2019. Режим

доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/ruslan-mamedov/protesty-v-irake-i-chem-opasna-mukhasasa/ (дата обращения: 02.02.2020).

252. Семенова В. Финансовые пирамиды Ахмада Чалаби. Вашингтон хочет сменить Саддама на иракского «Мавроди» [Электронный ресурс] // Время новостей. 17.04.2003. Режим доступа: http://www.compromat.ru/page_13002.htm (дата обращения: 22.04.2019).
253. Субботин И. Курды заморозили итоги референдума о независимости [Электронный ресурс] // Независимая газета. 26.10.2017. Режим доступа: http://www.ng.ru/world/2017-10-26/1_7103_kurds.html?fbclid=IwAR1vzDlmyyY1Iw15tuc1aSIzdsqmzTr0x6W806RdKj1Y22gAr7fpMmBhSbc (Дата обращения: 30.05.2018).
254. ТАСС-Досье. Вооруженные силы Ирака после 2003 года. Досье. // ИТАР-ТАСС [офиц. сайт]. URL: http://tass.ru/info/1298164. 04.07.2014. (дата обращения: 7.12.2015).
255. Три чиновника ПСК участвовали в плане Багдада атаковать Киркук [Электронный ресурс] // Kurdistan.ru. 13.10.2017. Режим доступа: https://kurdistan.ru/2017/10/13/news-30765_Tri_chinovnika_PSK_u.html (Дата обращения: 30.05.2018).
256. Труевцев К.М. Волнения в Ираке: продолжение арабской весны или новая политическая реальность? // Российский совет по международным делам. 13.11.2019. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/volneniya-v-irake-prodolzhenie-arabskoy-vesny-ili-novaya-politicheskaya-realnost/ (дата обращения: 02.02.2020).
257. Шахбазян Г. Россия и проблема курдов. [Электронный ресурс] // Обозреватель. Режим доступа: http://www.observer.materik.ru/observer/N21_93/21_09.HTM (Дата обращения: 5.06.2018).

258. Юрченко В.П. Военно-политическая обстановка в Ираке (январь 2008 года) // Институт Ближнего Востока. 06.02.2008. Режим доступа: http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/06-02-08c.htm (дата обращения: 10.03.2016).
259. Яковина И. Из шейха возгорелось пламя. В Ираке началось суннитское восстание [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 10.01.2014. Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2014/01/10/isil/ (дата обращения: 23.09.2018).
260. Aboulenein A. KDP comes first in Iraqi Kurdistan election // Reuters. 21.10.2018. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.reuters.com/article/us-iraq-kurds/kdp-comes-first-in-iraqi-kurdistan-election-idUSKCN1MU0WY (last visited:30.11.2018).
261. Alaaldin F.Iraq's New Dawn: A New Government and A New Political Reality // Fikra Forum. The Washington Institute for Near East Policy. 11.05.2020. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.washingtoninstitute.org/fikraforum/view/Iraq-Kadhimi-government-parliament-prime-minister (last visited: 13.05.2020).
262. Alpher D. Learning from SIGIR's Final Report on Iraq Reconstruction // the Middle East Institute. 12.06.2013. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.mei.edu/publications/learning-sigirs-final-report-iraq-reconstruction (last visited: 11.12.2017)
263. Al-Ali, Z. How Maliki Ruined Iraq // Foreign Policy. Washington, D.C., 19.06.2014. [Electronic resource]. Mode of access: http://foreignpolicy.com/2014/06/19/how-maliki-ruined-iraq (last visited: 11.03.16).
264. Al-Chammari M. Iraqi figure voices support for Saudi anti-terror laws // Al-Monitor. 1.04.2014. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.al-monitor.com/pulse/politics/2014/04/iraq-justice-reform-movement-head-support-saudi-terror.html (last visited 25.02.2020).
265. Benhaida S., Al-Khaled W. To fight off unemployment, Iraqi youth plant start-up seeds // Phys.org. 17.02.2019. [Electronic resource]. Mode of access:

https://phys.org/news/2019-02-unemployment-iraqi-youth-start-up-seeds.html (last visited: 12.03.2019).

266. BC Profile. Iyad Allawi // BBC Profile. 27.03.2010. [Electronic resource]. Mode of access: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/3757923.stm. (last visited: 09.12.15).
267. Chan S. Ahmad Chalabi, Iraqi Politician Who Pushed for U.S. Invasion, Dies at 71 // The New York Times. 3.11.2015. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.nytimes.com/2015/11/04/world/middleeast/ahmad-chalabi-iraq-dead.html (last visited: 15.02.2020).
268. Chulov M. Iraq elections: Polls close as security clampdown keeps violence at bay // The Guardian. 31.01.2009. [Electronic resource]. Mode of access: http://www.theguardian.com/world/2009/jan/31/iraq-elections-politics (last visited: 16.02.16).
269. Claude P. The CIA's main man in Baghdad // The Guardian. 23.07.2004. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.theguardian.com/theguardian/2004/jul/23/guardianweekly.guardianweekly1 (last visited: 18.02.2020).
270. Cochrane, M. Jaish al-Mahdi // Washington: Institute For The Study of War, 2009. [Electronic resource]. Mode of access: http://www.understandingwar.org/jaysh-al-mahdi (last visited: 23.12.15).
271. Cockburn P. The harm before the storm: Army battles to expel resurgent al-Qa'ida from Iraq // The Independent. 5.01.2014.[Electronic resource]. Mode of access: https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/the-harm-before-the-storm-army-battles-to-expel-resurgent-al-qa-ida-from-iraq-9040155.html (last visited 26.02.2020).
272. Cogan J. Behind the installation of Jawad al-Maliki as Iraqi prime minister // World Socialist Web Site. 26.04.2006. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.wsws.org/en/articles/2006/04/iraq-a26.html (last visited: 20.02.2020).

273. Darwish A. Ayatollah Mohammad Bakr al-Hakim. Shia cleric who favoured an Islamic regime for Iraq // The Independent. 30.08.2003. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.independent.co.uk/news/obituaries/ayatollah-mohammad-bakr-al-hakim-37024.html (last visited: 22.02.2020).

274. Dodge, T. Iraq and Muhasasa Ta'ifia; The External Imposition of Sectarian Politics // The Foreign policy Centre. 12.11.2018. [Electronic resource]. Mode of access: https://fpc.org.uk/iraq-and-muhasasa-taifia-the-external-imposition-of-sectarian-politics/ (last visited: 01.02.2019).

275. Dodge T. Tracing the Rise of Sectarianism in Iraq after 2003 // LSE Middle East Centre Blog. 13.09.2018. [Electronic resource]. Mode of access: https://blogs.lse.ac.uk/mec/2018/09/13/tracing-the-rise-of-sectarianism-in-iraq-after-2003/ (last visited: 16.02.2019).

276. Dreyfuss B. Book review: Tamara Chalabi's 'Late for Tea at the Deer Palace' // The Nation. 7.03.2011. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.thenation.com/article/archive/book-review-tamara-chalabis-late-tea-deer-palace/ (last visited: 16.02.2020).

277. Haddad F. Understanding Iraq's Hashd al-Sha'bi State and Power in Post-2014 Iraq // The Century Foundation. 5.03.2018. [Electronic resource]. Mode of access: https://tcf.org/content/report/understanding-iraqs-hashd-al-shabi/?session=1 (last visited: 29.02.2020).

278. Hashem A. How Haider al-Abadi became Iraq's next prime minister // Al-Monitor. 14.06.2014. [Electronic resource]. Mode of access: http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/08/iraq-iran-prime-minister-alabadi-maliki.html#ixzz47zW6j7Yk (last visited: 17.03.2016).

279. Hiltermann J. Elections in Iraqi Kurdistan: Results and Implications. International Crisis Group. 1.01.2010. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/iraq/elections-iraqi-kurdistan-results-and-implications (last visited: 5.12.2018).

280. International Herald Tribune. Saddam's ally, former Iraqi Baath party leader and prime minister, dies. 2007. [Electronic resource]. Mode of access: https://web.archive.org/web/20070320031800/http://www.iht.com/articles/ap/2007/03/16/africa/ME-GEN-Iraq-Obit-Hammadi.php (last visited: 20.05.2019).

281. In Iraq, UN Youth Envoy says young people are 'most valuable force we have to shape a better future // UN News Centre. 12.08.2017. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.un.org/sustainabledevelopment/blog/2017/08/in-iraq-un-youth-envoy-says-young-people-are-most-valuable-force-we-have-to-shape-a-better-future/ (last visited: 18.02.2019).

282. Iran's General Qassem Suleimani 'masterminds' Iraq ground war // Al-Arabiya. 5.11.2014. [Electronic resource]. Mode of access: http://english.alarabiya.net/en/perspective/profiles/2014/11/05/Iran-s-General-Qassem-Suleimani-masterminds-Iraq-ground-war.html (last visited: 2.05.17).

283. Iraq Parliament to Elect Speaker on Monday // Al-Manar TV. 03.11.2010. [Electronic resource]. Mode of access: https://web.archive.org/web/20101113045423/http://www.almanar.com.lb/NewsSite/NewsDetails.aspx?id=160770&language=en (last visited 24.12.2018).

284. Iraq VP Tariq al-Hashemi sentenced to death // BBC News. September 9, 2012. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.bbc.com/news/world-middle-east-19537301 (last visited 25.11.2019).

285. Iraqi PM clings to election schedule amid setbacks // Daily Sabah. 18.01.2018. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.dailysabah.com/mideast/2018/01/18/iraqi-pm-clings-to-election-schedule-amid-setbacks (last visited: 28.02.2020)

286. Iraq: MP Ahmad Al Alwani Sentenced to Death After Flawed Trial // Al-Karama. 16.01.2015. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.alkarama.org/en/articles/iraq-mp-ahmad-al-alwani-sentenced-death-after-flawed-trial (last visited 26.02.2020).

287. Foreign Policy Interview with Feisal al-Istrabadi. Seven Questions: The De-Bremerification of Iraq // Foreign Policy. 16.01.2008. [Electronic resource]. Mode of access: http://foreignpolicy.com/2008/01/16/seven-questions-the-de-bremerification-of-iraq/ (last visited: 11.09.17).

288. Gaub, F. Meet Iraq's Sunni Arabs: A Strategic Profile // European Union Institute for Security Studies. Issue Brief 26. 2017. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Brief%2026%20Iraq%27s%20Sunnis_0.pdf (last visited: 03.02.2019).

289. General Ali Hassan al-Majid // Independent. 2003. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.independent.co.uk/news/obituaries/general-ali-hassan-al-majid-36418.html (last visited: 20.05.2019).

290. Grand Ayatollah Sayyid Muhsin al-Tabataba'i al-Hakim (1889–1970) // Ulama index. [Electronic resource]. Mode of access: www.islamic-laws.com/marja/mohsinhakim.htm (last visited: 22.02.2020).

291. Lake E. Iraqi Political Crisis Near End as Tawafuq Chief Quits // The NY Sun. 06.07.2007. [Electronic resource]. Mode of access: http://www.nysun.com/foreign/iraqi-political-crisis-near-end-as-tawafuq-chief/57938/ (last visited: 16.02.2016).

292. Lawrence Q. Arab-Kurd Conflict Deepens In Mosul // NPR. 8.05.2009. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=103937615 (last visited: 24.02.2020).

293. Mamouri A. Will secular parties gain upper hand in Iraq? // Al-Monitor. 02.05.2016. [Electronic resource]. Mode of access: http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/04/failure-islamic-parties-secular-currents-potential-rise-iraq.html (last visited: 03.05.2016).

294. Mayer J. The Manipulator Ahmad Chalabi pushed a tainted case for war. Can he survive the occupation? // The New Yorker. 7.06.2004. [Electronic resource].

Mode of access: https://www.newyorker.com/magazine/2004/06/07/the-manipulator (last visited: 16.02.2020).

295. McCaffray Van den Toorn, Ch. Kurdistan Politics at a Crossroads // Carnegie. 26.04.2018. [Electronic resource]. Mode of access: https://carnegieendowment.org/sada/76195 (last visited:1.06.2018).
296. Murphy J. Kurdistan's Elite Counterterrorism Group Takes the Fight to ISIS // Sofrep. Military Grade Content. 21.09.2015. [Electronic resource]. Mode of access: https://sofrep.com/news/kurdistans-elite-counterterrorism-group-takes-fight-isis/ (last visited: 22.02.2020).
297. Mustafa B. Explaining Basra's unrest — from polluted water to a cry against Iraq's elites and Iran // University of Birmingham. 09.2018. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.birmingham.ac.uk/research/perspective/explaining-basra.aspx (last visited: 28.02.2020).
298. Parker N., Al-Khalidi S. Special Report: The doubt at the heart of Iraq's Sunni 'revolution' // Reuters. 4.08.2014. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.reuters.com/article/us-iraq-security-alisuleiman-specialrepo/special-report-the-doubt-at-the-heart-of-iraqs-sunni-revolution-idUSKBN0G40OP20140804 (last visited 25.02.2020).
299. Roston A. Ahmad Chalabi, The Man Who Gave Us ISIS // BazzFeed. 3.11.2015. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.buzzfeednews.com/article/aramroston/ahmad-chalabi-the-man-who-gave-us-isis (last visited: 16.02.2020).
300. Rubin M. Iraq: Iraq's Electoral System: A Misguided Strategy // The Middle East Forum. 2004. [Electronic resource]. Mode of access: https://web.archive.org/web/20061214002339/http://www.meforum.org/article/634 (last visited: 15.12.2018)
301. Rudolf I. The Sunnis of Iraq’s “Shia” Paramilitary Powerhouse // The Century Foundation. 13.02.2020. [Electronic resource]. Mode of access:

https://tcf.org/content/report/sunnis-iraqs-shia-paramilitary-powerhouse/?session=1 (last visited: 15.02.2020).

302. Sabah Allawi Joins Board of Directors. Red Alert Force Formed // GlobeNewsWire. 29.09.2003. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.globenewswire.com/news-release/2003/09/29/301062/45750/en/Sabah-Allawi-Joins-Board-of-Directors-Red-Alert-Force-Formed.html (last visited: 19.02.2020).
303. Sattar O. Third coalition arises in Iraq to vie for Sunni leadership // Al-Monitor. September 30, 2019. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2019/09/iraq-sunni-coalition-osama-nujaifi.html (last visited 24.11.2019).
304. Sheikh Ali Hatem Suleiman // PeoplePill. [Electronic resource]. Mode of access: https://peoplepill.com/people/ali-hatem-al-suleiman/ (last visited 25.02.2020).
305. Sowell K.H. Mosul and the Limits of State Capacity // Carnegie Endowment for International Peace. 30.03.2017. [Electronic resource]. Mode of access: https://carnegie-mec.org/sada/68464 (last visited: 26.02.2020).
306. Sulaivany K. Final results: KDP wins Kurdistan's parliamentary elections followed by PUK // Kurdistan 24. 20.10.2018. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.kurdistan24.net/en/news/f9c62f01-0101-4719-8bb3-c74f7184af88 (last visited: 3.12.2018).
307. Shaswar Abdulwahid elected president of New Generation Movement // Rudaw. 01.05.2018. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.rudaw.net/english/kurdistan/050120183 (last visited: 3.12.2018).
308. Shiite Politics in Iraq: The Role of the Supreme Council. Baghdad/Istanbul/Brussels: International Crisis Group, Middle East Reports № 70, 15.11.2007. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.refworld.org/pdfid/473d5d632.pdf (last visited: 19.02.2020).
309. Wahab B. Iraqi Kurdistan’s New Government // The Washington Institute for Near East Policy. 11.07.2019. [Electronic resource]. Mode of access:

https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/iraqi-kurdistans-new-government (last visited: 23.02.2020).

310. Willams T., Izzi S. Iraq Passes Crucial Election Law. The New York Times. 8.11.2009. [Electronic resource]. Mode of access: www.nytimes.com/2009/11/09/world/middleeast/09iraq.html (last visited: 15.12.2018).
311. Zebari A.H. Opposition in Iraqi Kurdistan Questions Population Figures / Al-Monitor. 26.06.2013. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2013/06/kurdistan-region-abnormal-population-growth.html (last visited 20.12.2019).
312. Абдель Ати М. Семья Барзани и вооруженные действия курдов (на араб. عائلة البارزاني والعمل المسلح الكردي) [Электронный ресурс] // Al-Jazeera. Режим доступа: https://www.aljazeera.net/specialfiles/pages/f5103e88-398f-45ca-8c66-d9f64b94cc42 (дата обращения: 21.02.2020).
313. Ад-Дабагх А. Настроение общественности изменилось. Считаете ли Вы, что нахождение иракских исламских партий в «светскости» - спасательный круг? (на араб. مزاج الجمهور تغير.. هل تجد الأحزاب الإسلامية العراقية في «العلمانية» طوق نجاة؟) [Электронный ресурс] // Sasapost. 07.07.2017. Режим доступа: https://www.sasapost.com/will-the-islamic-parties-in-iraq-succeed-in-recycling-themselves/ (дата обращения: 08.08.2018).
314. Ад-Дляуи Д. Иракский политик отказывается возвращаться в Багдад в свете иранского доминирования (на араб. سياسي عراقي يرفض العودة لبغداد في ظل الهيمنة الإيرانية) // Аль-Айн аль-Ихбарийя. 9.01.2019. Режим доступа: https://al-ain.com/article/iraqi-refuses-qatari-iran-hegemony (дата обращения: 27.02.2020).
315. Адас, Б. Тахлиль Ихбарий. Анализ новостей. Ас-Систани с Аллауи против ас-Садра. Иран предостерегает о том, что штурм Наджафа не может быть оправдан (на араб. تحليل اخباري: السيستاني مع علاوي ضد الصدر وايران حذرته من تبرير اقتحام النجف). [Электронный ресурс] // Газета «ад-Дустур». 26.08. 2004. Режим

доступа: http://www.addustour.com/13667/تحليل%20اخباري:%20السيستاني%20مع%20علاوي%20ضد%20الصدر%20وايران%20حذرته%20من%20تبرير%20اقتحام%20النجف.html (дата обращения: 23.12.15).

316. Али Хатем ас-Сулейман. Любитель ястребов и испытывающий непрязнь к наукам (на араб. علي حاتم السليمان عاشق الصقور) // Аль-Масаля. 10.03.2016. Режим доступа: http://almasalah.com/ar/news/8152/علي-حاتم-السليمان-عاشق-الصقور-وكاره-الدراسة (дата обращения: 27.02.2020).

317. Аль-Казымий М. Аль-Аббади зажат между конфликтующими силами (на араб. العبادي عالق بين قوى متناقضة) [Электронный ресурс] // Al-Monitor. 03.09.2015. Режим доступа: http://www.al-monitor.com/pulse/ar/originals/2015/09/iraq-prime-minister-abadi-challenges-corruption-protests.html (дата обращения: 03.05.2016).

318. Аль-Казымий М. Реформы Ирака стоят перед сложными испытаниями, но они возможны (на араб. الإصلاح العراقيّ أمام اختبارات صعبة لكنّها ممكنة) [Электронный ресурс] // Al-Monitor. 17.08.2015. Режим доступа: http://www.al-monitor.com/pulse/ar/originals/2015/08/iraq-abadi-reform-measures-corruption-services-implement.html (дата обращения: 03.05.2017).

319. Аль-Мох, З. Ийяд Аляуи. Известный аристократ и бывший баасист, который предостерегает от попадания в ловушки окаменелых позиций (на араб. أياد علاوي.. الأرستقراطي الشعبي والبعثي السابق المحاذر للوقوع في مطبات المواقف المتحجرة) [Электронный ресурс] // Аш-Шарк аль-Аусат. 29.05.2004. Режим доступа: https://archive.aawsat.com/details.asp?issueno=9165&article=236484#.XniaX4gzZPY (дата обращения: 19.02.2020).

320. Аль-Явар стал шейхом для всех шамарских племен в Ираке и в арабском регионе (на араб.. الياور شيخا لعموم قبائل شمر في العراق والمنطقة العربية) [Электронный ресурс] // Аммун.ньюз. 13.08.2017. Режим доступа: https://www.ammonnews.net/index.php?page=article&id=326976 (дата обращения: 23.02.2020).

321. Избрание шейха Раада Абдель Джаббара ас-Сулеймана амиром племени Дулайм (на араб. اختيار الشيخ رعد عبد الجبار السليمان أميرا لقبائل الدليم) // Багдад Пост. 14.02.2017. Режим доступа: https://www.thebaghdadpost.com/ar/Story/16772/اختيار-الشيخ-رعد-عبد-الجبار-السليمان-أميرا-لقبائل-الدليم (дата обращения: 27.02.2020).

322. Кем является Мухаммад Аляуи, которому поручено возглавить иракское правительство? (на араб. من هو محمد علاوي المكلف برئاسة الحكومة العراقية؟)[Электронный ресурс] // Скай Ньюз Арабийя. 01.02.2020. Режим доступа: https://www.skynewsarabia.com/middle-east/1317433-محمد-علاوي-المكلف-برئاسة-الحكومة-العراقية؟ (дата обращения: 20.02.2020).

323. Кязым М. «Панамские документы» и другие материалы раскрывают скрытые компании Аляуи и его семьи (на араб. (أوراق بنما) وثائق أخرى تكشف الشركات الخفية لعلاوي وعائلته) [Электронный ресурс] // Arab Reporters for Investigative Journalism (ARIJ).] 2016. Режим доступа: https://arij.net/investigation/أوراق-بنما-وثائق-أخرى/ (дата обращения: 19.02.2020).

324. Махбуб М. Ийяд Аляуи, противоречивый политик (на араб. أياد علاوي السياسي المثير للجدل) [Электронный ресурс] // Иляф. 7.02.2012. Режим доступа: https://elaph.com/Web/opinion/2012/2/714856.html (дата обращения: 19.02.2020.

325. Неожиданный ливанский указ об обретении гражданства. Ийяд Аляуи и его семья (на араб. مفاجأة مرسوم التجنيس اللبناني... اياد علاوي وعائلته) [Электронный ресурс] // Ас-Сумарийя. 08.06.2018. Режим доступа: https://www.alsumaria.tv/news/238785/مفاجأة-مرسوم-التجنيس-اللبناني-اياد-علاوي-وعائلته/ar. (дата обращения: 19.02.2020).

326. Отношения Аляуи с американской и британской разведками (на араб. علاقة علاوي مع المخابرات الامريكية والبريطانية) [Электронный ресурс] // Дунья аль-Ватан. 18.11.2014. Режим доступа: https://www.alwatanvoice.com/arabic/news/2004/11/18/12870.html (дата обращения: 19.02.2020).

327. Племя Барзан (на араб. قبيلة بارازان) [Электронный ресурс] // Al-hakawati Arab Cultural Trust. Режим доступа: al-hakawati.net/Cultures/CultureDetails/36/قبيلة-بارازان (дата обращения: 19.02.2020).

328. Саади, И.Х. Правящая политическая элита в Ираке 1958-2014 гг. «Исследование тенденций и целей» (на араб. **النخبة السياسية الحاكمة في العراق**1958-2014 **"دراسة في التوجهات والاهداف"**) // Университет Нахрейн. 2015. [Электронный ресурс]: http://www.nahrainuniv.edu.iq/ar/node/4495. (дата обращения: 20.04.2018).

329. Смерть старшего брата Джаляля Талабани (на араб. وفاة الشقيق الاكبر لجلال الطالباني) [Электронный ресурс] // Аль-Масаля.10.03.2016. Режим доступа: http://almasalah.com/ar/news/69027/وفاة-الشقيق-الاكبر-لجلال-الطالباني (дата обращения: 22.02.2020).

330. Новый Закон о выборах Ирака (на араб. قانون الانتخابات العراقي الجديد). [Электронный ресурс] // Al-Jazeera. 7.12.2009. Режим доступа: http://arb.parliament.iq/archive/2008/10/13/قانون-انتخاب-مجالس-المحافظات-و-الأقضي/ (дата обращения: 18.12.2018)

331. Первые леди после арабской весны (на араб. السيدات الأوائل بعد الربيع العربي) // Аль-Бауаба. URL: https://www.albawaba.com/ar/slideshow/السيدات-الأوائل-العالم-العربي--492822 (дата обращения: 21.10.2018).

332. Хасан М. «Как если бы сегодня»… Гази аль-Явар избран временным президентом Ирака, 1 июня 2004 года (на араб. اختيار غازى الياور «زي النهارده».. رئيساً مؤقتاً للعراق ١ يونيو ٢٠٠٤) [Электронный ресурс] // Аль-Мысри аль-Йоум. 01.06.2019. Режим доступа: https://www.almasryalyoum.com/news/details/1401825 (дата обращения: 23.02.2020).

333. Шейх Али Хатем ас-Сулейман: «у аль-Малики есть стремление разрушить межконфессиональный барьер (на араб.الشيخ علي حاتم السليمان: المالكي لديه رغبة بكسر حاجز الطائفية) // Ahlamontada. 14.02.2010. [Electronic resource]. Mode of access: http://loveaskndr.ahlamontada.com/t613-topic (last visited: 16.02.2016).

Приложение № 1.

Парламентские выборы в Национальное собрание Ирака, январь 2005 г. (итоги)

Партия	**Количество поданных голосов**	**% голосов**	**Мест**
Объединенная иракская коалиция (ОИК) (шиитский альянс)	4,075,292	48.19	140
Демократический патриотический альянс Курдистана	2,175,551	25.73	75
Иракский национальный список (А. Аляуи)	1,168,943	13.82	40
Иракцы (сунниты, Г. аль-Явер)	150,680	1.78	5
Иракский туркменский фронт (протурецкий, в основном в Киркуке)	93,480	1.11	3
Национальные независимые кадры и элиты (садристы)	69,938	0.83	3
Народный союз (левые, коммунисты)	69,920	0.83	2
Исламская группа Курдистана (курдское исламистское движение)	60,592	0.72	2
Организация исламского действия в Ираке – центральное командование (шиитские исламисты, Карбала)	43,205	0.51	2

Национальная демократическая партия (светская)	36,795	0.44	1
Национальный список «Ар-Рафидейн» (ассирийцы)	36,255	0.43	1
Блок примирения и освобождения (светские)	30,796	0.36	1
И др.			

Приложение № 2.

Парламентские выборы в Совет представителей Ирака, декабрь 2005 г. (итоги)

Партия	**Количество поданных голосов**	**% голосов**	**Мест**	**К январю 2005**
Объединенная иракская коалиция (ОИК)	5 021 137	41,2	128	-12
Демократический патриотический альянс Курдистана	2 642 172	21,7	53	-22
Иракский фронт согласия (впервые, сунниты)	1 840 216	15,1	44	+44
Иракский национальный список	977 325	8,0	25	-22
Иракский фронт национального диалога	499 963	4,1	11	+11
Исламский союз Курдистана	157 688	1,3	5	+3
Обладатели Послания (Рисалиюн) (бывшие Национальные независимые кадры и элиты)	145 028	1,2	2	-1

Блок примирения и освобождения	129 847	1,1	3	+2
Национальный список «Ар-Рафидейн»	47,263	0.4	1	Без изм.
Список Мисаля аль-Алуси (партия «Умма»)	32,245	0.3	1	+1
Йезидское движение за реформы и прогресс	21,908	0.2	1	+1
И др.				

Приложение № 3.

Парламентские выборы в Совет представителей Ирака, апрель 2014 г. (итоги)

Партия	**Количество поданных голосов**	**% голосов**	**Мест**	**К 2010 г.**
Коалиция «Правовое государство»	3,141,835	24.14	92	+3
Коалиция «Аль-Муватын» (включал Высший исламский совет Ирака)	982,003	7.55	29	+11
Блок «Аль-Ахрар» (включал садристов)	917,589	7.05	28	+28
Демократическая партия Курдистана	1,038,002	7.98	25	–4
Коалиция «Аль-Муттахидун»	680,690	5.23	23	+23
Патриотический союз Курдистана	851,326	6.54	21	+7
Коалиция «Аль-Ватанийя»	569,725	4.38	21	–7

Коалиция «Аль-Арабийя»	315,858	2.43	10	–6
Горран (Движение за перемены)	451,858	3.47	9	+1
Партия исламский добродетели	211,257	1.62	6	+6
Движение национальной реформы	192,763	1.48	6	+6
Дияла – наша идентичность	159,605	1.23	5	+5
Иракский альянс	153,672	1.18	5	+5
Курдский исламский союз	165,856	1.27	4	–1
И др.				

Приложение № 4.

Парламентские выборы в Совет представителей Ирака, апрель 2018 г. (итоги)

Партия	**Количество поданных голосов**	**% голосов**	**Мест**	**К 2014 г.**
Коалиция «Саирун» (Идущие, коалиция садристов (партии «Истикама») и коммунистов)	1,493,542	14.38	54	+54
Коалиция «Фатх» (Завоевание, во главе с Х. аль-Амири, про-СНО)	1,366,789	13.16	48	+48
Коалиция «Наср» (Победа, Х. аль-Абади)	1,133,912	10.92	42	+42
Демократическая партия Курдистана	873,645	8.41	25	Без изм.
Коалиция «Правовое государство» (во главе с Н. аль-Малики)	725,108	6.98	25	–67

Коалиция «Аль-Ватанийя» (А. Аляуи)	623,594	6.01	21	Без изм.
Патриотический союз Курдистана	616,232	5.93	18	–3
Движение национальной мудрости (А. аль-Хаким)	547,223	5.27	19	+19
Коалиция «Аль-Муттахидун» (У. ан-Нуджайфи)	368,633	3.55	14	–9
Горран (Движение за перемены)	215,829	2.08	5	–4
Движение нового поколения (курды)	170,919	1.65	4	+4
Анбар – наша идентичность (сунниты)	144,182	1.39	6	+6
Движение «Ирада» (Желание)	138,367	1.33	3	+3
Коалиция за демократию и справедливость	123,184	1.19	2	+2
И др.				

Приложение № 5. Премьер-министры Ирака (2005-2018 гг.)

2004-2005 – **Айяд Аляуи**

(источник фото: офиц. сайт А. Аляуи)

Родился в Багдаде (Аадамийя) 31.03.1944 г. Премьер-министр временного правительства Ирака 2004-2005 гг. Окончил медицинский факультет Багдадского университета, затем получил степень магистра в Лондонском университете в 1975

г. Защитил PhD в том же университете в 1979 г. Происходит из известной шиитской семьи коммерсантов и государственных деятелей Ирака времен монархии. Отец Айяда Аляуи Хишам был багдадским коммерсантом, а мать Наджат – представительницей шиитской аристократической ливанской семьи Оссейран (той же, что и жена другого иракского политического деятеля Ахмада Чалаби Лейла Оссейран). Еще будучи студентом, вступил в партию «Баас» в 1961 г. (по разным мотивам) и быстро продвигался по партийной лестнице. В 1971 г. А. Аляуи направился в Ливан, затем был назначен на партийную позицию в Европу. Ввиду разногласий с партийными лидерами и С. Хусейном вышел из партии, в которой все более смещался баланс сил. Покинув Ливан, А. Аляуи направился в Лондон, где получил дополнительное медицинское образование. Покушение на его убийство в Лондоне, организованное, как считается, спецслужбами С. Хусейна, заставило его активнее работать по вопросу организации оппозиции режиму. Считается, что позднее Айяд Аляуи взаимодействовал с британской разведкой МИ-6 и американским ЦРУ. Стал основателем Иракского национального согласия (ИНС), затем после свержения С. Хусейна был членом Временного управляющего совета Ирака в 2003-2004 гг., вице-президентом Ирака 2014-2015, 2016-2018 гг., лидером коалиции «Аль-Иракийя».

2005-2006 гг. – **Ибрагим аль-Ашикар аль-Джаафари**

(источник фото: офиц. сайт И. аль-Джаафари)

Родился в Кербеле 25.03.1947 г. Член партии «Даава» с 1966 г. Выпускник медицинского факультета Мосульского университета. Во время учебы в Мосуле сумел нарастить свое влияние в партийных рядах. В 1980 г. переехал в Сирию, а оттуда – в Иран, где проживал до 1990 г. Позднее избран в руководящий состав

Даава и в 1982 г. был назначен главой исполнительного офиса Высшего исламского совета Ирака. Переехал в Лондон и помог основать Иракский национальный конгресс, избравшись в 1996 г. официальным представителем партии «Даава» в Лондоне. Считается, что женат на родственнице духовного лидера шиитов Ирака Али ас-Систани. В постсаддамовский период занимает различные ответственные позиции, включая должность премьер-министра Ирака (2005-2006), затем находился на министерских позициях. Министр иностранных дел Ирака с 2014 г. по 2018 г. Считается, что И.а-А. аль-Джаафари получил гражданство Британии в 1994 г.

2006-2014 – **Нури Камиль аль-Малики**

(источник фото: офиц. сайт Н. аль-Малики)

Нури Камиль Мухаммад Хасан аль-Малики, родился в городке Тувайридж провинции Бабиль (ныне город административно находится в провинции Кербала), 1.07.1951 г. Премьер-министр Ирака 2006-2014 гг., вице-президент Ирака 2014-2015, 2016-2018 гг. С 2007 г. генеральный секретарь партии «Даава» и глава коалиции «Правовое государство». Родился в религиозной шиитской семье, занимавшей почетное место в племени Аль-Али конфедерации племен Бану Малик и известной своими видными представителями. Среди них стоит отметить деда Нури аль-Малики Мухаммада Хасана Абу аль-Мухасини – одного из основных лидеров антибританской революции 1920 г., поэта и министра просвещения Ирака (1925 г.). В 1973 г. Нури аль-Малики получил диплом бакалавра по исламским наукам в одном из обучавших основам религии багдадских колледжей, а затем, в 1992 г. получил магистерскую степень по арабской литературе Университета Салах ад-Дина в Эрбиле. В партии «Даава» с 1963 г. В 1979 г. покинул Ирак из-за

преследований со стороны режима С. Хусейна. Проживал в Иордании, Сирии и с 1982 г. в Иране вплоть до своего отъезда в Сирию в 1989 г., где он возглавил сирийское отделение партии «Даава». После 2003 г. вернулся в Ирак, был заместителем главы комитета по дебаасификации, участвовал в подготовке проекта конституции страны. Был избран членом парламента в списке от Объединенной иракской коалиции, от которой же в апреле 2006 г. был номинирован на должность премьер-министра страны (получил поддержку и от лидера Даавы на тот момент Ибрахима аль-Джаафари, также ранее претендовавшего на пост премьера, что было негативно воспинято другими политическими силами). Несмотря на то, что Нури аль-Малики потерял свой пост премьер-министра в 2014 г., он сохранил влияние и продолжает возглавлять одну из ключевых политических сил страны – коалицию «Правовое государство».

2014-2018 – **Хайдер Джавад аль-Абади**

(Источник фото: официальный твиттер-аккаунт Х. аль-Абади)

Родился в Багдаде 25 апреля 1952 г. в семье, имеющей связи с югом страны. Член партии «Даава» с 1967 г. С 1977 г. на партийных должностных позициях, а в 1979 г. стал членом исполнительного совета руководства партии (проживая в Лондоне). Выпускник Технологического университета Ирака (1975 г.). Затем покинул Ирак и окончил магистратуру в Британии. Там же, в Манчестерском университете в 1980 г. получил докторскую степень по специальности электротехники (до 2003 г. оставался в Лондоне, будучи генеральным директором одной из небольших высокотехнологичных компаний в сфере электротехники). Его отец, Джавад аль-Абади, работал в Багдадской нейрохирургической больнице и

занимал позицию генерального инспектора Министерства здравоохранения Ирака, однако ввиду разногласий с баасистами был вынужден покинуть пост в 1979 г. Джавад аль-Абади умер в 1983 г., после казни двух братьев Хайдера аль-Абади (и заключения в тюрьму еще одного). После 2003 г. вернулся в Ирак и находился на различных государственных позициях. Занимал пост министра связи в переходном правительстве Айяда Аляуи, возглавлял парламентский комитет по экономике и инвестициям в парламенте в 2005 г. и финансовый комитет в 2010 г., когда столкнулся с конфликтами в отношении принятия бюджета 2013 г. Еще в 2006 г. был одним из кандидатов партии «Даава» на пост премьер-министра, однако тогда позицию занял Нури аль-Малики. Вице-спикер иракского парламента после выборов 2014 г. Позднее в результате конфликта и смещения Нури аль-Малики Хайдер аль-Абади выступил в качестве компромиссной фигуры и занял пост премьер-министра Ирака. В результате продолжительных протестов и демонстраций 2016 г. принял решение о формировании кабинета министров из технократов, оставив на посту министра иностранных дел Ибрахима аль-Джаафари. Во внешней политике Аль-Абади удалось повернуть в свою пользу борьбу в ИГИЛ и привлечь поддержку как США, так и Ирана, и сохранить позитивное взаимодействие с Россией. Во внутренней политике аль-Абади столкнулся с невозможность побороть дисфункцию политической системы и коррупцию, как и аккумулировать поддержку в элитных группах. Это в купе с протестами в Багдаде и в Басре привело к потере им своих позиций и поста премьер-министра. Однако по итогам 2018 г. аль-Абади и его коалиция «Наср» (Победа) заняли третье место, что сохраняет вес аль-Абади в политической жизни Ирака.

Приложение № 6. *Интервью*

Интервью №1. Йост Хилтерман. Директор программы Ближнего Востока и Северной Африки Международной кризисной группы[512].

PM: 1) Каково существо правящей элиты в постсаддамовский период в Ираке? Основано ли она на этноконфессиональной базе или на элитных кланах? 2) Если иракская политическая элита и процесс принятия решений основаны на некоторых кланах у власти, какие механизмы взаимодействия или механизмы (может, неформальные) они создали, чтобы взаимодействовать между собой для принятия решений / поиска компромиссов и т.д.?

Йост Хилтерман: «нам следует называть их (иракские элиты в постсаддамовский период – прим. автора) правящими элитами – во множественном числе – поскольку они разнообразны. Основное различие между ними не в этноконфессиональном разрезе, хотя оно имеет место быть, а в разнице между теми, кто находился в изгнании, и иракцами, которые никогда не покидали Ирак.

Бывшие изгнанники сами по себе являются весьма смешанной группой, но в большей степени это люди, которые покинули Ирак, потому что они выступили против режима. Они – политики. У некоторых была серьезная техническая подготовка в изгнании, но другие работали бизнесменами, коммерсантами или выбирали другие профессии. В отличие от первой группы, оставшиеся в Ираке люди, которые всплыли в правительстве в 2003 г., были в основном неполитическими технократами – причина, по которой они пережили репрессии.

Самой большой проблемой в Ираке после 2003 г. стало объединение этих двух групп в единую систему управления. Это привело к значительной дисфункции. Технократы пытались направить свои услуги населению, в то время как политикам не хватало опыта управления, и они часто стремились обогатить себя или хотя бы свои партии. Технократы, как правило, имеют склонность возмущаться возвращенцами, которые говорили по-английски, пользовались

[512] Интервью автора с директором программы Ближнего Востока и Северной Африки Международной кризисной группы Й. Хилтерманном по переписке. Брюссель-Москва. 2019 г.

американской поддержкой и во многих случаях были нацелены на собственное обогащение.

Я не уверен, что стоит говорить об элитных «кланах». Элиты разбиты на группы, отражающие этноконфессиональную динамику, но в которых преобладают бывшие изгнанники, с заметным исключением (1) садристов, (2) коммунистической партии и (3) курдов. Но даже многие курды провели время в изгнании.

По причине их общего опыта пребывания в изгнании, лидеры в этих группах имеют общий язык и разделяют общие интересы, несмотря на их различную этноконфессиональную принадлежность. Они могут легко говорить друг с другом, даже если имеют разногласия. Им гораздо труднее разговаривать с Муктадой ас-Садром, например. Они просто отдают приказы технократам (тем, кто никогда не покидал Ирак) и склонны смотреть на них свысока. Тем не менее существует большая солидарность внутри шиитов, поскольку у них есть общий опыт угнетения предыдущим режимом, который они склонны связывать с суннитами (но не с суннитами, которые были в изгнании).

Интересно и то, что на локальном и правительственном уровнях, бывшие изгнанники, по-видимому, теряют присутствие и, следовательно, влияние. Разумно предположить, что будущее руководство Ирака выйдет из местных. Это может привести к отходу или ослаблению роли и власти бывших находящихся вне страны лиц. Это не решит многих проблем Ирака, но может сделать национальное руководство более обоснованным и приемлемым для большинства иракцев.

Интервью № 2. К.М. Труевцев, старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН[513].

РМ: Каково существо правящей элиты в постсаддамовский период в Ираке? Основано ли оно на этноконфессиональной базе или на элитных кланах?

[513] Интервью автора со старшим научным сотрудником Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН К.М. Труевцевым. Москва. 2019 г.

Константин Труевцев: На мой взгляд, и то, и другое. Потому что сложившаяся система задает этноконфессиональные различия… Если премьер-министр будет всегда шиит, председатель парламента будет всегда суннит, а президент будет всегда курд, то уже этим задается модель формирования элиты на уровне власти.

РМ: Но это не прописано в конституции, это неформальное соглашение между всеми сторонами?

Константин Труевцев: В самой конституции не прописано, но тем не менее это основано на духе конституции. Это одно из условий сохранения политической стабильности системы. В принципе, конечно, формально может и суннит быть председателем правительства, но фактически этого не получится в обозримый период времени, потому что доминирующими являются шиитские партии. И даже если это – альянсы, как Саирун – там не только шииты, но доминирующими являются шиитские кланы. В Саирун, прежде всего, клан Муктады ас-Садра. Другие два альянса… блок «Фатх» связан с моделью военизированных формирований, он опирается на аль-Хашд аш-Шаабий и его части, другие военизированные группы. В общем-то, на формирование блока «Фатх» оказывали и продолжают оказывать основное влияние КСИР. Что касается третьего блока (я говорю о них, поскольку эти три блока составляют большинство мест в парламенте с большим отрывом) — третий блок возглавляет бывший премьер-министр (коалиция «Наср») — он занимает промежуточное положение между двух блоков, в определенной мере. Это тоже в основном связано с теми шиитскими элитами. Стоит отметить и движение «аль-Хикма». Оно вышло из Высшего исламского совета Ирака, которое было создано в 1988 г. на территории Ирана. Вот нынешний премьер-министр Адиль Абдель Махди считается независимым, он не входит ни в один блок, тем не менее, он бывший член ЦК компартии Ирака. Но стоит отметить, что потом он стал членом Высшего исламского совета. Вы помните, каким скандалом сопровождались результаты выборов [2018 г. – прим. автора]… Муктада ас-Садр говорил, что они сфальсифицированы, что понижены реальные результаты

именно блока Саирун. Это влияло на то, что премьер-министр был назначен только в октябре, хотя выборы прошли в апреле. Другим фактором здесь стоит отметить, помимо имеющихся противоречий, то, что иранцы во главе с Касемом Сулеймани оказывали давление для того, чтобы к власти не пришло антииранское правительство.

РМ: Насколько можно говорить, что на самом деле эта история связана с тем, что кланы (ас-Садр тоже очень мощный клан), насколько для них Саирун как коалиция — это оформление институциональное? Что на что влияет?

Константин Труевцев: Я думаю, что не только, потому что альянс с коммунистами — это вообще любопытная вещь для Ирака. Это показывает, что… понимаете, я сам занимался практической политикой, вы ищете возможность расширения плацдарма перед выборами. И он [Муктада ас-Садр] за счет коммунистов получил широкий плацдарм, который позволил ему работать; причем не только среди шиитов, но и среди суннитского населения и других...

РМ: Но де-факто он не получил от этого ничего. Там было всего пару мест на коммунистическую партию внутри этой коалиции. Остальное досталось садристам. И ведь база осталась та же, которая у него была. База его клана?

Константин Труевцев: Нужно различать активистов и то, как голосует избиратель. Избиратель, как я однажды писал в одной своей работе, голосует тактильно. Поэтому для избирателя, скажем, курдского, где всегда были сильны симпатии к коммунистам (потому что курды долго возглавляли компартию)… это могло повлиять на тех, кто был не доволен и кланом Барзани, и кланом Талабани. Почему выбрали [коалицию Саирун]? Не потому, что они симпатизируют Садру, а потому что они симпатизируют коммунистам как межэтнической и межконфессиональной силе. Это оказалось разумным инструментом для Садра. Он за их счет расширил свою электоральную базу там, где, может быть, не получил бы вообще никаких мест.

РМ: Я понял, что основное, о чем мы сейчас говорили, — это избирательный процесс. Он все равно какую-то повестку задает.

Константин Труевцев: Раз уж вы вступили в избирательный процесс…

РМ: Мы сейчас говорили о кланах, но если иракская политическая элита и весь процесс принятия политических решений базируется на кланах во власти, какие механизмы взаимодействия или неформальные механизмы…

Константин Труевцев: …Эти вещи нельзя преувеличивать. Если вы находитесь в обществе, которое базируется на конституции, избирательном процессе, кланы — это кухня, которая производит товар. Но товар-то вы должны предложить покупателю. А покупатель должен быть доволен этим товаром, и от этого никуда не уйдешь. Поэтому кланы — это одно, а избиратель — это другое. Тем более в условиях не двухпартийной, а многопартийной системы… она сама по себе не очень устойчива. Если у вас плохой продукт, вы подвержены тому, что вы не продержитесь долго в политике, что и происходит сегодня с Адилем Абдель Махди. Потому что требования и Садра, и Систани — это отстранение его от власти после волнений. Политика — вещь многофакторная. И при всем значении кланов, не только в них дело.

РМ: Спасибо огромное.

Интервью №3. Насиф Наим, немецкий юрист и специалист по конституционному развитию Ирака[514].

РМ: Каково существо правящей элиты в постсаддамовский период в Ираке? Основано ли оно на этноконфессиональной базе или на элитных кланах?

Насиф Наим: Я думаю, что это mix (смешано). Потому что после Саддама иракская элита зависела от нескольких факторов. Во-первых, это действия американской администрации и военных. Во-вторых – это этническая и конфессиональная принадлежность. В-третьих – клановая идентичность. И в-четвёртых – региональная идентичность. Клановая идентичность того, кто из Басры, полностью отличается от происходящего из Мосула или Кербелы. Таким образом, у нас есть общество, в котором мы говорим об этих четырех факторах. Роль США в Ираке объясняется тем, что американцы создали эту модель

[514] Интервью с научным директором Zenith Council (Германия) Н. Наимом. Москва. 2019 г.

конфессиональных объединений страны. И они пытались предоставлять посты того же Временного управляющего совета в соответствии с этими этноконфессиональными, региональными и клановыми идентичностями. Соответственно, это все связано. На первых выборах, это очень важный момент, суннитское население, например, бойкотировало выборы в соответствии со своей конфессиональной идентичностью. Почему? Потому что обнаружили, что они, как сунниты (большинство из них), на самом деле станут жертвами новой системы. Этот бойкот суннитов приобрел этноконфессиональный характер. Если вы посмотрите на шиитов… шииты в Ираке были действительно разделены: у вас были Аляуи, Садр и его повестка, Аль-Хаким, другие партии, коммунисты с шиитами... Но именно этот суннитский бойкот показал сектантский характер всего процесса в Ираке. Но я думаю, что, когда мы смотрим на элиту, это все же о смешении.

PM: Очень интересно, включая региональный фактор.

Насиф Наим: Региональный фактор очень важен. Например, вы встречаете кого-то Кербалы и Наджафа. Даже их менталитет отличается, потребности могут быть разными. Менталитет шиитов в Багдаде отличается от менталитета тех шиитов, которые живут в Кербеле.

PM: Если политическая элита Ирака и их процесс принятия решений основаны на некоторых кланах у власти, то какой механизм, неформальный, они также создали, чтобы координировать между собой, чтобы принимать решения или находить компромиссы?

Насиф Наим: Механизм прост: я даю тебе, ты даешь мне. Существует традиционное общество, в котором, если мы хотим что-то сделать, мы начинаем с небольшой беседы. И затем мы отмечаем, что есть противоречие. Как мы решаем это противоречие? Я даю тебе это, ты даешь мне это. Есть также кое-что трудное для арабского менталитета вообще. Компромисс – это что-то ... Если вы посмотрите на иракский процесс, самим иракцам сложна эта категория – «компромисс». Потому что в арабском менталитете победитель получает все.

РМ: Итак, лучше иметь одного победителя?

Насиф Наим: Да. Ирак сейчас среди немногих в арабском мире стран с парламентской системой. Почему? Если мы посмотрим антрополитично, то это потому, что война 2003 г. разрушила центр. После 2003 г. у нас много небольших или, по крайней мере, различных центров. Это означает, что эти центры или элиты, они не могли договориться и согласиться на занятие кем-либо поста президента. Они не могли согласиться наделить фигуру президента полномочиями и сделать ее сильной. Но они могли бы передать эти полномочия парламенту, который уже состоит из множества центров с большим количеством членов по фракциям. Это механизм, который дает элитам больше возможностей. Получается много центров власти внутри и за пределами парламента. И благодаря этой динамике в парламенте элиты могли гарантировать, что каждый может быть представлен до следующих изменений… Но парламент может внутри себя не соглашаться со многими законами и вопросам, что означает торможение процесса принятия решения. И если посмотреть на законы, то можно найти множество пробелов. Существует парламент, там присутствуют центры власти, которые в том числе и представляют элиты. Но в целом эту трудоемкий процесс. И даже через столько лет конституционной парламентской работы, я бы не сказал, что она проходила легко. Нет. До сих пор очень тяжело найти политическое решение. Есть различные способы, в том числе традиционные. Если вы посмотрите на кланы, то можете заметить, как лидеры кланов говорят друг с другом, чтобы найти компромисс. Но центральная идея в том, что существует много центров силы.

РМ: Что Вы думаете о роли Наджафа, религиозных лидеров?

Насиф Наим: Я думаю, что у религиозных лидеров в Наджафе есть моральный авторитет. Первым обязательством, как можно традиционно считать, является сохранение мира между всеми центрами силы. Поэтому, если отдельные силы хотят найти компромисс с кем-то, а этот кто-то отказывает, то…религиозные лидеры могут сказать: «нет, нет, мои дети, вы должны говорить друг с другом, найти компромисс». И такие ситуации или конфликты периодически возникают в

истории Ирака, в т.ч. среди одной и той же конфессиональной группы, как, например, между шиитами аль-Хакимом и Садром… Религиозные лидеры могут вмешаться для стабилизации и нахождения компромисса. Но все это проблематично…

PM: Спасибо.

Интервью №4. Анонимно. Эксперт, бывший сотрудник миссии ООН по содействию Ираку (МООНСИ), пожелавший остаться неназванным[515].

PM: По Вашему мнению, каково существо (essence) правящей элиты в просаддамовском Ираке? Базируется ли оно на этноконфессиональной основе или на элитных кланах?

Эксперт: Я вижу для себя это таким образом: здесь нет четкого разделения между сугубо этноконфессиональными, элитарными кланами и теми кланами, которые формировались исторически. Это – параллельные процессы, которые с наибольшей очевидностью проявились именно к моменту выхода США из Ирака (в 2011 г.). Современные элиты можно попробовать рассмотреть именно с точки зрения моделирования с такой стороны: это – элиты, которые находились в оппозиции к саддамовскому режиму, которые, собственно говоря, начали использовать в своих целях те тренды, которые были заложены после смещения саддамовского режима, включая этноконфессиональные конфликты, перераспределение ресурсов, необходимое сотрудничество с оккупационными войсками и так далее… Второй момент – это те элиты, которые начали формироваться именно как коллаборационистская структура (внутренняя коллаборационистская структура) после того, как туда пришли американцы. То есть, это – отчасти и оппозиционеры в меньшей степени, чем первая группа, и именно те группы, которые возвысились, когда американцы дали им для этого возможность. То есть, мы берем во внимание коллаборационизм и оппозицию саддамовскому режиму (внутреннюю). Это – старинные семьи, которые были в

[515] Интервью с экспертом, бывшим сотрудником миссии ООН по содействию Ираку (МООНСИ) в Багдаде (Ирак), пожелавшим остаться неназванным. 2019 г. Перевод с английского языка.

оппозиции Саддаму и воспитывались благодаря Ирану и в самом Иране. И потом каждый из них находил уже свой путь после 2003 г. Третья группа – те элиты, которые присутствовали в Ираке негласно, даже на протяжении правления саддамовского режима. Это, например, какие-то курдские группы, которые были в подполье, но никогда не теряли своих связей с зарубежными активами или группами поддержки. Через эти три момента проходит обязательно этноконфессиональный срез. Говорить сейчас, что Ирак свободен от «*sectarian quotas*» было бы неразумно, по моему мнению. Все равно «*sectarian*» – это традиция в Ираке, которая была, есть и в ближайшем будущем сохранится.

РМ: Так было и при саддамовском режиме?

Э.: В саддамовском режиме данная традиция присутствовала как элемент возвышения суннитов и ряда племен. Но не из Анбара, из Найнавы и…

РМ:…тогда у нас уже племенной фактор?

Э.: Да, племенной фактор, но именно суннитские племена. Нахождение у власти шиитов при Саддаме Хусейне имело больше показательный характер. Саддам умело соблюдал силовой баланс, выдерживая доминирующую роль ряда суннитских племен, но при этом, когда было нужно, договаривался с шиитами, давая им руководящие посты, чтобы позволить им распределять ресурсы по ряду направлений. Это происходит и сейчас: выставляются специально люди во главе различных министерств, так как это – доступ к большому количеству ресурсов, контрактов и откатов. На этом основывается, так называемая, коррупция в Ираке. Что касается курдов, с ними тоже договаривались, но часто подвергали насилию. Курды постоянно партизанили во времена Хусейна, который применял против них силовое подавление, потому что ему с ними было сложно вести переговоры в те времена. Итак, я вижу это так: три направления и между ними – этноконфессиональный срез. Первый – оппозиционеры режиму Саддама. Затем - исторические элиты были выше или ниже в зависимости от конъюнктуры. Третий момент – элиты, которые формировались после 2003 г., те, которые активно сотрудничали с американцами и британцами (Аляуи, Нуджейфи). Аляуи – очень

интересная фигура, представитель настоящей иракской элиты, но больше пробританской.

РМ: Элиты, которые формировались как оппозиция саддамовскому режиму, появились вовне или внутри? Или в Иране?

Э.: Они пересекаются. Между этими направлениями грани размыты. Я бы на это смотрел так: что больше выражено, что послужило толчком для резкого роста? Что было принципиальным резким ростом? Например, для К. Хазали принципиальным резким ростом был не коллаборационизм, а поддержка иранских вооруженных формирований (в частности, КСИР). Для Аляуи принципиальным резким ростом выступил именно коллаборационизм. Для исторических элит, в том числе и для семьи Барзани, это – история борьбы курдов.

РМ: И для Даавы тоже?

Э.: Я бы совместил, сказав, что это – история и Иран, потому что она во многом зависела от Ирана. Я бы смотрел вот так…Конечно, данная модель, может, кажется где-то упрощенной, потому что для построения системы иракских элит нужно понимать, где ее границы. Объединяя границы системы, нужно понимать, какова цель.

РМ: Можно ли создавать эту систему, основываясь только на кланах?

Э.: Клановый срез важен, но он тоже во многом этноконфессиональный. Кланы и племена можно отнести в одну группу. Все эти кланы имеют большие активы на Ближнем Востоке, особенно у Садров и аль-Хакимов. Это – кланы регионального масштаба. Так, Садры имеют серьезные активы в Иордании, Ливане, Европе. Аль-Хакимы – тоже очень богатые люди. Их нынешняя политическая игра – не необходимость зарабатывать деньги, а стремление власти и поддержание репутации клана. Садр, например, привлекает и выводит массы людей не очень образованных, имеется ввиду, что электорат Садра готов слепо следовать за ним. Мы не говорим о тех, кто сейчас в Саирун, самих политиков, там зачастую очень грамотно подобранные специалисты. Аль-Хаким же использует денежные ресурсы, за ним не идут, и его повестка не привлекает. Разрыв в списке

это объясняет. Вопрос был только в перераспределении ресурсов, потому что аль-Хаким предпочитает быть чуть подальше от слишком сильного влияния Ирана. Он хочет быть более независимым, считая, что авторитет его семьи может ему это позволить. Это не всегда соотносится с политикой Ирана по отношению к Ираку. Тоже к теме об элитах: значительная часть современных элит – при рассмотрении визави Иран-Ирак – не ответят адекватно на вопрос, который я слышал от товарища. («Хорошо, можно спросить любого политика Ирака о том, знает ли он о стратегии Ирана в отношении Ирака. Тот скажет, что знает. А Ирака в отношении Ирана?») Кто объект, кто субъект? В основном, это – один из интересных срезов при рассмотрении иракских элит. Как они ответят на этот вопрос? Есть элиты, у которых уже формируется своя стратегия, которая могла бы называться персонифицированной, со своим собственным лицом, но у меня вопрос: это – все же дух времени? Это – объективная потребность? Это – отчаяние? Что это? Такой подход к иракскому национализму можно было бы рассматривать как триггер формирования, если не новых элит, то элит со стратегическим видением роли Ирака в регионе. Такого пока нет.

РМ: Если иракские политические элиты и их процесс принятия решений базируются на кланах во власти, какие механизмы, включая и неформальные, они имеют, чтобы скоординировать между собой эти решения и идти на компромисс? Какие есть механизмы взаимодействия элит?

Э.: Переговоры для перераспределения ресурсов. Например, любые политические назначения, даже deep government (глубинное правительство), это – не столько уровень principal decision maker (лиц, принимающих принципиальные решения), сколько executive person (исполнительных лиц) или т.н. tier two level (лица на должностях второго плана). Эта – та сама история с противостоянием системы выстраиваемой Н. аль-Малики, которую он сумел выстроить за много лет, и новыми элитами, которые «из грязи в князи», по мнению сторонников аль-Малики. Это – неизвестные технари, которых поднял Садр на популистской волне.

Вот еще один способ войти в элитарный круг – игра на популизме, который представляет собой рычаги. Это – realpolitic.

РМ: Как они определяют силу в итоге? Выборами?

Э.: Нет. Сила определяется поддержкой со стороны кланов, вооруженными группами, твоими активами и тем, насколько ты можешь быть лоялен силовым группам у власти. Это – power groups and power now.

РМ: Был же аль-Абади во власти…

Э.: Его поставили, он просто выгоден США. Он имеет условное отношение к реальной внутренней политике Ирака. Он никогда не принимал реальных решений и никогда не обладал весом. До 2011 г. и после, даже второй срок аль-Малики, всех премьер-министров ставили в результате координации США и Ирана. Любое важное назначение включает координацию трех сторон: США, Иран и Великобритания, которая традиционно имеет свой интерес. Британия, конечно, имеет меньше влияния, но элиты из Ирака живут в Лондоне, а не в Вашингтоне, и активы находятся там же. Старые установленные связи.

РМ: У меня есть подозрения, что это уже влияние иракской элиты на Великобританию…

Э.: Иракские элиты из Лондона самостоятельны и богаты. Обратная связь присутствует. Тут, скорее всего снова говорим об уровне договоренностей. Британия поэтому имеет свой голос, потому что часть иракской элиты живет там. Хотя аль-Абади больше не нужен британцем и всем остальным, он сыгранная фигура. Он вышел, проявил себя, умел находить компромиссы, балансируя, но сохраняя свою линию. Это было важно, кстати. Абдель Махди, например, не умеет удерживать свою линию, поэтому его будут снимать. Вероятно, он не останется до конца электорального цикла. Договоренности важны.

Но сила договаривающейся стороны исходит из связей, вооруженных групп. Что у тебя за плечами (тысяча бойцов, пять тысяч бойцов PMF…?). Племена сейчас важны. При Саддаме племенные способы решения вопросов не так важны, но сейчас мнение племени может изменить действия генерала. Это принесли с юга,

раньше в Багдаде такого не было. Любой политик смотрит на свое племя и клан. Племя поддерживало Х. аль-Обейди, но его сняли, потому что сил оказалось меньше. Племя смотрит на свою безопасность, являясь самоорганизующей структурой. Если оказать политическую поддержку конкретному политику в данном случае опасно, то ее не будут оказывать, так как жизнь целого важнее жизни частного. Шиитские племена тоже это используют. В Багдаде вопросы на дорогах тоже решают через племена, и полиция не обращает на это внимание. В Ираке говорят: для женщины самое худшее – стать проституткой, а для мужчины – полицейским. Это – самая низшая каста, представителей которых не считают людьми. Все европейские реформы для полиции бесполезны. Если две машины столкнулись, племена решают проблему через деньги, и это работает на всех уровнях. Но чем выше уровень, тем больше переменных (региональные державы, вооруженные группы, активы). Можно и таблицу сделать с уровнями: чем выше, тем больше переменных. Еще важна сама история человека, кем он является, из какого рода, с какой историей...

РМ: Выборы важны?

Э.: Да, сейчас, потому что важна международная репутация Ирака, как страны, строящей демократическое общество. Это влияет на внутреннюю динамику.

РМ: Отражают реальность? У тебя может быть клан и все остальное, но два депутата.

Э.: Да, но вопрос многозначный. Внутренняя политика Ирака – *Realpolitik*. Все решения происходят на операционном уровне, и он важнее стратегического уровня. Так, суннитский фронт был недавно объявлен ан-Нуджайфи, чтобы дать силы суннитам. Но он создан для поднятия электоральной базы. Также ан-Нуджайфи нарабатывает политический капитал, получив больше рычагов, чтобы вернуть утерянное за предыдущие годы, и это – задача прагматичная. Выборы отражают реальность, так как все говорят о них. Садр тоже готовится, он хочет изменить структуры, созданные при Н. аль-Малики, и закрепиться крепче на

следующих выборах 2022 г. Интересно, как они буду договариваться с Абу Махди аль-Мухандисом. Аль-Амири старается быть политиком, но обстоятельства складываются таким парадоксальным образом, что именно аль-Мухандису удается нарабатывать политический капитал как кукловода процессов в иракском парламенте.

Интервью №5. **Инна Рудольф, научный сотрудник Международного центра исследований радикализации Департамента военных исследований Королевского колледжа Лондона[516].**

PM: По Вашему мнению, каково сейчас существо (essence) правящей элиты в просаддамовском Ираке? Базируется ли оно на этноконфессиональной (ethno-sectarian) основе или на элитных кланах?

Инна Рудольф: Если мы работаем с открытым определением элиты, в соответствии с этим важно, говорим ли мы, например, о лицах, представляющих парламентократию, которую мы имеем в Ираке? Мы видим огромный интерес и серьезное стремление иметь представительство в парламенте, или, по крайней мере, в одной из не правительственных, а именно парламентских комиссий, поскольку именно законодательная власть оказывается важным инструментом. Во-вторых, когда вы смотрите на элитную среду, как на сеть государственных или полугосударственных субъектов и предприятий, я думаю, что это другая природа. Кроме того, в-третьих, существует и круг лиц, формирующих общественное мнение. Определенные академические деятели, представители СМИ, лица публичной сферы, которые необязательно являются частью правящей или административной структуры, тем не менее они влияют на многих людей. В-четвертых, мы можем говорить об определенных кланах, элитах внутри формальной бюрократии. Это – люди, которые не зависят от изменений в результате избирательных периодов, как государственные служащие.

[516] Интервью с научным сотрудником Международного центра исследований радикализации Департамента военных исследований Королевского колледжа Лондона Инной Рудольф. Москва-Лондон (видеосвязь). 2019 г. Перевод с английского языка.

Поэтому я думаю, что мы могли бы обозначить эти четыре типа элиты как власть составляющую саму себя. Говоря об этноконфессиональном разрезе (**ethno-sectarian**) вопроса, я полностью отвергаю *sectarianism* как термин. Во многом потому что у нас нет четкого определения того, что мы имеем ввиду. Проявление определенной сектантской идентичности на социальной основе? Например, личность, которая идентифицирует себя в качестве шиита или политизирует религию?

РМ: Я полагаю, мы говорим о втором варианте…

Инна Рудольф: Да, если мы берем второй вариант, то, я полагаю, что роль религии или, по крайней мере, идеологический аспект сектантской идентичности, как проявление, дало правящим кругам пространство для сохранения своей доли власти и институциональные рычаги. Поэтому я думаю, что мы свидетели кроссэтноконфессиональной сделки между правящими и установившимся после 2003 г. элитами, которым удалось сохранять для себя определенные позиции. Я думаю, что мухасаса, эта основанная на квотах система, преломляется даже на партийном уровне, и мы видим «мухасаса хизбийя». Как пример, мы можем взять ситуацию после выборов, когда речь шла о формировании правительства. Мы видели постоянный процесс переговоров между суннитами и шиитами, шиитами между собой, суннитами внутри своих групп. Это свидетельствует о глубокой фрагментации внутри этноконфессиональных блоков. Мы даже видели это внутри одной и той же семьи. Я бы хотела обратить ваше внимание на то, что внутри клана Барзани, например, часть его членов с крепкими связями с Турцией, а у другой части контакты с Ираном и блоком Фатх. Поэтому, я думаю, что сводить к обобщениям достаточно сложно. Я полагаю, что мы давно прошли ту первую формулу обобщений про то, что мы имеем суннитов vs шиитов vs курдов.

РМ: Но можем ли мы говорить об этом в контексте 2003-2005 гг., когда была сформирована элита, элитные группы политических партий, которые, как вы знаете, мобилизовали свою базу только на этноконфессиональной основе? Я имею ввиду, например, формирование шиитского блока –

Объединенной иракской коалиции, но в которой присутствовали практически только шииты.

Инна Рудольф: Здесь разговор в основном об экзистенциальных страхах. Например, сразу после 2003 г. одним из нарративов для части населения стала необходимость сплочения на этноконфессиональной основе после того, как они были подвергнуты такому долгому тираническому правлению Саддама Хуссейна. Для них было необходимо преодолеть внутренние разногласия для того, чтобы не допустить снова ситуации, в которой бы над ними доминировало меньшинство. Это было также движущей силой, которая создала много альянсов, блоков и помогала им выйти объединенным списком. Но если вы посмотрите на выборы 2005 г. и до сих пор, то, говоря академически, с точки зрения тенденций, то мы наблюдаем все большую фрагментацию. С моей точки зрения, эта фрагментация достигла своего пика в последнем электоральном цикле. Мы видели конкуренцию внутри самих партий, например, партия «Даава» не была единой. Блок бывшего премьер-министра Хайдера аль-Абади начал распадаться, потому что такие лица, как Фалех аль-Файяд, меняли направления. Почти антагонистические соперники, как Хамис аль-Ханджар и Нури аль-Малики, сидели за одним столом. Такие вещи происходило и почти на микроуровне. Вы должны забыть о суннитско-шиитской разделенности и распределении власти, поскольку важнее становилось распределение властных полномочий по линии отдельных лиц. Для суннитской стороны, мы могли видеть, что вопрос в потенциальных союзниках, тех, которые вас не подведут. Если вы думаете о суннитском разочаровании в контексте Сахва или Пробуждения, то многие из них разочаровались отсутствием участия американцев, когда аль-Малики начал их распускать.

РМ: В итоге они присоединились к ИГ?

Инна Рудольф: Некоторые из них влились в радикальные группы, но другие решили бороться с ИГИЛ. Вместе с шиитскими милициями.

РМ: Это всего около четырех тысяч человек из племен…

Инна Рудольф: Нет-нет. У них было около 30 тысяч суннитских бойцов внутри аль-Хашд аш-Шаабий.

РМ: Это сказал спикер парламента аль-Джбури. Но если следовать реальной оценке, то в начале первого года мы можем говорить только о, приблизительно, 4000-5000 бойцов.

Инна Рудольф: К 2017 г. их численность достигла 16000 человек в провинции Найнава и 17000 в Анбаре. Таким образом, только в Анбаре мы говорим о 17000 бойцах, которые воевали в суннитских племенных структурах аль-Хашд (аль-Хашд аль-Ашаирий – прим. автора). Я бы также упомянула о 2-3 тысячах суннитских бойцах в более традиционных шиитских бригадах (как Бадр, Асаиб и т.д.). Эти гибкие альянсы, создаваемые аль-Хашд, с точки зрения приоритетов присоединены к одним группам больше, чем к другим. Мы могли видеть напряжение в «Бадр», когда Кассим аль-Аараджи ожидал снова получить доступ к портфелю министерства внутренних дел. Этот пост, как полагают многие аналитики, всегда входил в сферу интересов Бадр. Однако вокруг, как и для Кассема аль-Аараджи, все изменилось, что создало конкуренцию даже внутри структур Бадр. Возвращаясь к вашему первоначальному вопросу, я думаю, что этноконфессиональная динамика, различия и антагонизм могут использоваться определенными акторами, стремящимися поляризировать общество или инструментализировать ситуацию в своих целях. Но в настоящий момент на это меньше отзываются. Я полагаю, что у иракских политиков, учитывая их экспертизу, опыт и политиканство, игру в рамках системы, как и адаптацию к системе и их собственных подходов внутри системы, есть способность наблюдать за настроениями людей и толпы. Когда они видят, что не могут чего-либо достичь апеллированием к этноконфессиональным идентичностям, они меняют дискурс. Я читала избирательные манифесты различных партий: даже партия «Фатх» заявляла об открытии Ирака его соседям. То есть, даже если существуют партии, которые считались союзническими Ирану, на деле они в своих внешнеполитических ориентациях готовы к сотрудничеству с государствами Залива, суннитскими

странами. Таким образом, процесс изучения показывает, что видеть ситуацию сквозь призму секты или этноса просто недостаточно.

РМ: Мы решили, что не стоит смотреть на политическую и правящую элиту постсаддамовского Ирака, как на что-то вроде исключительно сектантства, этноконфессионализма или чего-то подобного. Что насчет кланов в элите? Мы можем назвать их – Садры, Аль-Хаким, Барзани, Талабани… Правящие кланы. Основан ли или, по крайней мере, находится ли иракский политический под влиянием некоторых кланов у власти? Как вы думаете, каков механизм их взаимодействия?

Инна Рудольф: Насчет внутренних конфликтов между семьями, как аль-Хаким и ас-Садр, написано очень многое. Но то, что мы видели в последнее время, так это то, что аль-Хаким отошел от Высшего исламского совета, от старших лиц в движении. Он создал свою партию «Хикма», которая в большей степени уделяла внимание человеческому развитию, вопросам положения женщин в обществе, реформ, государственного управления. Таким образом, аль-Хаким отошел от традиционных элит, ассоциированных с его семьей, и создал нечто свое. Он сумел также сблизиться с аль-Абади и ас-Садром вокруг идеи осуществления управления. Возможно это было привлекательным и потому, что коалиция «Саирун» ас-Садра объединила в себе множество движений, помимо самих садристов. Там были представители гражданских движений, интеллектуалы, левые, коммунисты… И им приходилось искать возможности для продвижения и осуществления политики. Они не могли объединятся на основе идеологии, поскольку марксизм и садристы – совсем не сходятся. Что может создавать такие альянсы с аль-Абади, Хикма, садристами, коммунистами? Некое соглашение о том, что им не принципиально, будет ли министр электроэнергетики суннитом, шиитом, курдом или членом расширенной семьи. Самое главное в том, чтобы электричество было проведено. Эту идею политические силы хотели донести до людей. Мне представляется, что это показывает, как семьи взаимодействуют друг с другом. Недостаточно смотреть просто на клан, как на константу, важно также обращать внимание на

межпоколенческую напряженность. Идея в том, что молодой аль-Хаким обладает другими, более либеральными, идеями, нежели старшее поколение. Поэтому, я полагаю, мы можем видеть сотрудничество и взаимодействие между представителями разных кланов, принадлежащих почти одному поколению. Мы можем также, например, видеть какие-то схожие вещи между людьми, которые из старшего поколения Пешмерга. Там даже больше общего между старшими поколениями ПСК и ДПК, в то время как молодежь этих партий также ближе друг другу. Среди них же есть люди, которые говорят, что хотели бы базироваться на своём гражданстве, а не на том, что они – курды. Я думаю, что это сейчас создаёт новые тренды и механизмы: контестацию, кооперацию, кооптацию.

Есть и другой момент об этих правящих семьях. Даже во многих европейских государствах можно найти семьи с долгосрочным влиянием. Иракским же семьям удаётся правильно себя представить, но во многом их успех также зависел от их способности использовать общественные тренды и настроения. Например, аль-Хаким столкнулся с проблемой, когда были протесты в Басре. Он хотел поехать туда и выразить поддержку своей партии «аль-Хикма» демонстрантам по вопросам, которые те поднимали. Но протестующие не позволили этому произойти и не хотели. Демонстранты уже были знакомы с тем, что после определенных протестных движений, их лидеры в итоге оказывались в парламенте. Эти лидеры в парламенте говорили на языке этих протестов, но никаких реформ или разницы в социально-экономическом плане не происходило. Это тоже отграничивает элиты. Это тоже добавляет ограничения на элиты, ее правящие семьи. И чем больше у вас журналистских расследований, больше наблюдений и транспарентности, как через международное давление, так и внутреннее. Сейчас сложно найти деловые связи… Так, если один человек сидит в одной комиссии и переводит средства другому человеку – своей семье, но не напрямую, а, скажем, двоюродному брату. Такие расследования коррупции также добавляют ограничений в плане использования элитами институциональных возможностей. Отмечу, что я говорю не только о тех, кто в парламенте или в административных структурах.

РМ: Если мы вернемся к семьям… Как они технически находят компромиссы для принятия решений? Есть ли у них специальные люди, ответственные за это или каков механизм?

Инна Рудольф: Я думаю, не смогу говорить о каких-то специальных и ответственных людях, поскольку это будет зависеть от семьи к семье. Такая информация очень быстро меняется. Кто в нынешнем политическом контексте был бы приверженным работе по нахождению компромисса в условиях, когда все постоянно меняется? Поэтому вы не можете говорить или зависеть от конкретного лица. Если говорить о механизмах, то мы знаем их. Я думаю, интереесно посмотреть на то, почему часть механизмов не работает. Можно, например, взглянуть на выборы Бархама Салеха, который отказался участвовать в ряде сделок. Я имею ввиду, когда отдельные лидеры делят ресурсы, вроде «здесь мои интересы, я беру то, а вы берите то; я могу пойти на уступки тут, а вы пойдите тут…». То есть, этот процесс очень транзакционный. Об этом можно говорить спокойно. Но проблема проявляется, когда одна персона (иногда несколько) с большими возможностями конкурирует за конкретную позицию. Если он решает, что у него не только поддержка элит, а достаточно символического капитала, народного внимания и определенная репутация в конкретном контексте, то он может открытому отказу и заявить о своем нежелании быть частью этой сделки. Более того, он может выставить это на голосование. И в этих условиях ситуация может развиваться по интересному сценарию, особенно если к этому не было готовы предполагаемые брокеры сделки. Последние могли не обеспечить необходимого им решения на голосовании масс, полагаясь на транзакционные соглашения за кулисами. Я думаю, это интересно.

Другая история с крупнейшим блоком в парламенте, который никак не может сформироваться. По этой причине премьер-министр – очень компромиссная фигура. В этом плане все должны поставить свою подпись под его именем и согласиться на то, что они могут работать с ним. Но к чему это нас привело? Премьер-министр оказался в позиции заложника у разных партий, пытаясь

постоянно лавировать между конфликтующими интересами. Во многом это привело к парализации политического процесса. И такой опыт трудной политической борьбы во время переговоров (horse-trading period) после последнего раунда выборов поставил тех, кто руководит правящими семьями, кланами, перед необходимостью переосмысления их подходов к взаимодействию. Сейчас они изучают, насколько достаточными институциональными, и не только, возможностями и властью они обладают, при конкретной компромиссной фигуре. Это подводит нас к последнему моменту, который я хотела бы отметить. Сейчас все говорят о технократическом правительстве. Но если у нас будут в правительстве на министерском уровне исключительно технократы, образованные и опытные, знающие свою работу люди, а на остальных уровнях сохранится набор в соответствии с квотами по «мухасаса», это снова ставит вопрос о власти и возможностях этих технократов реализовать тот или иной проект. Представьте, у вас пять разных партий, каждая из которых получила ту или иную позицию, необходимую для реализации, скажем, большого проекта реконструкции. Одна партия становится ответственной за отдельный этап или район, другая партия за другой участок, третья за безопасность… И получается, что проект должен пойти по семи различным уровням. И министр должен это все реализовать, выступить гарантом транспарентного процесса имплементации, согласно закону. Но шаги зависят от институциональных возможностей и полномочий и добычи, которую разные партии получают за отдельные части проекта. И мы снова возвращаемся к вопросу: как много один технократ на министерской позиций может сделать в Ираке, если система остается той же самой? Существует множество и других вопросов.

PM: Спасибо большое!

Интервью № 6 (по записям автора). Записи автора со встречи с членом Патриотического союза Курдистана в Эрбиле (Ирак), пожелавшего остаться неназванным[517].

РМ: В чем значимость референдума? Как Вы видите отношения Эрбиля и Багдада?

Член ПСК: От референдума до независимости – долгий путь. Это – первый шаг. Референдум призван дать легитимность дальнейшим переговорам. Мы не видим перспектив на изменения в Ираке. Иран сильнее [премьер-министра (2014-2018 гг.) – прим. автора] аль-Абади в риторике и выступает против его реформ. Посмотрите на карту – у нас 500 км границы с Ираном и 380 км с Турцией. Иран и Турция имеют постоянные делегации в Иракском Курдистане. Я бы отметил, что иранцы не проигрывают в переговорах. Мы хорошо общаемся с [командиром подразделения «аль-Кудс» КСИР Ирана – прим. автора] Касемом Сулеймани, он участвовал в борьбе против С. Хусейна.

У нас [курдов – прим. автора] отличные отношения с арабами, нынешней властью в Багдаде. [Президент Ирака (2014-2018 гг.) – прим. автора] Фуад Маасум вел докторскую диссертацию [бывшего премьер-министра (2006-2014 гг.)] Нури аль-Малики. [вице-спикер иракского парламента, с 2017 г. – лидер Высшего исламского совета Ирака (был также председателем комитета подготовки конституции Ирака) – прим. автора] Хумам Хаммуди был с нами в Халабдже. Это поколение иракских деятелей выросло вместе с нами. При создании курдского государства мы могли бы образовать лучшую модель в наших отношениях с Багдадом, чем то, что предлагается и осуществляется по палестино-израильскому треку.

Мы должны были объявить о государстве еще в 1990-м г. Тогда корпуса С. Хусейна сдались Пешмерга, но курды не думали о независимости. Тогда мам-Джаляль [Джаляль Талабани, лидер ПСК, президент Ирака 2005-2014 гг. – прим.

[517] Записи автора со встречи с членом Патриотического союза Курдистана в Эрбиле (Ирак), пожелавшего остаться неназванным. 2017 г. Перевод с арабского языка.

автора] предлагал мультиэтничность, принципы федерализма, создание институтов, распределение власти, достижение национального консенсуса о всеобщем балансе, как и балансе структур безопасности. Сегодня курды представляют не партию, а народ. И мы не принимаем такую ситуацию, когда шииты делают, что хотят. Будущий премьер будет тот [по итогам выборов 2018 г.], кого назначат аятолла ас-Систани и [глава подразделения Кодс КСИР Ирана] Касем Сулеймани – от этого не уйти. Сейчас парламент отстранил от должности губернатора [Наджмеддина Карима – прим. автора] в Киркуке…Все это плодит проблемы.